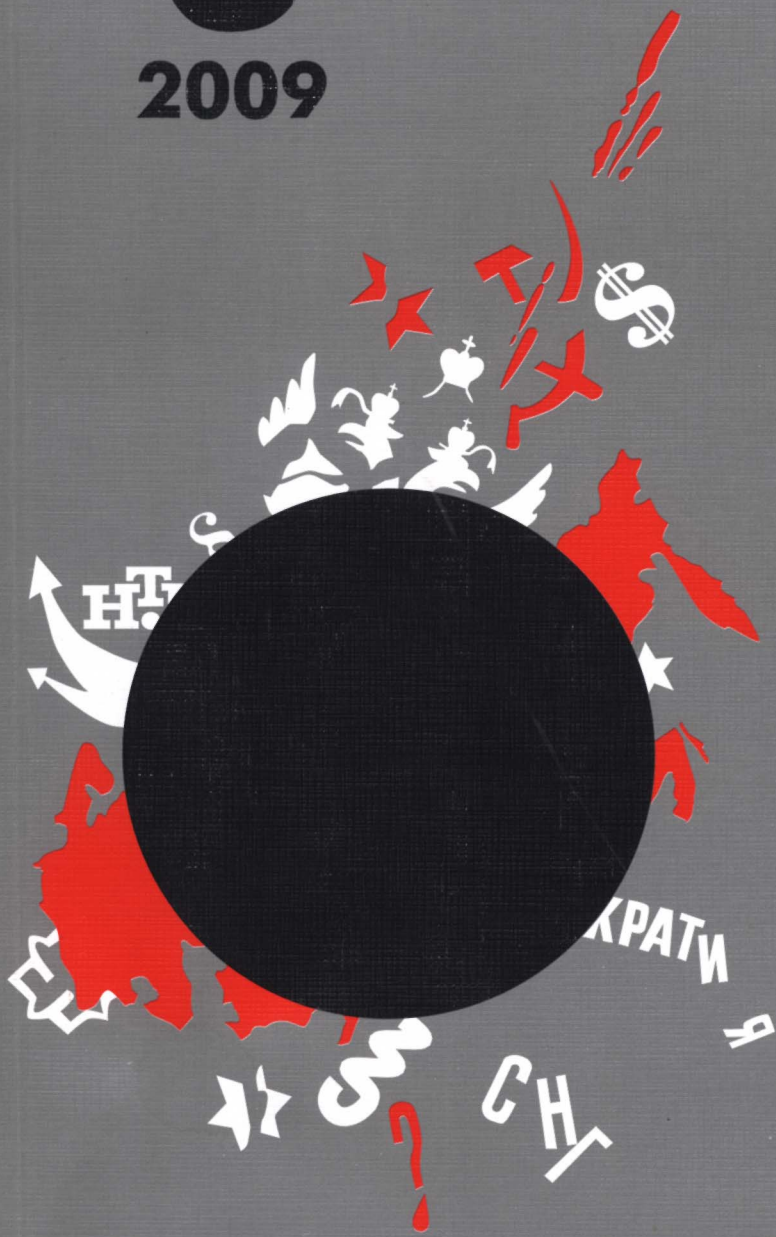

3
2009

РОСССНЯ XXI

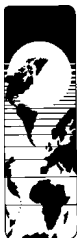
3. 2009 май-июнь

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Ревнители белой правды:
о политических издержках покаяния _____ **4**

Геоглобалистика

Виктор Мальков

Америка: повторение пройденного? _____ **34**

Страницы истории

Дмитрий Павлов

Япония эпохи Мэйдзи в восприятии западного
сообщества _____ **58**

Андрей Юрганов

Сталин и Эйзенштейн (дискуссия о фильме
«Иван Грозный») _____ **92**

Ярлыки и мифы

Ольга Белова

Фигура служителя культа
в народных представлениях ___ 132

Актуальный архив

Игорь Максимычев

Время разбрасывать камни.
Падение берлинской стены
9–10 ноября 1989 года _____ 146

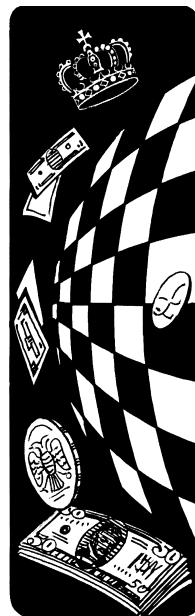
Contents in English look at the page 196

РОССИЯ ХХІ

Кто по объективно желаемому должен быть противником, выступает на твоей стороне; то, что кажется враждебным, отказывается от борьбы, а представлявшееся единым фронтом оборачивается против самого себя. И все это в вихревой неразберихе и изменчивости. Это может превратить меня в противника того, кто казался ближайшим, и в союзника самого далекого человека. Можно было бы вообразить, что этот образ возник

вследствие борьбы двух эпох,
происходящей сегодня,
причем таким образом, что
отдельный человек не знает,
где он находится, и никто
не может знать, что же
действительно старое
и что, собственно говоря,
будущее; эпоха еще неясна
в своей сущности; поэтому
без понимания себя и ситуации
люди борются, быть может,
против подлинного смысла.

Карл Ясперс

Сергей Кургинян

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

РЕВНИТЕЛИ БЕЛОЙ ПРАВДЫ: О ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЗДЕРЖКАХ ПОКАЯНИЯ*

УДК
32.019.51

The article is a rejoinder to the contemporary demands of the Right radicals that receive certain support of the Russian Orthodox Church. These forces demand a new repentance of the Russian nation under the circumstances of the global crisis. The Right radicals pedal the theme of the tsar's family shooting and in this connection a new round of de-Bolshevization of the Russian society. It would seem where to and for what this preaching is performed? But the White Truth zealots do not quiet down. Sure, the Russian Orthodox Church as one of the state frameworks of the here-and-now enjoys the right to have its point of view. Finally, the spiritual assessment of the past belongs to people striving to restore the historical justice. However the repentance has two aspects. And what is moral from a preacher's point of view may be utterly immoral from a politician's point of view. That happens not because politics is the dirty business a fortiori but because politics has its own logic different from logic of preaching. A new round of repentance is a move which is politically detrimental and dangerous. In the short run it poses a threat to Russia's political independence. The blockade circle is contracting. In these circumstances manipulation with symbols and values is fraught with new disaster for the Russian people. Is there any use in such preaching?

Ключевые слова: расстреляцарскойясемьи;япокаяниеняна-
рода;яРПЦ;ядебольшевизация.я
я
я
E-mail:яecc@ecc.ruя

---

* Отрывок из книги «Исав и Иаков» (журнальный вариант). Книга подготовлена к печати.

ГРЕХ ОТРЕЧЕНИЯ

Если некто во Франции заявит, например, что нужно отменить все акты «парижской хунты 1789 года» и вернуться к легитимной монархии, то все зависит от статуса этого «некто». Выражает ли он личную позицию (его право)? Или от лица какого-то института призывает к тому, что – в случае обнаружения института, стоящего за высказыванием, – французы назовут антиконституционной деятельностью?

15 июля 2008 г. Интерфакс публикует высказывание священника Георгия Рябых: «Было бы справедливо вернуть на кремлевские башни двуглавых орлов, которые их украшали в течение столетий».

А если представитель католической церкви предложит изменить французский государственный флаг, сказав, что «было бы справедливо»? Или не флаг, а гимн?

17 июля средства массовой информации сообщили, что Всемирный русский народный собор во главе с патриархом Алексием II призвал государство официально осудить убийство царской семьи. Помимо этого, на соборной встрече в Екатеринбурге прозвучало обращение к властям с просьбой реабилитировать Николая II и членов его семьи. Протоиерей Всеволод Чаплин заявил в связи с этим: «Государство, не осудившее преступлений, совершенных против царской семьи, отягощает себя, а в некоторой степени и народ последствиями этих преступлений. Осуждение государством убийства царской семьи станет актом покаяния нашей страны перед убиенными царственными страстотерпцами».

«Покаяние страны...» «Государство отягощает себя...». Заметим, что речь идет уже не о «преступлениях коммунизма», а о конкретном деле – убийстве царской семьи.

Можно рассуждать, чем буржуазный строй отличается от коммунистического. Но гораздо труднее рассуждать, чем убийство Марии-Антуанетты, ставшее жертвой на алтарь построения буржуазного общества, отличается от убийства Александры Федоровны, ставшего жертвой на алтарь построения советского общества. По большому счету – ничем не отличается. А если чем-то и отличается, то степенью соучастия народа в одном и другом убийствах. Во французском случае оно было неизмеримо большим. Толпы парижан, которые могли остановить убийство, ликовали по его поводу, рвались окунуть платки в кровь...

Русский же народ ничего подобного не делал и ведать не ведал об убийстве. Но французское государство не отягощено убийством. А Российская Федерация отягощена. Франция (страна!) не должна каяться. А Россия (опять-таки как страна!) должна каяться. Почему? Потому что царственные жертвы революции 1917 года канонизированы? Этот особый статус придал им авторитетнейший духовный (но духовный, и не более того!) институт – РПЦ. Никто не давил на РПЦ с тем, чтобы этого не произошло. Но почему РПЦ давит на власть, представляющую не православных верующих, а всю нацию? Власть избирали не в храмах, а на избирательных участках.

Всемирный русский народный собор – это общественная организация, в существенной степени находящаяся в орбите РПЦ! Название не должно мутить разум. Если завтра я создам общественную организацию и назову ее «Всенародное вече», то это не значит, что я собрал вече. Во-первых, я собрал не вече, а сто человек (или тысячу). Во-вторых, вече не предусмотрено Конституцией.

Всемирный русский народный собор резко превысил допустимые нормы волеизъявления. Он – по какому-то праву – хочет давить на общенародную власть. А по какому праву? Если есть хоть какое-то право, то оно принадлежит не ему, а тому институту, в орбите которого он находится.

Но есть ли и у него это право? Ведь слишком очевиден тогда переход грани между «цесаревым» и «божьим». Повторяю, речь тогда идет о давлении церкви на власть и государство. Причем о таком давлении, которое убийственно и для власти, и для самого российского государства.

Власть должна разорвать консенсус с весьма существенной частью своего населения ради того, чтобы удовлетворить другую часть? Любой политолог вам скажет, что следующим шагом на таком пути бывает диктатура. Или же – крушение власти. Государство, уступив, начнет перекраиваться. Ибо оно при таких уступках перестает быть государством Модерна (отделение церкви от государства при уважении государством церкви – главный принцип Модерна).

А каким государством оно тогда становится? И как оно может им стать, не переписав Конституцию? И как можно переписать Конституцию без учета интересов неправославных частей государства, а значит, без нового витка центробежных тенденций?

В любом случае, вдруг заговорили о покаянии страны (видимо, страны-преступницы) – причем массированно и под ПОЛИТИЧЕСКИМ углом зрения. Это случайность?

18 июля на сайте телеканала «Россия» (программа «Вести») появляется интервью, взятое у князя Александра Трубецкого и также посвященное 90-й годовщине расстрела семьи Романовых. Трубецкой говорит: «Хочется верить, что в России начнут осознавать ужас, который постиг ее историю. И что Россия будет приходить к чувству общего покаяния: это чувство, что каждый русский виновен в том, что произошло в истории страны. Первый этап покаяния – это когда Россия будет признавать открыто, что эти события (массовые расстрелы) были. Это и будет покаянием».

Интервью князя Трубецкого, на мой взгляд, раскрывает всю подоплеку происходящего. Оговорю для вящей корректности, что интервью было размещено лишь на сайте канала «Россия», а в эфир программы «Вести» не вышло. Но разве сайта мало?

Вчитайтесь в текст интервью! Ощутите парадоксальность позиции!

«Ужас постиг историю России...» Но не историю Франции?!

«Чувство общего покаяния...» В каком смысле общего? Нация по-разному относится к событиям. Какое вообще может быть общее покаяние? Это совместимо с христианским персонализмом? На Страшном Суде судить будут нацию? Или каждого по грехам его? Чем виноваты люди, которые не жили в эпоху революции? Тем, что у них одна нация?

В чем виноваты рязанские мужики, которые никаким мыслимым способом не могли узнать, что происходит в Екатеринбурге? Что они должны были делать? Схватить вилы и побежать в Екатеринбург? И в чем они виноваты? В конкретном убийстве? Или в том, что «оскоромились коммунизмом»? Речь-то вроде идет о конкретном убийстве?

Но как можно такое конкретное дело вешать на всех? А те, по поводу чьей судьбы должны в стольких поколениях так мучиться и так каяться, – они ни в чем не виноваты? И нет отдельной избирательной вины элиты (аристократии, клира, дворца, военного руководства)? Нет их вины ни в том ужасе, на фоне которого все начало разворачиваться, ни в самом отречении, ставшем прологом к гибели?

А английское королевское семейство тоже будет каяться вместе с рязанскими мужиками? Оно ведь отказалось принять царскую семью, отказалось спасти ее от гибели, неминуемой в условиях революционной ситуации!

Но главное, конечно, – так называемая монархическая элита. Она знает, что НА НЕЙ КРОВЬ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ. На ней! И весь мир это знает. И что же? Эту кровь надо переложить с себя на русский народ? На несколько поколений этого народа? А самим учить других покаянию так же, как аппаратчики из ЦК учат ненависти к большевизму?

«Каждый русский виновен в том, что произошло в истории страны...» Не слабо! А каждый француз тогда виновен в том, что произошло в истории Франции?

И как все расчерчено! Как в плане строительных работ... «Первый этап покаяния...» Когда есть первый этап, то должны быть следующие...

Я уже говорил о герое фильма Абуладзе «Покаяние», выбросившем труп отца на свалку. Роль этого фильма в «перестройке-1» заслуживает самого пристального внимания. Пока же лишь оговорю, что где перестройка – там и покаяние. Где покаяние – там и перестройка. «Перестройка-1» – «покаяние-1». «Перестройка-2» – «покаяние-2»... И так далее.

Никогда не забуду и не прошу того, как перестроечная тележурналистка показывала лица стариков-ветеранов. Как она, давая суперкрупные планы, смаковала приметы дряхлости. Она делала это так, будто у нее самой нет ни отца, ни дедов. И будто бы она вкусила даосского эликсира бессмертия. Конечно же, это было, в том числе, и средством ведения идеологической борьбы. То же самое происходит теперь.

Одно дело – беречь память усопших... Вглядываться в старые фотографии... Так соприкасаются с жизнью любимых, как бы воскрешая в памяти эту жизнь.

Совсем другое дело – навязчиво окунаться в буквальность останков, тления, праха. Это некрофилия. Не зря в этом самом фильме «Покаяние» так подробно и детально погружают зрителя в стихию гниения, трупные сюжеты и «запахи».

То же самое, увы, происходит вокруг столь активно раскручиваемой сейчас темы убийства царской семьи. Останки... Кости... Экспертизы... Вот эта косточка – она чья? Она точно принадлежит мальчику? Или – девочке?

Понятно, что для судмедэксперта или патологоанатома такой подход – норма профессии. Но почему надо устраивать по телевизору прозекторскую на всю страну? Причем с некоторыми очевидными элементами смакования?

Я могу представить себе, что подобный стиль, сильно смахивающий на постмодернистские инсталляции, просто нравится его конкретным создателям. Но вряд ли к этому можно свести и информационный штурм по поводу убийства царской семьи, и его некрофильскую составляющую. Речь идет о масштабной спецоперации, с помощью которой хотят решить определенные политические задачи.

Этим штурмом (и всей совокупностью очень опасных для страны и власти «покаянных» политических новаций), видимо, хотят заменить то необходимое, что слишком трудно осуществить. Обеспечение реальной стабильности и, тем более, сочетание стабильности и развития. Консенсус развития не нужен. Его активно не хотят и подменяют другим. За этим стоят самые разные, в том числе и вполне банальные, интересы. Начнись развитие – ему надо соответствовать. Или покидать историческую сцену. Проблема носит и классовый, и групповой характер.

Класс уже однажды решил ее определенным способом. Он не захотел соответствовать и отказался отдавать власть. Решение подобной двуединой задачи потребовало от него демонтажа СССР и обрушения РФ в социальный регресс. Если класс в очередной раз откажется и соответствовать целям развития, и отдавать власть, он снова займется демонтажем и обрушением. Это и будет «перестройка-2».

Но речь идет не только о классе. Речь идет об интеллектуально-сервисной группе. Назовем ее активом.

Заявлена тема развития. Надо хотя бы начать говорить о развитии. Но актив говорить не может. Он в этом ничего не понимает, ему это скучно, тошно. Он видит в этом какой-то, знаете ли, даже подвох. Все, что актив может, это закатывать истерики, устраивать шоки, выкапывать и закапывать трупы, осквернять память жертв и так далее. В этом он дока. Его этому учили. Ему это нравится. Актив, как и класс, не хочет уходить с исторической сцены. А значит, он должен подменить разговор о развитии – разговором о негодях (красных и прочих), дурными морализациями и так далее. Что он и пытается сделать.

Актив подталкивает класс, угадывая его сомнения, а класс стимулирует актив. Так было двадцать лет назад. И что-то сходное хочет повториться теперь.

У такого повтора должна быть фокусировка. Фокусом делают тему убийства царской семьи. Это, что называется, видно без очков. Ну что ж, не мы призывали к фокусировке на этой – очень непростой и весьма деликатной – теме. Но раз уж кто-то пытается использовать именно

такую фокусировку, то отказаться от дискуссии мы просто не имеем права. Надо только попытаться, чтобы дискуссия носила минимально конфронтационный характер.

Начну с рассмотрения политической логики и вытекающего из него прогноза развития политической ситуации. Предположим, что раскрутка темы убийства царской семьи возобладает. Что дальше? Следом за этой раскруткой с ее надрывной морализацией (убиенные дети, убийцы с окровавленными руками, мерзавцы, творящие тайные ритуалы, и так далее) нужна эксгумация трупов в духе «Покаяния-2». То есть вынос Ленина из Мавзолея, демонтаж некрополя у Кремлевской стены и так далее.

Это актив умеет. Рассказать о белом проекте развития он не может. Выдвинуть концепцию будущего не может. А жонглировать трупами – «силь ву пле». Отжонглировали... Что дальше? Каков следующий этап покаяния, если я правильно понимаю замысел князя Трубецкого?

Понятно, что Ленин – не «кровавый палач» (или, точнее, ничуть не более кровавый, чем Кромвель или Робеспьер), а **ОСНОВАТЕЛЬ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА**. Если до конца сплясать на костях Ленина и Сталина (а предлагается именно это), то неминуемо возникнут как уже обсужденные мною ранее проблемы с советской правопреемственностью, так и острее проблемы собственно политического характера.

НАЧНЕТСЯ ПОЛИТИЧЕСКИЙ – И ИМЕННО ПОЛИТИЧЕСКИЙ – КРИЗИС, ПРИЧЕМ ЖЕСТОЧАЙШИЙ.

Ведь действие рождает противодействие... Власть отпадает от осуществленного Путиным зыбкого идеологического синтеза? Тогда электорат отпадает от власти.

Путинское большинство испаряется.

Власть оказывается в изоляции от большинства и в объятиях «белой группы».

Большинство начинает наседать.

«Белая группа» требует для самоспасения диктатуры.

Перед началом этой диктатуры политические лидеры (Путин и Медведев) должны исчезнуть со сцены как виновники дестабилизации.

Появляются новые фигуры.

Невозможность их легитимации порождает декоративный, но не лишенный кровавости режим.

Режим быстро выходит из берегов.

Возникает не большая, как кажется, а значительно меньшая международная легитимация.

Режим становится еще жестче. Это называется «галопирующее ужесточение».

Нарастает и ответное ожесточение – и вне, и внутри страны.

Режим разваливается.

Россия исчезает с исторической сцены.

Кто-то думает, что события будут развиваться иначе? ГКЧП тоже думал («да в суп попал»). Кому-то хочется, чтобы противник попал в очередной «суп»? Однако в «суп» попадет не только противник, но и народ. И если мы этого не хотим, а это запускают, в том числе используя тему убийства царской семьи, то придется, обсуждая развитие, заняться еще и (по возможности, кратким) рассмотрением этого убийства.

Во-первых, потому, что мы и перспективы, связанные с развитием, обсуждаем политически (то есть предполагая, что развитие могут превратить в свою противоположность, «перестройку-2»).

Во-вторых, потому, что если это все начнется, то реального развития не будет и в помине. А будет, напротив, очередной регресс. И все это как раз под регресс и сооружается.

В-третьих, потому, что есть неявная связь между данной исторической тематикой и тем, что входит в понятие «стратегия развития».

Начну все-таки с того, что в Российской империи были самые разные силы, понимавшие, что развивать империю можно. Причем делать это надо жестко, мобилизационно и вопреки разного рода элитным играм. Эти силы существовали и в армии, и в тогдашних спецслужбах, и в интеллектуальной среде империи. Чаще всего упоминают в связи с этим программы Маниковского и Главного Артиллерийского управления российской армии. Но это только верхушка айсберга. Архивы императорского Генштаба, другие спецархивы империи ломятся от нереализованных проектов, которые спасли бы все, о чем мы запоздало плачем: и жертв гражданской войны, и царскую семью, и жертв коллективизации, и жертв 1937 года.

Нужно было только суметь мобилизовать имперскую систему на развитие. Не на стабилизацию, не на спокойные десятилетия, которые грезилась Столыпину и которых не могло быть, а на развитие. Были люди, были структуры, были разработанные проекты. Чего не было? Не было ВОЛИ – политической адекватности лидеров и готовности правящего класса (элитных групп) соответствовать требованиям истории.

А когда нет такой ВОЛИ, то ужасная штука под названием «революция» становится фактически неотвратимой. Если группы и классы, лидеры и системы не могут соответствовать, то их безжалостно устраняют, потому что в противном случае погибнет народ. В этом высшая и неотменимая революционная правда. Страшная правда, но правда. Да, надо сделать все, чтобы избежать революции. Но если революция становится неизбежной, то она лучше, чем гибель нации.

УПРЯМАЯ ТУПОСТЬ КЛАССА И ЕГО ВОЖДЕЙ – ОНА И ТОЛЬКО ОНА – ОБРЕКАЕТ НАРОДЫ НА РЕВОЛЮЦИИ.

Революция – жестокая сила, вырывающая народ из сладких объятий смерти. Ромен Роллан, Че Гевара, многие другие настаивали на том, что революция – это не ненависть, а любовь. Странно, что такой весьма авторитетный подход, такая философско-историческая традиция, насчитывающая уже столетие, находится вне поля зрения сегодняшних борцов с революционностью как таковой. Но, увы, это так. Да что там эти борцы! Даже КПРФ заговорила, как мы помним, о неких странных «лимитах на революцию».

Но что же борцы с революционностью? Они хотят отменить ЛЮБЫЕ революции? Буржуазные тоже? А заодно и национально-освободительные, антифеодальные? Опираясь на какую философию, какую систему ценностей, можно это сделать? Понятно, что речь идет не о философии Модерна и не о ценностях Модерна. То есть не о том, что породило и современных западных либералов, и современных же западных консерваторов. Но тогда о чем же речь? А что, если речь идет о какой-то новой и исторически беспрецедентной легитимации НЕРАЗВИТИЯ как такового через разговоры о «кровавых преступлениях революции» и о «лимитах на революцию»?

Не хотите революции? Осуществляйте развитие, а не топчитесь на месте!

Повторяю – и Главное Артиллерийское управление, и Военная разведка Российской империи, и другие структуры имели – возможно – спасительные планы, выполнение каковых предотвратило бы революцию с ее кровавыми эксцессами, включая убийство царской семьи.

Но планы эти остались на бумаге! Кто их оставил на бумаге? Власть! Ее косность, скованность борьбою элитных групп, историческая близорукость суть Причина, Следствие же – Ленин и Сталин. И не надо путать причину и следствие!

СИМВОЛЫ И ЦЕННОСТИ

Если элита отказывается реализовывать развитие – ее сбрасывают. Таков всемирно-исторический закон. Наверное, его можно попытаться отменить. Не в этом ли задача гло-

бализации? Но вряд ли его можно отменить без того, чтобы сгноить человечество на корню. Может быть, кому-то хочется именно этого?

В любом случае, планы по развитию, положенные под сукно, – это историческая вина господствующего класса. Класса как целого. Это вина как тех, кто был субъектом политической воли, но не проявил ее, так и тех, кто, не будучи субъектом политической воли, входил в господствующее «мы», совершившее непростительную ошибку.

Это «мы» называется «династия». Она дает права, но она и взыскует – политически, метафизически и иначе.

Входящий в такое «мы» и ничем не проявивший себя ребенок пользуется огромными преимуществами потому, что он сын царя, а не сын крестьянина. Но он и цену за эти, им лично не заслуженные, преимущества будет платить иную. Дети за отцов не отвечают? Правильно. А наследники за царей отвечают.

Так было всегда и везде. Россия тут не какая-то аномалия. Это норма в эпоху абсолютных монархий, революций и мятежей. Если ты член династии и династия не удержала власть, ты заплатишься.

Первый и основной вопрос состоит в том, почему власть не была удержана. А не удержана она была потому, что и в Российской империи место ускорения и прорыва (по Маниковскому или иначе) заняла «перестройка» с ее распутищиной и прочим. Не дав состояться ускорению и прорыву, элита заплатила страшную цену.

Второй вопрос состоит в том, куда делись те наработки по развитию, которые не использовали царь и его элитные группы. Отвечаю, куда. Их-то и использовали Ленин и Сталин (точнее, ВКП(б) в целом). Они были молоды, решительны, свободны от устоявшихся предрассудков. Кто бы что бы ни говорил – достаточно образованны. Они подняли архивы, в которых мертвым грузом лежали предложения по развитию. И пустили в дело, разобравшись, что им нужно и что и в какой последовательности должно быть осуществлено. Сделав это, они спасли русский народ и другие народы империи от абсолютного уничтожения во Второй мировой войне, которая все равно бы разразилась. Ибо фашизм нужен был не для борьбы с коммунизмом, а для борьбы с гуманизмом

как таковым. Он был запланирован и неотменяем. И он все равно обернулся бы «окончательным решением русского вопроса».

Единственная возможность отменить это решение заключалась в том, чтобы развиваться и не погибнуть. Сделав это, большевики спасли себя и мир. Если бы, повторяю, это сделал царь – было бы в чем-то лучше. По крайней мере, крови было бы очевидным образом меньше. Но царь этого НЕ сделал и поплатился. Он поплатился за свои ошибки, а не пал жертвой чьих-то ритуальных фантазий.

Третий вопрос – о роли в истории этих самых ритуальных фантазий. Когда французская царственная семья (в чем-то похожая на российскую) была казнена, то, как говорят, некто ритуально соприкоснулся с кровью и воскликнул: «Ты отомщен, Жак де Моле!» Речь шла о тамплиерской мести за злодеяния Филиппа Красивого.

В чем тут французский урок нам?

Прежде всего, в том, что во Франции, где это в разных вариантах живописуют, разводят руками и говорят: «Ну, и что? Ну, был ритуал! Признаем! Ну, были интегрированы в революционный мутный поток какие-то парapolитические силы! Можно долго разбираться, какие. Ну, совпали какие-то парapolитические интересы и интересы истории... Главное-то тут история, а не конспирология. А если даже конспирология имела место – это ничего не меняет. Мы по причине ее наличия вовсе не собираемся отменять "Марсельезу" как государственный гимн».

Урок и в том, что не бывает игры в одни ворота. Кровавый счет всегда носит двусторонний характер. Грубо говоря, есть кровавый счет РОМАНОВЫХ, а есть кровавый счет К РОМАНОВЫМ. Иначе в истории не бывает.

Кровавый счет к Романовым был много у кого. К Романовым вообще и к последнему царю в частности. Так называемый «красный граф» Игнатъев перешел к красным потому, что считал (и, видимо, не без оснований) своего отца убитым по неявной отмашке государя императора. Если же учесть памятьливость элиты, то общий исторический счет к Романовым был огромен. Был и революционный счет. Самый разный. У Анджея Вайды в «Пепле и алмазе» по этому поводу хорошо сказано: «Что ты делал во время восстания?» – «То же, что и все. Стрелял в немцев». – «А теперь в поляков?» – «А вы по воробьям...»

Романовы (включая последних) тоже стреляли. И не по воробьям, а по людям. Если через сто лет у одной стороны сохранился такой мсти-

тельный счет, то почему у другой стороны не могло быть счета – как исторического, так и буквального, по кровавым следам того же 1905 года?

Кроме того, Николай II был Верховным Главнокомандующим в одной из самых кровавых войн человеческой истории. Давайте начнем аналогичным образом описывать те жертвы. Ту мясорубку. Те миллионы разлагающихся трупов. Давайте вспомним, о чем шушукались по всем углам (царица, Распутин, немецкое лобби, сдаваемые планы военных сражений). Обсуждалось же это! Однажды – даже на заседании Государственной Думы!

Так что? У семей погибших не было счета к тем, кто своей ординарностью или двусмысленностью нагромоздил горы трупов? А почему у них не должно было быть счета? Они не люди, что ли? Было бы очень странно, если бы такого счета не было.

Мой дед, воевавший в «империалистическую», считал, что счет этот был огромен. И что именно он все в итоге и решил. Был ли счет справедлив? Тут до сих пор нет конкретных правдивых ответов. Но ведь существует и великая в своей абсолютной неопровержимости правда истории!

Мы победили в войне 1941–1945 годов в условиях, когда против нас была вся захваченная нацистами Европа, а второй фронт открылся поздно. И к тому же был все-таки очевидно вторым.

В войне 1914–1917 годов наш фронт был скорее вторым, хотя и очень важным. И англичане, и французы несли немереные потери и воевали отчаянно. Против нас была не Европа и не тоталитарный фашистский режим, а две страны – Германия и Австро-Венгрия. Мы проиграли тогда. И отвечает за проигрыш лидер. А также господствующий класс.

Отнять у Сталина лавры победы невозможно. Как нельзя и игнорировать то, что Николай II привел к иному военному, политическому, а значит, и историческому результату.

Так все же как надо относиться к трагедии царской семьи? Должны ли мы оплакать людей, которых казнили столь свирепым образом? Безусловно, должны. Не станем же мы воспевать казнь, тем более казнь детей! Нужно ли возносить казненных на духовный пьедестал (что уже сделала РПЦ)? Это дело РПЦ. Ей виднее. Я никогда не вмешивался ни в один спорный вопрос, который как-то задевал Русскую Православную Церковь. Потому что Церковь все-таки хранит хоть какие-то историче-

ские традиции и хоть как-то поддерживает моральный дух в весьма проблематичном российском обществе.

Я готов бесконечно благодарить любого, сколь угодно далекого от идеи развития священника, если он внушит своей пастве хоть что-нибудь моральное. Если он в чем-то сознании проведет какую-нибудь грань между добром и злом. Если он как-то будет противостоять нарастающей криминализации, одичанию, бесконечному духу наживы и стяжательства.

Но даже если он не будет этого делать, я все равно ничего не скажу – хотя бы потому, что это не мое дело. Пусть говорят те, кто находится внутри системы. Диомид или кто-то еще. Я буду следить за этой дискуссией без всякого злорадства и искренне надеюсь, что победит дух, способный сохранить Церковь как одну из каркасных государственных конструкций. Как нельзя было, при любом отношении к КПСС, воевать против нее в конце 80-х годов (поскольку было слишком ясно, что это обернется крахом страны), так нельзя сейчас воевать против РПЦ, слишком сильно связанной с устойчивостью российского государства.

Церковь решила возвести царскую семью на пьедестал великоученичества? Ее полное право, заслуживающее нашего уважения. Но это церковный пьедестал. И его надо отличать от пьедестала политического.

Много говорится о сострадании и о примирении. Но исторический опыт неопровержимо показывает, что сострадание приводит к примирению только тогда, когда оно адресовано всем участникам исторической драмы. Кроме того, политика диктует меру в вопросе о сострадании. Каждый из нас должен сострадать созвучно своей душе. А все мы вместе имеем право сострадать лишь в той степени, которая не является политически гибельной.

РОССИЯ – КАК ВСЕ МЫ ВМЕСТЕ – ИМЕЕТ ПРАВО СОСТРАДАТЬ КАЗНЕННЫМ ЦАРСТВЕННЫМ ОСОБАМ НЕ БОЛЕЕ, ЧЕМ ФРАНЦИЯ СОСТРАДАЕТ МАРИИ-АНТУАНЕТТЕ, А АНГЛИЯ – КАРЛУ I.

РОССИЯ – КАК ВСЕ МЫ ВМЕСТЕ – ИМЕЕТ ПРАВО СОСТРАДАТЬ СВОИМ ЖЕРТВАМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НЕ БОЛЕЕ, ЧЕМ США СОСТРАДАЮТ ЖЕРТВАМ СВОЕЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ РОССИИ НЕ БУДЕТ.

Если мы нарушим этот принцип, то мы «лохи», а не моральные люди.

Мы идиоты, недостойные заниматься политикой.

Мы глупые рыбешки, клюющие на двусмысленную моральную наживку.

Мы преступники, запускающие новые кровавые разборки якобы ради того, чтобы переосмыслить и переоценить пролитую когда-то кровь.

В этом урок «перестройки-1». Этот страшный урок должен вбить в сознание всех российских политиков одну заповедь: никогда нельзя каяться больше других.

Кто-нибудь отказывается от «Марсельезы» в связи со зверствами Французской революции? Никто! А почему не отказываются? Потому что знают, что в случае такого отказа государство погибнет. И потому там ведут себя взвешенно.

Ну, так и мы будем вести себя взвешенно. ВЗВЕШЕННО. Мы не будем потирать руки и повизгивать: «Так им и надо было, коронованным мерзавцам!» Но мы признаем сами (и добьемся признания от других), что многие народы вели себя в революциях весьма и весьма свирепо. Ничуть не менее свирепо, чем народ нашей страны. Конечно, это прискорбно. И что? Мало ли прискорбного содержит в себе жизнь?

Я никоим образом не собираюсь противопоставлять мораль политике. Но вряд ли кто-то и впрямь считает, что политическая мораль тождественна морали обычной. Что для обычного человека морально, то подчас для политика безответственно.

Мария-Антуанетта и Людовик XVI до конца вели политическую борьбу. Они не хотели сдавать власть. И в этом смысле поступали политически ответственно.

Подписание отречения от престола, которое произошло в России, не имеет мировых precedентов. Оно в чем-то равносильно фантастическому сценарию, в котором Сталин перед Сталинградской битвой подает в отставку по состоянию здоровья, а партия эту отставку принимает. Как известно, положение обязывает. А положение помазанника Божия обязывает особо: кто дал, тот и взял.

Но даже без этого неизымаемого сакрального фактора проблема политической морали и ее отличия от морали обычной весьма и весьма болезненна. Как говорят в таких случаях, «хороший человек не профессия». Никоим образом не хочу проблематизировать духовную оценку, данную церковью. Но ведь не может же церковь или кто-либо другой не ощущать, что речь идет не только о духовном, но и о политическом лидере. А значит, кроме духовной оценки, обязательно должна сущест-

вовая и оценка политическая. В противном случае, не надо ни той, ни другой оценки. Нельзя выводить политическую оценку из духовной. Духовная оценка может быть экстремально позитивной, а политическая – экстремально негативной.

Справился ли Николай II с ролью Верховного Главнокомандующего? Вопрос риторический, ибо результат всем известен.

Справился ли он с ролью политического лидера? Вопрос опять-таки риторический.

А если лидер не справился с взятой на себя военной и политической ролью, то как можно его избавить от исторической вины, неотделимой от политической ответственности, которая с человеческой моралью находится по понятным причинам в очень непростых отношениях? За то, что Николай II не справился с взятой на себя ролью военного и политического лидера, русский народ заплатил страшную цену. Так кто перед кем должен каяться? Русский народ перед Николаем II? Или наоборот?

Я задам сейчас страшный вопрос: можно ли наращивать прославление Николая II, соединив в этом прославлении духовное и политическое, и не проклясть свой народ, не предать его? Неужели непонятно, к чему стремятся при этом не искренние ревнители белой правды (которую я не разделяю, но уважаю), а подлинные архитекторы такого далеко идущего начинания? Они хотят показать (использую имена не буквально, а сугубо метафорически), что Николай II – это как бы Христос, а русский народ – это как бы Иуда.

Яд этого замысла растворен в приправах и соусах. Но если замысел сработает, то прокляты будут все: повара, официанты и едоки.

А может быть, мы слишком большое значение придаем второстепенным вопросам? Так ли важно, в конце концов, какова будет оценка роли личности Николая II в истории России? «Дела давно минувших дней...» Почему бы не пойти тут на определенные уступки? Кому-то хочется, чтобы эта роль была оценена позитивно. А нам-то, по большому счету, не все ли равно?

Продолжая такую – глубоко порочную по сути, но авторитетную – линию рассуждений, можно сказать: «А так ли важно, где будет лежать Ленин? Какие символы будут находиться над кремлевскими башнями, как будут называться те или иные улицы, где будут захоронены те, кто сейчас покоится у Кремлевской стены? Там ведь разные личности упо-

коены – как заслуживающие безусловного уважения всех наших сограждан, так и проблематичные для многих».

Общие дискуссии по поводу того, важно это или не слишком, могут длиться бесконечно. Поскольку в эти дискуссии вмонтированы ценности, тут вообще проблематично какое бы то ни было достижение договоренностей. В российском обществе нет реального идеологического консенсуса ни по одной стратегической проблеме. И уж тем более по поводу собственной истории. Так может ли в этом вопросе быть какая-то «точка схода»? Может ли быть предъявлена такая политическая очевидность, которая преодолет идеологические противоречия, тонкие различия в подходах к истории, вкусовые предпочтения, принадлежность к тем или иным «внутренним партиям» и многое другое?

КОЛЬЦО БЛОКАДЫ

Мне кажется, что подобная очевидность наглядно предъявлена всем нам. И не сегодня. Я уже говорил об этой очевидности. Она называется «Декларация о порабощенных народах». Этот вопиющий по своей злобешей омерзительности документ был принят Конгрессом США в 1959 году, утвержден президентом Эйзенхауэром и превращен в главный инструмент подрыва территориальной целостности СССР. А также в нечто большее. В инструмент такого же подрыва территориальной целостности нынешней Российской Федерации. Поскольку в Декларации говорится об «освобождении от порабощения» Казакии, Идель-Урала (то есть поволжских народов) и других.

«Декларация о порабощенных народах» до сих пор не отменена. В ней есть еще одна позиция, которая превосходит по своей подлости и разрушительности все остальное. Дело в том, что русский народ вообще не входит в число народов, «порабощенных коммунизмом». Ну, не входит, и все! Из чего следует сразу несколько совершенно конкретных и беспощадных политических максим.

Во-первых, уже упоминание Казакии, Идель-Урала и прочего лишает русских права на какое-либо вменяемое государство, выходящее за пределы скромного куска Восточно-Европейской равнины. Кстати, о том, что русские и не должны иметь права на другое государство, не раз (вскользь, но красноречиво) проговаривались в прессе высокие представители нынешнего американского политического истеблишмента.

Во-вторых, неупоминание русского народа в числе народов, «порабощенных коммунизмом», означает, что русский народ, в отличие от прочих, не был порабощен коммунизмом, а сам породил это «чудовище», впитал его в каждую пору своего национального тела. И в этом смысле неисправим.

В-третьих, такое во-вторых означает, что русские и являются поработителями. Они, а не какой-то там коммунизм! Коммунизм сам по себе – дух (для авторов документа злой, конечно, но дух). Но этот дух нуждается в теле, причем в таком, из которого злой дух изгнать невозможно. Из других национальных тел можно, а из этого – нет.

Соединение этих трех максим означает, что хороший русский – это мертвый русский. И что настоящий враг – конечно, все-таки именно русский народ, а не коммунизм.

Скажут, что я преувеличиваю, возвожу напраслину, страшаю. Но я убежден, что сказать так на самом деле могут только те, кто (а) не читал внимательно эту самую Декларацию и (б) совсем не в курсе того, кто конкретно ее соорудил.

Между тем тут есть полная историческая ясность. Это не тайна за семью печатями. Сооружали данный документ конкретные представители специфических украинских сил. Тех самых сил, которые обобщенно именуется бандеровцами. Доказать это не составляет никакого труда. Фамилии – известны. Люди, соорудившие Декларацию, гордятся плодами своей работы. Излагать тут детали мне бы не хотелось. Это действительно уведет в сторону. Но я отвечаю за каждое свое слово. Возможно, тема станет настолько острой, что придется посвящать ей отдельное исследование. Но в рамках данного исследования я ограничусь этим минимумом.

Почему для меня так важно установить обобщенно бандеровский генезис данного документа? Украинский народ, безусловно, является одним из самых близких к русскому, и братство этих народов никогда не может быть поставлено под сомнение. Но веками осуществлялась определенная работа, направленная на создание внутри братского украинского народа такой русофобской субкультуры, рядом с которой любые другие виды русофобии меркнут. В этой субкультуре «москаль» (то есть русский) – это недочеловек. Степень сочности, с которой описывается, НАСКОЛЬКО «москаль» – недочеловек, однозначно говорит о том, ради чего нужны подобные описания. Они нужны не только для того, чтобы освободиться от «гнета русских» (весьма проблематичного,

по моему мнению), которые якобы погубили Украину. В конце концов, мнения могут быть разными. А исторический счет к русским самодержцам у Украины есть. Как есть и обратный счет. Реальная история не предполагает идиллий.

Но то, что за несколько веков взрастили на украинской почве конфессиональные конкуренты православия, это не идеологическая система, призванная обеспечить национально-освободительную борьбу или конфессиональный прозелитизм. Это нечто совсем другое! Это оружие уничтожения и русских как народа, и русской государственности в любой ее исторически приемлемой ипостаси.

Конфессиональные конкуренты православия, начиная с гения по имени Игнатий Лойола, специализировались на взращивании «крыс, убивающих крыс». И если кому-то кажется, что речь идет только о рецептуре по созданию евреев-антисемитов, то этот «кто-то» глубоко заблуждается. Речь шла о том, чтобы разжигать вражду между самыми близкими этническими родственниками (в том числе славянскими). При этом считалось, что именно такая вражда будет главным – смертельным и окончательным – оружием.

«Декларация о поработанных народах» – смертный приговор русскому народу в его коммунистическом или любом другом обличье. Именно таким образом восприняли эту Декларацию отнюдь не только в Кремле. Таким образом ее восприняли и в широчайших слоях русской белогвардейской эмиграции.

Русские, давно работавшие с ЦРУ по широкому кругу вопросов (и, конечно, по вопросу борьбы с коммунизмом), стали криком кричать по поводу Декларации, хорошо понимая, кто, почему и как ее сварганил. Они кричали, что эта Декларация по своим целям абсолютно тождественна нацистскому «окончательному решению русского вопроса», и что они, как русские люди, бок о бок с теми, кто выдвинул Декларацию, работать не могут. В итоге они, конечно, работали. А как иначе, если Декларация стала стратегическим ориентиром американской политики, а люди, о которых идет речь, были и остаются вписаны в эту политику так, что дальше некуда.

И тем не менее, отношение к «Декларации о поработанных народах» было всегда хоть какой-то, пусть и очень лукавой, демаркационной линией. По одну сторону стояли те, кто хотя бы на словах как-то связывал себя с каким-то – конечно же, глубоко дебольшевизированным – русским вектором. Предполагающим и сохранение дебольшевизирован-

ного народа, и существование русского государства. А по другую сторону стояли другие.

Эта – давно очень больная – тема стала еще болезненнее после распада СССР и предъявления миру ельцинской России, отмежевавшейся от коммунизма. В ответ на это (а также на поднимаемый Козыревым платок госсекретаря США, гарвардских советников Гайдара и Чубайса, «друга Билла» и «друга Бориса» и т.д.), казалось бы, надо было отменить «Декларацию о порабощенных народах». Но ее не отменили! Разговор об этом заходил многократно. И каждый раз, холодно глядя в глаза своим – не до конца чуждым русофильству – консультантам, их американские хозяева твердо говорили, что этого не будет. А консультанты понимали, почему этого не будет.

Теперь – о неких важных хронологических нюансах.

«Декларация о порабощенных народах», принятая Конгрессом США в 1959 году, обязывает американских президентов ежегодно подписывать специальную «прокламацию о порабощенных народах» и провозглашать третью неделю июля «Неделей порабощенных народов».

На практике президент США обращается к народу с соответствующей прокламацией в конце третьей недели июля, и объявляет следующую неделю (в 2008 году это было 20–26 июля) «Неделей порабощенных народов».

То есть было заранее ясно, что 18 июля, перед началом «Недели порабощенных народов», Буш озвучит нечто в духе приравнивания коммунизма к нацизму (или, как минимум, в духе категорического осуждения коммунизма). И было столь же ясно, что в России максимальный накал страстей в связи с 90-летием убийства царской семьи придется на дату убийства, 17 июля.

А значит, если в России превратят поминовение последних Романовых в антикоммунистическое радение, то подыграют Бушу, который именно на следующий день переймет эстафету. Ни российские политики (предположим, что и антикоммунистические, почему бы нет?), ни те, кто отвечает за наполнение телепрограмм, ни Русская Православная Церковь это обстоятельство не могли не понимать.

Повторяю, «обращение» Буша «о порабощенных народах» 18 июля 2008 года было абсолютно предсказуемым. Ничего сверхординарного в этом «обращении» не было. Коль скоро американский президент обязан каждый год подписывать такое «обращение», а народы, согласно Дек-

ларации, порабощены коммунизмом, то Буш должен что-то сказать об этой порабощенности.

Экстраординарно не «обращение» Буша, а все в совокупности. Вокруг России действительно сжимается какое-то кольцо... Дебольшеви-заторская мировая истерика, явно увязываемая с косвенным, но очень напористым «отмыванием» фашизма, наличествует. И мало ли что еще наличествует!

В любом случае, к «обращению» надо было быть готовым. И либо отвечать на него, либо «умываться».

Буш заявил, что «в XX веке зло советского коммунизма и германского фашизма были побеждены, и свобода распространилась по миру с появлением новых демократий».

ЧЕМ ПО СУТИ ЭТО ЗАЯВЛЕНИЕ ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ НАШИХ ВНУТРЕННИХ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИХ ДЕМАРШЕЙ? И от того антикоммунистического крещендо, которое закатила РПЦ именно в те самые дни, когда в Америке готовились отметить, как я показал выше, вовсе не избавление от коммунизма, а будущую зачистку и нашего государства, и народа, и церкви.

26 июля (с задержкой на восемь дней) последовало заявление МИД России, в котором «обращение» Буша оценивается как подпитка «усилий тех, кто в политических, корыстных целях стремится сфальсифицировать факты и переписать историю заново. Все это происходит на фоне удивительной толерантности, проявляемой в Соединенных Штатах к тем, кто в ряде европейских стран пытается обелить "своих" приспешников нацистов».

Далее МИД заявляет: «Осуждая злоупотребления властью и неоправданную суровость внутриполитического курса советского режима того времени, мы тем не менее не можем равнодушно отнестись к попыткам уравнивать коммунизм с нацизмом и согласиться с тем, что они были движимы одними и теми же помыслами и устремлениями... Исторические факты неопровержимо свидетельствуют, что именно СССР внес решающий вклад в победу над германским фашизмом. Именно благодаря Советскому Союзу, ратному и трудовому подвигу советских людей Европа была спасена от нацистской оккупации и порабощения. Память об этом навсегда сохранится в сердцах благодарных потомков».

Я полностью поддерживаю каждое слово в этом заявлении. И считаю его очень крупным и позитивным событием последнего времени. Но возникает естественный вопрос. Если МИД, а значит, и государство

заявляют на весь мир такую позицию в том, что касается не только роли СССР в войне, но и принципиального неравенства двух идеологий – нацистской и коммунистической (которые движимы, согласно заявлению МИДа, разными помыслами и устремлениями), – тогда что значит все, что мне тут пришлось разбирать? Включая вопли по поводу «красных проектов»...

Уж что-что, а графики у нас составлять не разучились. А из графика следовало, что «как только, так сразу». Как только (просто по графику событий) достигнут апогея антибольшевистские радения по поводу 90-летия убийства царской семьи, так сразу настанет время Бушу, так сказать, подхватывать тему и говорить нечто о так называемых поработительских ужасах коммунизма.

«Обращение» Буша резко и правильно осуждено нашим государством. Но и наша церковь, и отдельные представители нашей творческой интеллигенции, которым так хочется взять власть в подельники по очередной дебольшевизации народа, – в каком они оказываются положении? Откуда ПО СУТИ (об остальном и думать не хочется) управляется информационная кампания, которую я вынужден разбирать?

Официальная позиция государства и все, что говорится дебольшевизаторами, расходятся...

Официальная позиция Буша и все, что говорится дебольшевизаторами, сходятся...

Государство официально оппонирует позиции Буша.

ТЕМ САМЫМ НАШИ ДЕБОЛЬШЕВИЗАТОРЫ ФАКТИЧЕСКИ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ С БУШЕМ ПРОТИВ СВОЕГО ГОСУДАРСТВА, ПОДЪГРЫВАЮТ БУШУ, РАЗМИНАЮТ ДЛЯ НЕГО ТЕМУ.

А теперь рассмотрим, чем это оборачивается в сфере воздействия на общественное сознание.

Время, когда считалось, что в армии вообще не надо заниматься пропагандистско-воспитательной работой, – позади. Теперь уже все понимают, что этой работой надо заниматься, и занимаются. И как прикажете ею заниматься (а это ведь один из частных, но важных вопросов), если пропагандист должен проводить линию государства, но есть отдельная от этой линии линия церкви? А церковь тоже работает в войсках.

И что происходит в сознании у воина-христианина? Он должен руководствоваться идеологией, согласно которой параллели между коммунизмом и фашизмом оскверняют его Родину и историю? Или он дол-

жен руководствоваться идеологемой, согласно которой «что коммунизм, что фашизм», и дебольшевизировать свою душу?

Соединить эти две идеологемы в своем сознании он не может. То есть может, но это знаменитая «сшибка по Камерону»! На ней основаны американские инструкции по ведению психологической войны и организации хаоса в сознании солдат противника. На ней были основаны деструктивные действия в рамках «перестройки-1». Церковь в виде нового диссидента и идеологического конкурента государства?! Не слабо!

На месте белых патриотов я хотя бы объяснил другим и себе, чем их позиция отличается от позиции Буша, а также многих иже с ним, с кем они вряд ли хотят находиться по одну сторону баррикад (бандеровцев, прибалтийских фашистов и т.д.).

Мне возразят, что государство не оракул и его противоречивые вердикты – не истина в последней инстанции. Я с этим абсолютно согласен. И меньше всего хотел бы выступать в роли цензора, который ловит за руку всех, кто отошел от очень извилистой и не всегда легко обнаруживаемой «государственной линии».

Церковь должна говорить народу правду. Это долг всех, кто занимается общественным сознанием. В том числе и Церкви. Неся свою правду в массы, она может не сверять эту правду не только с позицией власти, но и с интересами государства. Ибо нет ничего выше правды.

Двусмысленность начинается только тогда, когда, с одной стороны, сама Церковь хочет выступать в роли, сходной с той, которую исполнял секретарь по идеологии ЦК КПСС. А с другой стороны, говорить нечто, не сверяясь ни с интересами государства, ни с позицией других членов Политбюро и Генерального секретаря ЦК КПСС.

Тут – либо-либо. Либо мнение церкви – это одно из мнений. В этом ее счастье отделенности от государства. Ее и общества. Церковь может учительствовать без оглядки на что-либо. А общество – внимать и вырабатывать свою нравственную позицию с учетом мнения авторитетного института, имеющего тысячелетнюю традицию.

Либо – нет отделенности от государства. А ведь сейчас сама Церковь осознанно движется в этом направлении. Но, двигаясь в этом направлении, она не имеет права нечто говорить без оглядки на государственные интересы. А также на международную политику, идеологическую игру и прочее.

Единственное, чего не может быть в природе, – это чтобы одной стороне доставались все плюсы, а другой ничего. Чтобы одна сторона всем все диктовала так, как будто бы она является рупором идеократического государства, и одновременно могла позволить себе свободу от всякой государственной ответственности.

Впрочем, когда я говорю, что этого не может быть в природе, я вывожу из «могущего быть в природе» одно явление – перестройку. Когда идеологический отдел партии, сосредоточивший в себе всю ответственность за государство и монопольные возможности влияния на сознание граждан, решил разгромить, пользуясь этими возможностями, и сознание, и государство.

Так неужели кто-то хочет воспроизвести эту «внеприродную аномалию»? Но если кто-то хочет этого, то кто-то другой может хотеть и обратного. И этот другой не должен подчинять правду интересам государства. Государство, взявшее на вооружение ложь, обречено.

Хотела ли «внеприродная аномалия» двадцатилетней давности подлинной правды? Теперь мы точно знаем, что она этого не хотела. Есть, например, цифры жертв сталинских репрессий, подтвержденные самыми авторитетными международными инстанциями. Это ужасные цифры, но это совсем не те цифры, которыми приводили в шок советское общество перестройщики, взрывая общественное сознание. Так чем они занимались? Раскрытием правды или манипуляцией?

И чем занимаются сегодня те, кто настаивает (причем весьма и весьма активно) на том, что отречение царя Николая II – это ГРЕХ РОССИИ, за который она теперь должна каяться (надеясь на возможность прощения, и не более того)? Это правда или манипуляция?

РАЗВЕ – СПРАШИВАЮ СНОВА И СНОВА – ГРЕХ ОТРЕЧЕНИЯ МОЖЕТ БЫТЬ ЧЬИМ-ЛИБО ГРЕХОМ, КРОМЕ ГРЕХА САМОГО ЦАРЯ НИКОЛАЯ II?

Разве нет священной обязанности монарха-помазанника держать до конца власть, которую легитимным путем и отдать-то невозможно, ибо она сакральна? Держать власть и пасть в борьбе, если на власть посягнули?

У Павла I хватило на это силы духа. Он смог сказать: «Вы можете меня убить, но я умру вашим императором».

В случае Николая II произошло нечто другое.

Мы не должны тревожить тени мертвых и муссировать, что именно произошло. Но мы же не можем делать вид, что этого не произошло.

Мы притворимся – нас разбудят другие политики, которые начнут на это указывать.

Нам предлагают обсудить конспирологию убийства царской семьи? Мол, евреи, ритуалы и прочее. Уклоняться? Апеллировать к хорошему тону?

Да, есть сторонники запрещения подобного рода тем. Я с ними КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕ СОГЛАСЕН. Все, на чем я настаиваю, это серьезность обсуждения. Тиражируемые легковесные мифы ничего общего с серьезным обсуждением не имеют. Мы обязаны знать правду о своей трагической истории. Но правду, а не эрзац. Правда же требует интеллектуального усилия. Если хотите – разбирательства фундаментального.

Я никоим образом не претендую на то, чтобы осуществить это разбирательство в данном тексте. Но я занимался темой ничуть не менее тех, кто сейчас выносит скороспелые вердикты. У меня есть по этому поводу как открытая, так и закрытая аналитика. Под аналитикой открытой я имею в виду полное и лишненное некритических экстазов осмысление имеющихся опубликованных материалов. Таких материалов много. Их надо собрать. Освоить. Осмыслить. Я эту работу проводил вместе со своими единомышленниками и готов поделиться результатами.

Есть и другие материалы – не опубликованные, находящиеся в разного рода архивах, включая семейные. Тут нужны такт и, опять же, научная осмотрительность. Потому что определенные данные задевают круг вопросов, не лишенных политической актуальности. Отвечать на эти вопросы в полном объеме – надо. Но нельзя сделать это без апелляции и к таким неопубликованным данным, и к данным, которые еще более эксклюзивны.

Ответить в полном объеме – не значит вынести вердикт. В таких осмыслениях никогда не может быть сделано никаких окончательных выводов. Все, что можно, это резко продвинуться вперед по отношению к сегодняшним беспомощным претензиям на «раскрытие тайн». Тему надо освобождать от подобного мусора. Но очень осторожно – так, чтобы не выплеснуть с водой ребенка.

Имеющиеся данные позволяют утверждать с достаточной уверенностью, что нынешняя публичная трескотня по поводу тайн убийства царской семьи представляет собой **НАБОР АБСОЛЮТНО НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫХ МИФОВ, ПРЕТЕНДУЮЩИХ НА НЕКУЮ БЕСКОМПРОМИССНУЮ ПРАВДУ.**

Все в этой «правде» – ложь. Все – агитационная подтасовка. Подтасовка грубая, нарочито лубочная. И – высказываю робкую надежду – если мы хоть чему-то научились за последние двадцать лет, то с сегодняшним обществом этот номер не пройдет. Ну, если не с обществом, то хотя бы с его мыслящим меньшинством... Может быть, хоть оно не купится на совсем дешевый лубок, приняв его за окончательную правду о своей трагической (и крайне сложной, как все трагическое) истории.

Кому-то больше всего не нравится, что данный лубок (мол, «ритуальное убийство» и прочее) не может не быть антисемитским – лукаво-деликатным или же «по полной программе». А мне больше всего не нравится, что это – лубок. Лубок унижает нацию. Он превращает ее в «коллективного лоха». Дело не в том, что этот лубок кому-то удобен, а кому-то неудобен. Дело в том, что он замазывает всех – и тех, кому он кажется неудобным, и тех, кому он кажется удобным. Шла ведь игра с лубками вокруг Сталина. Доигрались?

Я хотел бы, чтобы думающая часть российского общества попыталась получить ответы на некоторые вопросы. И постараюсь сформулировать эти вопросы. Я не превращаю свои вопросы в скрытые ответы. Ничего никому не навязываю. Просто спрашиваю и искренне надеюсь получить вменяемые ответы. Ответы, а не истерический вой, в котором тонет любое позитивное содержание.

Я задаю эти вопросы не только российской, но и зарубежной аудитории. В том числе и той, которая очевидным образом подпитывает нынешнюю истерику с ее лубками. Неужели этой аудитории не хочется знать правду? Касающуюся в том числе и нечужих для нее людей с их и впрямь трагической участью? Или эта аудитория знает правду, а распространяет лубки? Это было бы слишком нечестно, я не хочу в это верить.

Прежде всего, надо понять степень достоверности нетривиальных материалов следователя Соколова. Мне достаточно ясно, что Николай Алексеевич Соколов – человек честный, последовательный, абсолютно белый по своим убеждениям, очень компетентный, смелый и в хорошем смысле слова дотошный. Я абсолютно уверен, что он и впрямь нечто запротоколировал. Однако внутри того, что он запротоколировал, есть как очевидные эпизоды, не требующие особой расшифровки, так и эпизоды, которые надо расшифровывать с применением всего арсенала современных аналитических методов. В том числе и методов контексту-

ального анализа. Ибо сегодня мы располагаем совсем не тем контекстом, которым располагал Соколов.

К сожалению, такой аналитики пока нет. Ее место занимает конспирология. Однако российская аудитория и с сомнительной конспирологической продукцией знакома лишь выборочно. Она питается выжимками из этой продукции. В результате трагедия превращается в трагифарс, а трагифарс самым оскорбительным для жертв трагедии образом переходит чуть ли не в анекдот, очень напоминающий пресловутое «ереванское радио»: «Правда ли, что Бабаян выиграл сорок тысяч в лотерею?» – «Правда. Но только не Бабаян, а Карапетян, не сорок тысяч, а сорок рублей, не в лотерею, а в преферанс. И не выиграл, а проиграл».

Вообще омерзительно, когда историю твоей страны препарируют, превращая в подобный анекдот. Политически бесконечно опасно, что такой анекдот уже озвучивается гостелевидением и может заполнить его. Что нечто, вызывающее сарказм в международной компетентной аудитории, в России начинают с пафосом тиражировать (мол, и мы доросли до понимания подлинных тайн). Это унижает и нацию, и элиту, и власть. И вызывает крайнее беспокойство. В связи с чем я продолжаю начатое аналитическое вопрошание.

Итак, была ли среди вещей императрицы икона с ее собственноручной надписью «S.I.M.P. The green Dragon. You were absolutely right»? Не только вызывающие сомнения конспирологические изыскания, но и куда более серьезные данные говорят о том, что икона была. Но что означает эта надпись?

Сегодня все уже понимают, что «green Dragon» – это не сообщество мифических сионских мудрецов, а совсем другая организация. Достаточно конкретная и подробно описанная.

Так что царица говорит? Что этот самый «green Dragon» спроектировал ее и ее семьи трагическую судьбу? А также судьбы многих и многих семей (в том числе моих родственников, например, моего деда, погибшего в 1938 году)? В целом – судьбу нашей страны?

Если она говорит это и если ей можно верить (а она, с одной стороны, лицо, обладающее высокой компетенцией, но, с другой стороны, женщина, не лишенная экзальтации и находящаяся в отчаянной ситуации), то при чем тут коммунисты, Юровский и его компания, Ленин, Свердлов и кто-либо еще?

Вы хотите знать, что такое «green Dragon»? Вызовите на собеседование дух Карла Хаусхофера. Можно порекомендовать и более легко реализуемые технологии, в рамках которых вы можете побеседовать с некими вполне живыми конкретными лицами. Но давать такие рекомендации я лично буду только при частных встречах, если сочту нужным.

Следующий вопрос касается инициалов. Что такое «S.I.M.P.»? Справедлива ли имеющаяся расшифровка, согласно которой это означает: «Superior Inconnu Maître Philip»? Соглашался ли с такой расшифровкой Соколов? По моим данным, да. Но в таком вопросе нет и не бывает окончательной достоверности. Или совместными усилиями все-таки можно вывести этот вопрос за рамки банальной конспирологии? Ведь методы, позволяющие осуществить выход из слишком уж одиозной сферы, в XXI веке имеются. Почему их не хотят применить?

Следующий вопрос. Если фраза действительно адресована мэтру Филиппу, то это мессидж царицы ЕЕ учителю-мартинисту (уже умершему). О чем предупреждал царицу при жизни мэтр Филипп? О том, что она доверилась некоему очень опасному кругу людей (включающему Распутина, но не сводимому, естественно, к данной неэлитной личности)? И что этот ЭЛИТНЫЙ круг ее погубит? Но об этом же, кстати, предупреждал царицу и ученик мэтра Филиппа Папюс, который дольше наблюдал в действии тот самый элитный круг, чью гибельную функцию угадал мэтр Филипп.

Итак, что означает «You were absolutely right» («Вы были абсолютно правы»)? Абсолютно правы В ЧЕМ?

В том, что за спиной Распутина стоят весьма серьезные международные элитные группы, а также центры иностранной резидентуры (как японской, так и германской), желающие гибели и царской семьи, и России? И что эти группы погубят царицу? Перед смертью царица признала правоту этого утверждения по поводу губительности данных элитных групп?

Но эти элитные группы уж никак нельзя отождествить с коммунистами. Как нельзя в 2008 году пробавляться шушуканьями о Симановиче. В стране достаточно специалистов, понимающих, что группы, о которых идет речь в версии Филиппа и Папюса, имели (в виде высоких титулов и древних дворянских грамот) стопроцентное алиби от обвинений в причастности к «злым инородческим силам». Ну, так мы будем обсуждать эти «автохтонные» элитные силы, будем анализировать такой бэкграунд? Ведь это важно не только для понимания прошлого

России, но и для ответа на вопрос о ее будущем. Ибо люди приходят и уходят, а элитные бэкграунды остаются.

Позволю себе еще один вопрос. Не из конспирологических сплетен, а совсем из других источников я знаю о конфликте Николая Алексеевича Соколова и Николая Дмитриевича Тальберга, белого офицера, мешавшего расследованию Соколова как при Колчаке, так и позже. Должны ли мы разобраться в этом конфликте? Ибо если Соколову и впрямь мешали Тальберг и стоявшие за ним люди, то единственным внятным мотивом для их противодействия были приведенные выше нетривиальные материалы, полученные Соколовым.

Но тогда речь идет о сопричастности Тальберга и тех, кто стоял за ним (а это весьма влиятельные международные аристократические круги, преимущественно немецкие, но и не только), тому, что царица (видимо, не без влияния Филиппа и Папюса) назвала «green Dragon». Подворотня с двумя извилинами может трактовать фамилию Тальберг как еврейскую. Но если у подворотни количество извилин превышает две, то и она уже не может этого делать. А если речь идет вообще не о подворотне, тогда...

Понимаем ли мы, что тогда трагедия, которую поспешно пытаются превратить в истерический лубок, и впрямь оскверняется анекдотом: «Не в лотерею, а в преферанс, и не выиграл, а проиграл»? Ибо место привычных фигур из антисемитских комиксов займут люди с совсем иной «расовой спецификой» и диаметрально противоположной идеологической ориентацией.

Речь идет о конкретных людях, конкретных структурах, конкретном элитном генезисе. Хотим ли мы разобраться в этом серьезно? Если хотим, то разберемся. Может быть, нам понадобится для этого пять лет, а может быть, десять – какая разница? Это история нашей страны, это наша национальная трагедия, и мы обязаны разобраться. Но разобраться! А не шутовски кривляться на глазах ухмыляющейся международной элиты.

Я могу задать еще много подобных вопросов. Но достаточно и тех, которые задал. Задаю их потому, что меня эти сюжеты действительно волнуют. А волнуют ли они тех, кто разыгрывает сегодняшний трагифарс, оскверняющий все на свете? И реальные судьбы, и историю страны, и государство? Да-да, наше нынешнее российское государство.

Если само наличие кризиса не вызывает сомнений, то этого никак нельзя сказать о его природе, причинах и последствиях. Ежедневно мы слышим десятки различных мнений и диагнозов... В противовес диагнозу оптимистическому настоящий кризис носит не обычный, а экстраординарный характер. Это не просто экономические или политические неурядицы, кризис затрагивает одновременно почти всю западную культуру и общество, все их главные институты. Это кризис искусства и науки, философии и религии, права и морали, образа жизни и нравов. Это кризис формы

**социальной, политической и
экономической организаций,
включая формы брака и семьи.
Короче говоря, это кризис почти
всей жизни...**

**Во всех отношениях первый
диагноз ошибочен. Не менее
ложны и рецепты его лечения. Они
не могут ни избавить от кризиса,
ни приостановить его дальнейшее
развитие.**

Питирим Сорокин

Виктор Мальков

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

АМЕРИКА: ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО?

УДК
327

The present world economic crisis and its diverse influence on the U.S. economic, social and political life make every observer to look after the experience before 1929 when America was a society in which a small number of very rich people controlled a large share of the nation's wealth and the next wretched years of the Great Depression and bewildering changes brought by Franklin D. Roosevelt and his New Deal. Some economists think the New Deal imposed norms of relative equality in pay that persisted for more than 30 years, creating a broadly middleclass society. Those norms have not survived being replaced by an ethos of the superrich, the genuine core of the reaganism. Princeton economist Paul Krugman showed that the country's economic disparities are as stark today as they were in the 1920's and that the effort devoted to maintaining that inequality leads directly to a deep poverty, underconsumption and in the end to the second edition of the Great Depression. He concludes his forecast with a grim warning: either democracy must be renewed or wealth and its political fellow-champions are likely to cement a new and less democratic regime. The Obama's phenomem is considered by the author in the corresponding context.

Ключевые слова: мировые экономические кризисы; экономика современной Америки.
E-mail: vic.malkov@mail.ru

ПАРАЛЛЕЛИ УМЕСТНЫ

Достаточно широко распространенным заблуждением (или преднамеренным просчетом) касательно природы нынешнего глобального кризиса является объяснение его манипулированием деривативами (не имеющими реального обеспечения бумагами) изменившимися деловой порядочности биржевыми спекулянтами и отступлением от этики бережливости миллионов впавших в безумие потребительства обывателей. И тех, кто победнее, и вполне состоятельных, именующих себя средним классом. Одни целенаправленно предавались созданию нерегулируемой «экономической демократии». Другие в забывчивости, с упоением занялись приумножением личного достояния, купаясь в фантазиях процветания и пересаживаясь с машины среднего класса на эксклюзивные внедорожники, купленные в кредит, скупая направо и налево дутые «ценные» бумаги и приобретая в залог недвижимость с целью ее перепродажи. Доверие к «токсичным» финансовым инструментам, плодам рыночной, нематериальной капитализации, оказавшимся внезапно «оружием массового уничтожения», подорвала здоровое чувство осторожности, расчетливость предшествующих поколений, наученных горьким опытом спадов и подъемов индустриальной фазы капитализма. Стало быть, делают вывод многие обозреватели¹, обрушение веры в финансовые институты возникло почти неожиданно, из ничего и предстает преимущественно как результат просчета и самообмана нации в целом. Стоит подвергнуть десакрализации фантом рыночной капитализации – и равновесие будет восстановлено, здравый смысл возьмет верх и все образуется.

Отголоски таких умозаключений слышатся в рассуждениях многих наших отечественных экономистов. Примером может служить статья В.Иноземцева – видного представителя школы постиндустриализма. Ничего серьезного. Пора сменить пластинку. Кризис заканчивается, его сравнение с Великой депрессией, длительной и разрушительной, некорректно. Преодолев внутреннюю робость, легко увидеть свет в конце туннеля. Кризис пришел и ушел. Забудьте. Маститый ученый приводит кучу цифр и говорит, что беспокоиться не следует: правительства при-

---

¹ См.: *Известия*. 2009. 26 марта. С.6.

няли исчерпывающие меры, рядовой потребитель воспрянул духом и бросился покупать автомобили².

Таким образом, полностью упущено человеческое измерение возникшей вновь экономической турбулентности, ее куммулятивный эффект. Плохое знание истории позволяет видеть его ничтожно значимым или как-то по-особому, с безучастной интонацией трактовать. Между тем видимость успокоения в двух–трех секторах экономики может не отражать тяжести нагрузки, достигшей пределов прочности системы в целом, прихода «второй волны».

В Америке первой половины XX века падение экономических показателей достигло дна зимой 1932 – весной 1933 года. А самые тяжелые последствия наступили после триумфа Рузвельта на выборах в 1936 году – неизбывная безработица, сидячие забастовки, фермерские выступления, движение престарелых и т.д.³ А затем новое падение в 1937 и 1938 годах. На глубину кризиса наложились его продолжительность и естественное разрушение привычных форм производства и трудовой деятельности, в том числе как следствие идущей глобализации (по Марксу – втягивания «всех народов в сеть мирового рынка»)⁴ и исчезновения старых отраслей вместе с их «обитателями». Как не вспомнить здесь Ф.Рузвельта, который, уже перевалив через низшую точку падения и добившись роста национального дохода, заявлял следующее. Есть нечто важнее успехов в экономической перестройке, важнее «денег и золота», – это вернуть доверие людям, окончательно избавить их от страха, а в качестве главной задачи озаботиться чем-то фундаментально значимым наряду с повышением совокупного спроса населения и борьбой с безработицей. Иначе говоря, – смыслами системного порядка и прежде всего характером распределения. Так, чтобы плоды процветания достались всем – «сверху донизу»⁵. И добавлял: больше всего людям нужны социальные гарантии, а в общем плане – безопасность, именно они определяют благополучие народа.

Обещание добиться процветания «для всех», экономического благополучия «всех людей, во всех социальных слоях и группах» звучало

---

² Иноземцев В. Кризис? Смените пластинку! // Известия. 2009. 24 марта. №48. С.1, 7.

³ Мальков В.Л. Америка в эпоху великих испытаний и реформ 1929–1945. Взгляд русского историка. N.Y.: Lewinston, 2001. С.99–118.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.23. С.772–773.

⁵ Рузвельт Ф.Д. Беседы у камина. М., 2003. С.30, 31, 142–143, 145, 147–148.

достаточно утопично в устах президента Соединенных Штатов⁶. Однако для американцев, с волнением внимавших радиообращениям Рузвельта к нации, был совершенно понятен конкретный подтекст этих слов. А именно: гуверовская идеология «твердого индивидуализма» – вредный анахронизм, базирующаяся на ней система социального неравенства аморальна и экономически неэффективна. Но этого мало: в ней природа обрушения рынка в октябре 1929 года. Он был подорван низким потребительским спросом и искусственно раздуваемой спекулятивной горячкой, сделавшей тысячи мелких вкладчиков полностью зависимыми от «бешеных финансов», как говорил Рузвельт⁷. Принудительное закрытие его распоряжением банков в марте 1933 года более всего было символическим признанием фиаско экономики без правил и без надзора.

Если уйти от колоритных процессов постиндустриализма с их структурными изменениями, технологическими революциями и глобализацией, то следует признать, что суть потрясшего в наши дни США (а вместе с ними и весь мир) та же. Тождество, разумеется, неполное, но это различие, теоретически, в рамках допустимой погрешности. В условиях рейганизма, отправившего на «свалку истории» идею «государства всеобщего благополучия»⁸, качественно изменился характер накопления и его распределение. Главные причины – возвращение неограниченного всемогущества менеджмента, внебалансовые сделки теневой инфраструктуры, лишение наемных работников их права на коллективную защиту вследствие естественного вымирания или ослабления роли отраслевых профсоюзов, утраты ими массовости, инициативы и политической самостоятельности. Роскошество сказочно обогатившейся верхушки («элиты») общества и, напротив, социальная фрустрация низов, экономический рост, ведущий к углублению социального неравенства, – отличительная черта переживаемого переломного момента. С ростом хронически «избыточного населения», безработицы для подавляющего большинства исчезает чувство безопасности, а вместе с ним и доверие к бизнесу, к экономической системе.

Фактическое неравенство, задрапированное демагогией о равенстве возможностей, вело прямым путем к панике на нью-йоркской бирже в

---

⁶ Там же. С.143.

⁷ Там же. С.95.

⁸ Smith M.A. *The Right Talks: How Conservatives Transformed the Great Society into the Economic Society*. Princeton, N.Y., 2007.

октябре 1929 года и к последующим катастрофическим для государственных институтов страны событиям. Лишь в апреле 1935 года Рузвельт сказал, что страхи начинают рассеиваться⁹. Затем помогли война и крестовый поход против бедности и за гражданские права. «Новая экономика» рейганизма и ее продолжение последующими республиканскими администрациями своей тенденцией к дерегулированию и культом экономического эгоизма напомнила многим серьезным наблюдателям опасения социальных критиков 20-х годов в отношении накопления богатств на одном полюсе и бедности – на другом. Даже Алан Гринспен, никогда не скрывавший своих симпатий к принципу «выживает сильнейший» и умалению социальной ответственности правительства и бизнеса, покинув пост руководителя Федеральной резервной системы США в 2006 году, посчитал необходимым указать на «опасные крайности» неравномерного распределения богатства в обществе, на «возрастающее неравенство доходов»¹⁰. Между тем эта мимолетность с оттенком вынужденного раскаяния прикрывала фундаментальную проблему американского экономического дисбаланса со скандалами типа лжеуспешной компании «Энрон», о которых время от времени оповещали излишне доверчивых американцев (и не только их) критики «контракта с Америкой», неоконсервативной модели новейшего капитализма, живого воплощения порядка, оставленного позади Великой депрессией. В их понимании происходивший и нарастающий в последние два десятилетия колоссальный разрыв в доходах и реальном неравенстве американцев представлял собой постоянный источник рисков, в любой момент могущих повлечь за собой общий обвал и похоронить в руинах финансовых пирамид статистическую стабильность и здание американской финансово-промышленной империи «на века»¹¹.

Как некогда в пору «злосчастного» (Рузвельт) десятилетия двадцатых годов, рождались недозволенные мысли и раздавались недовольные голоса. Однако отчаянные попытки воззвать к здравому смыслу и привлечь внимание руководства страны, общественного мнения к стреми-

---

⁹ Рузвельт Ф.Д. *Беседы у камина*. С.96.

¹⁰ Greenspan A. *The Age of Turbulence. Adventures in a New World*. N.Y., 2007. P.18, 392–408, 468, 469, 499, 505.

¹¹ *Первые болезненные удары (после запуска советского Спутника) по ощущению экономического благополучия нанесла торговая экспансия западноевропейских стран и Японии на американском рынке в 90-е годы* (Greenspan A. *Op. cit.* P.183).

тельному росту неравенства доходов или, говоря языком классической политэкономии, относительному (а иногда и абсолютному) обнищанию всех, кто стоит ниже транснациональных олигархов, увы, имели лишь литературный успех¹². Или же опровергались новым всплеском спекулятивной горячки, создающей идеальные условия для тех, кто, не работая, мог зарабатывать бешеные деньги, упрятывая их в «налоговые гавани», скупать поместья, острова, правительственные долговые обязательства, яхты и интернет-сети. Фигура Бернарда Мэдоффа – достойный символ эпохи фиктивных ипотек и шельмования рачительности и старомодной порядочности в финансах, кредитной политике, страховом бизнесе.

ЛИБЕРАЛЫ И НЕОКОНСЕРВАТОРЫ

Из числа новейших «разгребателей грязи», внесших внушительный вклад в анализ проблемы диспаритета в распределении доходов, критичной для капитализма брокерских

контор и интернет-аукционов, следует назвать профессора из Принстона, ныне лауреата Нобелевской премии Поля Кругмена¹³. Выйдя из тени, Кругмен, как писал в редакционной заметке журнал «Нью-Йорк Таймс мэгэзин» в октябре 2002 года, вторгся в пространство, лежащее за пределами официального благополучия, и где все, напротив, напоминает «нечто вроде классово войн, разворачивающейся в Америке, по мнению некоторых, вокруг вопроса диспропорционального распределения богатства и ответственности богачей»¹⁴.

Быть услышанным было непросто. Вера в естественное право одних наживать на простодушии и неинформированности других стала синонимом делового успеха в Америке 80-х и 90-х годов XX века. Сам Кругмен еще недавно был убежден, что обращение к теме растущей пропасти между купающимися в роскоши «очень, очень» богатыми и всеми остальными гражданами могло стоить любому обвинения в разжигании «классовой розни», склонении к «политике черной зависти» и

---

¹² См., например: Lewis M. *In Defense of the Boom* // *The New York Times Magazine*. October 27, 2002. P.44.

¹³ Главная книга П.Кругмена издана в 2007 году (*Krugman P. The Conscience of a Liberal*. N.Y., 2007. – 322 p.).

¹⁴ *Krugman P. The End of Middle-Class America (and the Triumph of the Plutocrats)* // *The New York Times Magazine*. October 20, 2002. P.10.

еще чего-нибудь похуже. Рискованно, писал он, вообще было затевать разговор об имущественном неравенстве и способах его сокращения путем восстановления налогообложения высоких доходов владельцев корпораций, банкирских домов и топ-менеджеров. Попытки обсудить эти меры вызывали осуждение и отпор в духе самой суровой отповеди. «Виновников» сравнивали с нацистами и сторонниками возрождения рабства¹⁵. Ничто не может быть лучшим показателем растущей поляризации американского общества, констатировал Кругмен, его политической дифференциации, чем отрыв власти федеральной и местной от повседневных забот простых людей. Наши политики, писал он, все меньше и меньше склонны даже чисто внешне придерживаться средней линии. Ее вытеснила растущая тенденция в политике и политиков обслуживать интересы богатства.

В традициях макрейкеров начала XX века, Чарльза Райта Миллса и Майкла Харрингтона, Кругмен нарисовал впечатляющую картину разрушения «Америки среднего класса» и замещения ее Америкой, расколотой на благополучную часть сверхбогачей (чье положение по большому счету не зависит от колебаний экономической конъюнктуры) и подавляющее число рядовых налогоплательщиков (всех тех, кого Кругмен относит к категории «работающих бедняков и почти бедняков»). То есть американцев, традиционно именующих себя средним классом, всех этих «маленьких человечков», зависимых от стихии рынка, построенного на бездумном корыстолюбии «больших парней».

Данные статистики за последние два–три десятилетия, подсчеты экономистов, иллюстрирующие изумивший всех феномен социально направленной экономики скандинавских стран и Китая, выглядели, пишет Кругмен, и в самом деле полным диссонансом со ставшим таким привычным брэндом Америки – живущим в достатке слоем гипербогачей, объявленным основой национального достоинства, сплочения и мощи, примером для всеобщего подражания. Главный вывод – в Америку возвратился «Позолоченный век» с его непристойными пороками, кричащей, разлагающей моралью, плутовством и ложью, концентрацией богатства в руках немногих людей и растущей незащищенностью (гражданско-правовой и профессиональной) миллионов семей, остро ощущающих свое отчуждение от ресурсов нации и благ цивилизации. Исчез

---

¹⁵ Ibid. P.76. См. также: Cosgrove K.M. *Branded Conservatives: How the Brand Brought the Right from the Fringes to the Center of American Politics*. N.Y., 2007.

работающий в поте лица менеджер, чей доход был даже ниже зарплаты защищенного профсоюзными гарантиями квалифицированного рабочего – «синего воротничка», уступив место чванливому представителю новой денежной элиты, чьи ежегодные корпоративные «вознаграждения» («золотые парашюты») составляют десятки, а то и сотни миллионов долларов, а бонусы свободны от налогообложения.

Статистика беспристрастно красноречива. За последние 30 лет большинство американцев получило очень скромное увеличение зарплат. Средний годовой заработок, исчисляемый в долларах 1998 года (т.е. скорректированных с учетом инфляции) вырос с 32 522 долларов в 1970 году до 35 864 долларов в 1999-м. Получается примерно 10% прироста за 29 лет. Не слишком много, хотя и ощутимо. Между тем за тот же период, согласно данным журнала «Форчун», реальная средняя ежегодная сумма выплат каждого из 100 ведущих генеральных директоров корпораций поднялась с 1,3 млн. долларов до 37,5 млн., что в 1 000 раз (и больше) выше зарплаты обычного рабочего¹⁶.

В чем здесь дело? И каковы последствия сравнительно умеренного еще в 50–60-х годах XX века и стремительно развивающегося в последующие десятилетия процесса разрыва в доходах и разгула вседозволенности *vip*-персон в повседневном поведении при исполнении ими служебных обязанностей, в политике, быту, в накоплении и распределении богатств? Поль Крагмен увидел в этом прежде всего перемены в корпоративной культуре. «Для послевоенного поколения, – писал он, – страх перед возмущением (социальных низов. – В.М.) держал под контролем размеры денежного вознаграждения управляющих. Сегодня нет этого возмущения. Таким образом, взрыв зарплат управляющих представляет собой в большей мере социальную проблему, нежели следствие игры чисто экономических сил спроса и предложения. Мы не должны видеть в нем проявления типично рыночных законов, как, скажем, повышение стоимости портовых сооружений. Это явление напоминает сексуальную революцию 1960-х годов и вызвано ослаблением старых ограничений и новой распущенностью, причем в данном случае эта распущенность больше носит финансовый характер, а не сексуальный»¹⁷.

---

¹⁶ *Krugman P. The End of Middle-Class America. P.64.*

¹⁷ *Ibid. P.66.*

С опорой на жизненные реалии последних трех десятилетий Кругмен корректирует поднятую еще Джоном Кеннетом Гэлбрейтом идею изменения в послевоенные годы глубинной сущности капитализма, «нового индустриального общества»¹⁸ путем создания «уравновешивающей силы»¹⁹. Под этим термином Гэлбрейт имел в виду профсоюзы и государство и внедрение ими в довоенные и военные годы особого поведенческого «морального» кодекса для корпоративных администраторов, менеджеров высшего разряда и технотехники в целом²⁰. С благодарностью Гэлбрейт писал о реформах «нового курса», поставивших заслон деградации нравов делового мира. Кругмен же продолжил там, где остановился Гэлбрейт. Последний, говоря об эпохе до 70-х годов XX века, утверждал, что эра корпоративного грабежа не состоялась благодаря законодательству «нового курса»²¹. А сегодня Кругмен констатирует полное подчинение себе новыми поколениями корпоративных управляющих инструментов извлечения сверхприбыли, невзирая на мораль и христианские заповеди. В его представлении победил принцип, гласящий: «Алчность – вещь хорошая, она работает», – ставший неотъемлемой частью «неоконсервативной революции». И подводит первый итог: «В 30-х и 40-х годах XX века преимущественно путем политического процесса произошло следующее: были установлены новые нормы равенства. В 80-х и 90-х годах эти нормы оказались замещены этосом по формуле "все дозволено". Результат последовал незамедлительно: произошла вакханалия обогащения на самом вершине общественной пирамиды»²².

Высказавшись таким образом по поводу возвращения «Позолоченного века», Кругмен публично предупредил о потерях, которые произошли и еще произойдут от произвола технотехники в связи с демонстративным отказом от жесткого правительственного контроля за максимализацией личных доходов и длинным шлейфом злоупотреблений, которые Рузвельт называл порочными действиями²³. Но худший

---

¹⁸ См.: Гэлбрейт Дж. *Новое индустриальное общество*. М., 1969.

¹⁹ Galbraith J.K. *American Capitalism: The Concept of Countervailing Power*. Boston, 1952.

²⁰ Гэлбрейт Дж. *Новое индустриальное общество*. С.162, 163.

²¹ Там же. С.165.

²² Krugman P. *Op. cit.* P.66. – *Подробнее о статистике социального расслоения в США в ходе рейгановской реконфигурации национальной экономики см.: Welff E.N. Top Heavy: The Increasing Inequality of Wealth in America and what Can Be Done about it*. N.Y., 2002.

²³ Рузвельт Ф. *Беседы у камина*. С.75.

результат – изменение вектора социально-экономического развития страны и нации в целом. 30-е – 50-е годы XX века принесли, по крайней мере, видимость гражданского и даже имущественного уравнивания американцев и возникновения имиджа Америки как общества среднего класса и государства «всеобщего благополучия». Последующий цикл привел к восстановлению той специфической экономической формы существования общества конца XIX в. и вплоть до 20-х годов XX в. Процитируем Рузвельта, чтобы лучше уяснить суть происходящего сегодня: «Свободный народ в течение многих лет постепенно загонялся на службу к привилегированному меньшинству». Фактически произошло грубое отчуждение от всех вновь создаваемых доходов и их распределения²⁴. Профсоюзы были смяты и загнаны в политическое закулисье, их численность низведена до предельно низкого уровня, капитал урезал права наемного работника. Представляя данное отношение в политэкономических категориях, вполне можно говорить о возрождении феодального принципа присвоения собственником всего имеющегося в наличии, что всегда ярко проявлялось в роскоши личных услуг или, другими словами, в паразитическом использовании прибавочного продукта. Ни о каком нормальном потребительском спросе в этих условиях да еще при прессингующей глобализации, отбирающей часть заработка у наемных рабочих или обрекающей их на безработицу из-за «бегства» капиталов, не может быть и речи.

На этой почве и возникла основа для изменения норм и институтов, а вместе с тем и появление непоплаченных ипотечных обязательств, вылившихся в кризис кредитования как физических лиц, так и самого государства. Летом 2007 года цены на недвижимость в Америке катастрофически поползли вниз и начались массовые выселения из домов. Но задолго до этого было ясно, что страна живет в долг (достигший 11 трлн. долларов при объеме ВВП в 13,5 трлн.) так же, как это было в период «революции 1800 г.», а миллионы американцев не имеют никаких сбережений. Классические понятия – перепроизводство и недопотребление (воплощенные в картине закрытых цехов, застывших рядов пустующих, заброшенных и разграбленных домов, городов-призраков) – вновь вернулись в обиход экономистов и политологов. Увеличились негативные (порой панические) оценки Америки как суверенного эми-

---

²⁴ Там же. С.83; Bernstein M.A. *Cold War Triumphalism and the Deformation of the American Economy* // *Cold War Triumphalism* / Ed. By E. Schrecker. N.Y., 2004. P. 129.

тента. И вот результат: в 2008 году были повышены, в частности, оценки вероятности государственного дефолта США – с 1% до 6%²⁵.

Разруха посреди богатства. Этот образ-метафора, взятый на вооружение еще либеральными публицистами и бытописателями в 60-х годах, стал достоверным отражением реально существующего американского трущобного «внутреннего» города в реально существующем комфортном мегаполисе²⁶. Однако Кругмен в отличие от профессиональных эссеистов – критиков общества, погрязшего за годы правления «неоконсов» (неоконсерваторов) в сладостной забывчивости от бездумной жизни в долг и медийной шумихи, – ставит ключевой вопрос о цене неравенства. Приводятся поразительные данные демографии: продолжительность жизни в США значительно ниже, чем в Канаде, Японии, во всех крупнейших странах Европы и даже в отсталой Коста-Рике, а детская смертность выше²⁷. При этом Кругмен выдвигает тезис о нетождественности роста валового национального продукта уровню качества жизни (здравоохранение, образование, жилищные условия и т.д.)²⁸. Из того, что 1% американских семей

²⁵ См.: *Известия*. 2009. 25 февраля. С. Д 4.

²⁶ Wilson W.J. *The Political and Economic Forces Shaping Concentrated Policy // Political Science Quarterly*. Winter 2008–2009. Vol.123. №4. P.555.

²⁷ Если только предположить, утверждает Кругмен, что высокая степень неравенства в США есть плата за лидерство при сличении уровней национального дохода, то сравнение с качеством жизни в таких странах, как Швеция, Дания или Австралия, окажется крайне невыгодным для США. Таково твердое мнение Кругмена. Он приводит убедительные доказательства своей правоты. Об этом говорилось выше. Примечательно другое. Оппонент Кругмена Алан Гринспен в своей книге, очень критичной по отношению к послевоенной «демократическо-социалистической культуре», приходит волей-неволей к тому же выводу, подкрепляя его сводом фактов, свидетельствующих об отставании социальной сферы США от лучших европейских и азиатских образцов вследствие дерегулирования экономики и роста с середины 70-х годов имущественного неравенства в стране (см.: Greenspan A. *The Age of Turbulence*. P.211, 280, 399).

²⁸ Статистические исследования американских авторов последних лет подтвердили корреляцию между долей расходов на социальные нужды в валовом национальном продукте (ВВП) и уровнем бедности в странах развитого капитализма. Так, в работе Клема Брукса и Джеффа Манза, изданной Чикагским университетом в 2007 году, показано, что 27% расходов на социальные нужды от ВВП в «социал-демократических странах» (таких, как Швеция, например) соответствует значительно более низкий уровень бедности, нежели в таких «либерально-демократических» странах, как США и Япония, где атака неоконсерваторов довела ужатие социальных расходов до 17% от ВВП (см.: Brooks C.,

получает 16% национального дохода (до уплаты налогов), а 0,1% населения в 5 раз за последние 30 лет увеличило свои доходы, автоматически вовсе не следует (как это утверждалось и в прошлом, и теперь), что устойчивым образом улучшается положение большинства населения и экономики в целом. Напротив, Кругмен склонен считать, что средний уровень доходов остался прежним. Далее следует уже совсем еретический пассаж: «Возникает радикальное соображение: если богатые получают все больше, то остальным остается все меньше»²⁹. Другими словами, стяжатели, безостановочно поглощая растущие порции пирога, вынуждают сограждан затягивать пояса, отказывать себе в накоплении сбережений на старость и в расходах на другие насущные нужды, включая питание, жилье, медицину и образование. Ураган «Катрина» обнажил, как признано, «концентрированную нищету» в Новом Орлеане³⁰, легендарной столице джаза и развлечений.

Но это еще не все. По Кругмену, стремительный рост богатства и роскоши на верхнем этаже общественной пирамиды после снятия правительственных ограничений в 1970-х – 1990-х годах не вызвал повышения производительности труда, эффективности производства по сравнению с послевоенным бумом, когда сохранялись и даже расширялись контролирующие и регулирующие функции государства. Отметим, что Кругмен не сделал в этом отношении особых открытий. Поскольку задолго до его трактата о неравенстве и последствиях этого неравенства многие исследователи констатировали снижение темпов экономического роста и производительности в США с середины XX столетия. Один из самых известных из них, Пол Кеннеди, так писал еще в 1993 году в книге «Вступая в двадцать первый век»: «В последние годы, однако, уровень производительности в США стал причиной серьезной озабоченности. Начиная с девятнадцатого столетия, в Соединенных Штатах была самая высокая в мире производительность труда. Благодаря этому их национальный доход и "военный потенциал" были больше, чем у кого-либо, в период двух мировых войн. В настоящее время их общая производительность по-прежнему выше, чем в Японии и Германии, но с

Manza J. Why Welfare States Persist: The Importance of Public Opinion in Democracies. Chicago (IL), 2007).

²⁹ *Krugman P. Op. cit. P.67. См. также: Political Science Quarterly. Summer 2008. Vol.123. №2. P.330.*

³⁰ *Wilson W.J. Op. cit. P.555.*

60-х годов в других государствах она растет более быстрыми темпами, снижая американское лидерство»³¹.

Фактически Кругмен формулирует некий закон неравенства. Суть его такова. Концентрация национального богатства в немногих руках, использующих его по собственному усмотрению, вызывает последовательное ухудшение качественных показателей экономического и социального положения рядовых американцев в сопоставлении с гражданами того же социального статуса в других развитых странах, где политика перестала быть служанкой дельцов. «Неравенство, – утверждал он, – в Соединенных Штатах определенно достигло уровня, когда оно стало контрпродуктивным. Следовательно, мы могли бы сказать, что наше общество могло бы стать богаче, если бы его самые состоятельные члены не присваивали бы себе львиной доли национального богатства». И добавлял: преимущественно мошенническим путем при негласном одобрении правительства³². Прибавочный продукт обесценивается ровно настолько, насколько падает потребительский спрос миллионов американцев с Главной улицы и происходит накопление ими гигантских неоплатных долгов и ширится почва для манипулирования «токсичными» активами кредитными учреждениями. Расстройство финансовой системы, падение прибыльности, а затем и углубление полномасштабного кризиса имеют под собой не только и не столько психологические факторы. А все тот же объективный экономический закон подчинения общественного производства (можно сказать, хищнически) целям и интересам того слоя, который некогда, у истоков Великой депрессии 30-х годов, известный экономист и советник Рузвельта Адольф Бирл называл «корпоративной олигархией»³³.

Строго говоря, «радикальные мысли», изложенные Кругменом, – это хорошо забытые старые постулаты леворадикальной и кейнсианской политэкономии. Мэру эффективности экономики всегда определял раскрепощенный, справедливо оплачиваемый и общественно значимый труд. Об этом можно было прочесть еще в «Капитале» Маркса. Как

---

³¹ Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. М., 1997. С.347, 348. – По данным В.Иноземцева, сегодня почасовая производительность в Германии на 14%, а во Франции на 22% выше, чем в США (Известия. 2009. 3 июня. С. 7).

³² Krugman P. Op. cit. P.76. – Алан Гринспен вынужден был согласиться со своим оппонентом. Он приводит в своей книге воспоминаний высказывание конгрессмена Брюса Венто, заметившего: «Кажется, у нас в стране существует два рода правил – одни для Главной улицы, а другие для Уолл Стрит» (Krugman P. Op. cit. P.195).

³³ Berle A., Means G. The Modern Corporation and Private Property. N.Y., 1948.

экономист, пользующийся историческим методом, сторонник эгалитаризма Кругмен сопоставляет две модели развития. Одну, – построенную на жестком ограничении легких путей обогащения посредством перекачивания корпоративных денег в карманы «техноструктуры» за счет рядовых акционеров и, конечно же, материального ущемления наемных работников. Другую, – верхом успеха ставящую максимализацию прибыли управляющих корпораций, менеджмента банкирских домов, владельцев телекоммуникационных компаний, шоу-бизнеса. И приходит к однозначному выводу: «Я мог бы изложить этот аргумент (общество только выиграет, если богатые люди откажутся от сверхприбылей. – *В.М.*), поставив его в историческую плоскость. Самый впечатляющий экономический рост в американской истории совпал с расцветом среднего класса, в период жизни послевоенного поколения (после Второй мировой войны. – *В.М.*), когда доходы распределялись наиболее справедливым образом»³⁴. Он мог бы добавить: и когда кейнсианский интервенционизм составлял доминирующую парадигму правительственной политики. А за счет чего другого можно удержать уровень потребления населения на должной отметке и обеспечить спрос на произведенную продукцию, построенные таунхаузы и т.д.?

Кругмен оспаривает теорию, развитую в трудах многих и многих его предшественников и коллег еще со времен А. Смита, утверждавших, что усиление меритократии и накопление ею гигантских состояний является мощным стимулом движения всего общества от дефицита благ к изобилию для всех. Вывод Кругмена пессимистичен. Современная корпоративная Америка доказала, что ее управляющие, избавившись от государственного надзора, озабочены более всего самими собой. Формально существующее в США равенство возможностей, по его мнению, утверждает приоритет партикуляризма над универсализмом и не имеет ничего общего ни с идеями Просвещения, ни с Биллем о правах, ни с «четырьмя свободами» Франклина Рузвельта. Резкий рост доходов руководящего звена корпораций не только не отражается на благополучии народа, а, наоборот, ставя в униженное положение менеджеров среднего звена, специалистов, синих воротничков, снижает мотивацию к труду, возбуждает недовольство, парализует волю.

Смысл подобных утверждений сближает их автора с позицией и, казалось бы, полузабытыми суждениями Даниела Белла, высказанными (в

---

³⁴ *Krugman P. Op. cit. P.76.*

его самой известной книге «Грядущее постиндустриальное общество», глава «Меритократия и равенство») о коммунальном обществе, понимаемом как воплощение справедливости и честности. И так же, как Д.Белл, Кругмен полагает, что внедрение нового кодекса добропорядочного поведения требует и новой политической программы для индустриально развитых стран вообще³⁵. Говоря о достигнутой к началу XXI века высокой степени поляризации американского общества по причине вызывающей политики привилегий, которыми был наделен «праздничный класс», точнее его верхушка, со стороны верховной власти, Кругмен предлагает взять за образец период, когда имущественное неравенство «исторически было невысоким, а политические разногласия сглажены»³⁶. Его симпатии целиком на стороне лозунга «изгнания менял из храма», благодаря которому Рузвельту удалось построить «Америку среднего класса», снять опасную напряженность в обществе, вернуть ему динамизм. Напротив, возвращение «дорогостоящих оргий» (так Ф.Скотт Фицджеральд называл 20-е годы), ставших главной приметой эпохи бушизма, вызывало, по Кругмену, протест, возмущение, желание остановить это коловращение, когда, несмотря ни на что, «богатый становится все богаче», а среднестатистический американец вынужден рассчитывать только на госпожу удачу и жизнь в долг. Растущие расходы на насущные нужды (медицина, образование, транспорт, жилье и т.д.), реклама и стремление взять планку, установленную ею же, больно ударили по миллионам людей с Мейн-стрит (Главной улицы). Они оказались вообще без сбережений – в отличие от своих собратьев в Европе или Азии³⁷. Проведенная в 1996–2002 годах реформа американской системы социального вспомоществования негативно сказалась на растущем числе маргиналов³⁸. Так или иначе, многие стали осознавать американскую мечту как трагическую иллюзию или слабый свет надежды. Надежды, которая, увы, если сказать словами героя Скотта Фицджеральда, отодвигается с каждым годом все дальше.

³⁵ См.: Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования* / Перев. с англ. М., 1999. С.581.

³⁶ Krugman P. *Op. cit.* P.76.

³⁷ Рубинский Ю. Пузырь, который лопнул // *Независимая газета*. 2009. 18 февраля. С.7.

³⁸ Подробнее см.: Золотых В.Р. *Реформа американской системы социального вспомоществования в 1996–2002 годах: новые приоритеты* // *Американский ежегодник*. 2004. М., 2006. С.200–234; Bernstein M.A. *Op. cit.* P. 126–145.

Аналогия с 20-ми годами и последовавшей за ними Великой депрессией представляется Кругмену (только ли ему?) самым точным воспроизведением происходящего с Америкой последние десятилетия, по крайней мере, до поражения республиканцев в 2008 году. «Те дни остались позади, – пишет он, – но так ли это?»³⁹ И в самом деле, мир, а вместе с ним и США переживают экстремальное время, когда снова возобладали этика корысти, а либерализм оказался скомпрометирован своей постоянной тягой к компромиссу с «экономическими роялистами» и всеядной политкорректностью⁴⁰. Пользуясь слабостью либералов и левых, богатство легко смогло навязать обществу свою модель поведения, отделив политику от жизни и сделав ее инструментом в руках плутократии, действующей преимущественно в интересах того же корпоративного богатства.

Кругмен не отделяет себя от либеральной традиции, но и не испытывает благоговения перед ней. Ему ближе всего социально-критические обличения воинствующих прогрессистов 20-х годов с их попытками теоретически осмыслить природу новейшего капитализма, а также спрогнозировать, что следует ожидать от увеличивающегося разрыва в доходах и деградации гражданской ответственности правительства и бизнеса, от отсутствия у них побуждений выработать социальную философию. Достаточно назвать ряд имен⁴¹, чтобы уяснить это сходство. Кругмен пользуется тем же интеллектуальным ресурсом, тем же доказательством от «молчаливого большинства», которые были в ходу у его предшественников, предвосхитивших обвал октября 1929 года, неизбежность крутых перемен и появление новой контрсилы. Задуманная в этих традициях критического трезвомыслия «Золотая лихорадка» (1925) Чарли Чаплина имела всеми узнаваемый подтекст. Одиноким «маленький человек» остается несчастным посреди кричащей атмосферы богатства и муляжей «процветания», а своей нелепой, жалкой, но вызывающей сочувствие фигурой бросает вызов алчности мира богачей, их самодовольству, тщеславию, жестокости и безрассудству.

---

³⁹ *Krugman P. Op. cit. P.142.*

⁴⁰ См.: *McGowan J. American Liberalism: An Interpretation for Our Time. Chapel Hill, 2007.*

⁴¹ Например, экономисты Т.Веблен, А.Бирл, Г.Минз, Р.Моли, С.Чейз, Р.Тагуелл; философы Дж.Дьюи и Р.Нибул; публицисты Л.Стеффенс, В.Паррингтон, Г.Менкен; писатели Ш.Андерсон, Ф.Скотт Фицджеральд, Дж.ДосПассос, Т.Драйзер, Э.Синклер, Ф.Норрис, С.Льюис.

ДЕРЗОСТЬ НАДЕЖДЫ

«Героический либерализм» вынужден был в «ревущих двадцатых» сражаться в одиночку, во враждебном окружении. Но «борьба – отец всего» (Гераклит). Благодаря стихийному возмущению масс требование сделать страну свободной от нищеты и денежного безумства, выдвинутое либералами левоцентристского толка, опосредованно через протестный взрыв превратилось из пустого предвыборного лозунга в реальную цель государственной политики, поддержанной абсолютным большинством американцев. Социальная стратегия «нового курса», повернутая лицом к «забытому человеку» и подкрепленная конкретными мерами, была противопоставлена агрессивному старому порядку. Интересы низов в экономике и политике оказались представлены яркими фигурами – от президента до лидеров левых профсоюзов, – чьи взгляды сформировались в обстановке подсказанных европейским опытом идейных веяний с четко обозначившимся выбором – видеть вещи, как они есть⁴².

Нечто подобное происходило в Соединенных Штатах и в последние десятилетия. Карнавализация общества в обстановке беспрецедентного обогащения биржевых спекулянтов и строителей финансовых пирамид, спонсируемая неоконсами, привела к глубокому духовному расколу, все расширяющемуся по мере проявления имущественного неравенства. Кругмен нашел, что Америка может и не вернуть себе динамизма первопроходца, созидательные цели которого соответствуют идеалам «отцов-основателей»⁴³. Вывод, считает он, может быть только таким, каким его сформулировал близкий ему по духу известный политолог Кевин Филлипс в книге «Богатство и демократия»: «Либо демократия должна быть подвергнута коренному обновлению, а политика соответствовать реалиям жизни, либо богатство, скорее всего, скроит новый и несравненно менее демократический режим – плутократический по своему характеру, но, разумеется, называемый как-то иначе»⁴⁴.

Нечто подобное происходило в Соединенных Штатах и в последние десятилетия. Карнавализация общества в обстановке беспрецедентного обогащения биржевых спекулянтов и строителей финансовых пирамид, спонсируемая неоконсами, привела к глубокому духовному расколу, все расширяющемуся по мере проявления имущественного неравенства. Кругмен нашел, что Америка может и не вернуть себе динамизма первопроходца, созидательные цели которого соответствуют идеалам «отцов-основателей»⁴³. Вывод, считает он, может быть только таким, каким его сформулировал близкий ему по духу известный политолог Кевин Филлипс в книге «Богатство и демократия»: «Либо демократия должна быть подвергнута коренному обновлению, а политика соответствовать реалиям жизни, либо богатство, скорее всего, скроит новый и несравненно менее демократический режим – плутократический по своему характеру, но, разумеется, называемый как-то иначе»⁴⁴.

---

⁴² См.: Schlesinger Jr. A.M. *The Crisis of the Old Order 1919–1933*. Melbourne, 1957. P.134–156; Мальков В.Л. «Новый курс» в США. Социальные движения и социальная политика. М., 1973.

⁴³ Krugman P. *Op. cit.* P.143.

⁴⁴ Цит. no: *Ibid.*

Явление Барака Обамы с его лозунгом «Перемены» целиком связано с этим стихийным воскрешением традиций популистского движения рубежа XIX–XX веков. Показательно, что оно возрождается после краха однополярного мира, на волне антиимперства и в связи с жадной обществу услышать нечто правдивое о себе самом, покончив с грезами подчинить ресурсы человечества и, воспользовавшись ими, построить «парадиз» в границах Америки, а затем уже осчастливить всех остальных. В своей автобиографической книге Б.Обама высказался на этот счет с абсолютной ясностью: «Большинство из нас знает цену мудростям, изрекаемым рекламистами, интервьюерами, составителями речей и мудрецами от политики. Мы прекрасно понимаем, что самые высокопарные слова могут служить самым низким целям и что самые благородные чувства можно принести на алтарь власти, целесообразности, алчности и нетерпимости. Читая обычный университетский учебник истории, легко заметить, насколько рано реальная жизнь Америки начала отклоняться от мифов и представлений о ней... Верующие и неверующие, черные, коричневые, белые – все мы понимаем, – и правильно! – что первоочередные потребности нации не замечаются, что если мы не изменим курс как можно быстрее, то оставим после себя более слабую и расколотую Америку, чем та, которая досталась нам в наследство»⁴⁵.

Впрочем, к наследию Обама предлагает относиться избирательно. Он сам говорит, что его мнения по многим вопросам скорее совпадают с редакционными статьями в «Нью-Йорк Таймс», чем в «Уолл-стрит джорнал» (кстати, Кругмен является постоянным автором первой). А главным вопросом, решению которого он готов посвятить свою деятельность, является вопрос о «все возрастающей экономической незащищенности американских семей, расовых и религиозных трений в нашем политическом пространстве...»⁴⁶. От решения этого вопроса зависит другой, политически не менее важный, как это и следует из статей Кругмена, – преодоление раскола в обществе, возвращение его к равновесному состоянию после Второй мировой войны. Поддерживая этот тезис, Б.Обама не сглаживает противоречия:

---

⁴⁵ Обама Б. *Дерзость надежды. Мысли о возрождении американской мечты*. СПб., 2008. С.13.

⁴⁶ Там же. С.14, 15.

американцы расходятся во мнениях «буквально во всем»⁴⁷. И корень зла – в расслоении (экономическом и социальном) населения США, в небывалых освобожденных от налогов прибылях корпораций, «но уменьшении доли прибыли, причитающейся рабочим»⁴⁸. В реальной жизни, продолжает он, это выражается в создании «эксклюзивных сообществ», располагающих всем, что нужно, и по любой цене. И это на фоне прозябания огромного большинства, обреченного оставаться на ближайшем удалении от уровня бедности либо и вовсе ниже него, да еще в зависимости от плохо финансируемых, перегруженных и не отвечающих современным требованиям здравоохранения, пенсионного обеспечения и образования. Статус наемных рабочих («синих воротничков») упал, сами они перестали быть в должной мере востребованными в условиях глобализации. Рабочие места уплывают за рубеж. Удельный вес неквалифицированного сервисного персонала возрастает⁴⁹. Безработица среди квалифицированных специалистов приобретает застойный, хронический характер.

Помимо основательности и жизненной достоверности главному труду Б.Обамы присущи историчность, умение видеть последовательные фазы движения, их неразрывную связь между собой. И еще ясное понимание как точек роста в национальном развитии, так и периодов его замедления, надежд и разочарований. По обе стороны разграничительной линии он располагает Авраама Линкольна и Теодора Рузвельта. То есть сторонников «активной позиции федерального правительства и тех, кто придерживался консервативных взглядов Эдмунда Берка, приверженца традиций, а не всякого рода социальных экспериментов»⁵⁰. Но, подобно Кругмену, размышляя о возможностях преодоления внутренних противоречий американского общества и максимального раскрытия его потенциала, Обама особую дань признания отдает реформаторству «нового курса» Франклина Делано Рузвельта. Для него эпоха Рузвельта – эталон большой (в высоком значении этого слова) политики, отмечен-

⁴⁷ Там же. С.20.

⁴⁸ Там же. С.165.

⁴⁹ Там же. С.168. – Показателем, иллюстрирующим этот тезис Обамы, является резкое падение заработной платы строительных рабочих, еще в 80-х годах входивших в состав рабочей аристократии США. К концу XX века она фактически сравнялась со средней по отраслям (Erllich M., Grabelsky J. *Standing at a Crossroads: The Building Trades in the Twenty-First Century // Labor History. Vol.46. №4. November 2005. P.425*).

⁵⁰ Обама Б. Указ. соч. С. 3.

ной «экономическим популизмом "нового курса" – концепциями справедливой заработной платы и пенсий, попечительства и общественных работ, все повышающегося уровня жизни»⁵¹.

Эрозия духовных ценностей молодых энтузиастов 30-х годов была неминуема в условиях послевоенного бума и раскола коалиции «нового курса». Его наследие было подвергнуто частичному или полному разрушению еще и под воздействием апатии демократов и контркультуры рейганизма. Апатии, обрушившейся на либеральную риторику идеологов «государства всеобщего благосостояния», которая сама навредила делу, как полагает Обама, излишне высоко вознося права над обязанностями и гражданской ответственностью⁵². «Голос Рейгана был услышан благодарной аудиторией не только потому, что он, несомненно, был мастером общения высокого класса; он привлек внимание к промахам правительства либералов, совершенным во время экономического застоя, и создал у избирателей из среднего класса ощущение, что борется за них»⁵³.

Свой историзм во взглядах на политическое развитие США после эпохи Ф.Рузвельта Обама демонстрирует критической оценкой инверсии, которую претерпела идеология как демократов, так и республиканцев к 80-м годам XX столетия, перевоплотившись в мало к чему обязывающий спор по второстепенным вопросам и в уклонение от решения жизненно важных проблем, выдвинутых новой экономической и геополитической обстановкой в мире. Исходя из постулата о невозможности для США следовать и дальше формуле «Американского века», ничего не меняя ни в системе ценностей, ни в политической стратегии, ни в культурных устоях⁵⁴, Обама делает пробную попытку предложить собственную протоплатформу для выхода из возникшего структурного кризиса. Ее главные пункты: застой губителен; стремление ради избирательного успеха повторить удачные ходы оппонента контрпродуктивны; стратегия демократической партии должна быть решительно обновлена и нацелена на будущее. Копируя республиканцев, замечает Обама, демократическая партия уже «превратилась в партию реакционеров»⁵⁵.

---

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С.38.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С.75.

⁵⁵ Там же. С.47.

В пику многочисленным гасителям традиций рузвельтовского либерализма Обама раз за разом освежает память о них, демонстрируя незаурядную осведомленность об идейно-политическом наполнении «нового курса», воспрепятствовавшего социальной деградации нации и ставшего примером для подражания. Однако, судя по содержанию книги Обамы (еще не президента), заимствования ее автора у Рузвельта коснулись преимущественно тактического мышления последнего. Так же, как и «ранний» Рузвельт, Обама, не рискуя еще выступить с цельной долгосрочной программой преобразований, уделяет главное внимание политическому инструментарию президента-реформатора. Энергия и свежие идеи, прагматичный подход в политике, включая межгосударственные отношения, недоверие к «измам». Мы должны руководствоваться тем, что приносит успех, – резюмирует Б.Обама. Его тезис о необходимости «сверять идеалы, взгляды и ценности с реалиями повседневной жизни, чтобы в свое время их сменили пересмотренные, улучшенные новые идеалы, уточненные взгляды, углубленные ценности»⁵⁶, есть парафраз центрального фрагмента рузвельтовской предвыборной речи (май 1932 г.) в Оглторпском университете, евангелия ньюдиллеров. Тогда будущий тридцать второй президент США говорил: «Страна нуждается и, если я не ошибаюсь, страна требует смелого и настойчивого экспериментирования. Здравый смысл подсказывает обратиться к какому-нибудь методу и испытать его. Если он себя не оправдает, надо честно признать это и поискать другой метод. Но прежде всего нужно попытаться что-то сделать»⁵⁷.

И так же, как обещание Рузвельта поверх всех остальных задач озаботиться о «забытом человеке», его материальном благополучии, красной нитью в размышлениях Обамы накануне его триумфа на выборах 2008 года проходила мысль о необходимости «покончить с равнодушным созерцанием стремительного падения жизненного уровня американцев, больших городов, задыхающихся от смога, и нищих, заполнивших наши улицы»⁵⁸. Правда, у демократа Обамы, так же как у либерального эгалитариста Кругмена, нет готового ответа на вопрос об усмирении «хаотичного, беспощадного капитализма». Но он хотя бы честен и открыт для проверки предлагаемых решений практикой и восстановле-

---

⁵⁶ Там же. С.109.

⁵⁷ См.: Мальков В.Л. Америка в эпоху великих испытаний и реформ... С.18.

⁵⁸ Обама Б. Указ. соч. С.179.

ния в правах непопулярных некогда реформаторов-революционеров: «...я могу привести примеры, в каких случаях мы можем выйти из тупика; когда по заветам Гамильтона и Линкольна мы можем вкладывать в инфраструктуру и свой народ; как мы можем обновить и перестроить тот договор, которым в свое время скрепил общество Франклин Делано Рузвельт»⁵⁹.

Предчувствие развернувшегося в полную силу с конца 2008 года кризиса оказалось сильнее мер по его предотвращению. И сегодня очевидно, что они явно недостаточны. Впрочем, точку ставить рано. Накачка ликвидностью покупательной способности в стране или иначе – банковской системы (некоторые говорят – спасение от капитализма его собственных институтов) дала первый положительный эффект. Но еще никто не сказал, сколь он будет продолжительным, и никто не ответил на вопрос, который тот же Обама называет ключевым в перечне четырех свобод, озвученных в послании Рузвельта Конгрессу в 1941 году: как раз и навсегда добиться свободы от нищеты и свободы от страха?⁶⁰ Рузвельтовская полуутопия не отменила механизма экономического цикла и тем самым вновь оказалась, как пишут, в центре культурной и политической войны, идущей ныне в Америке⁶¹. Не станет ли нынешний кризис прелюдией к великому подведению итогов, поставив Америку вновь на путь поиска смыслов? Правда, она оказалась не одна в интеллектуальном смятении. Вопрос «Куда нам плыть?» накрыл и весь остальной мир.

---

⁵⁹ Там же. С.180.

⁶⁰ Там же. С.354.

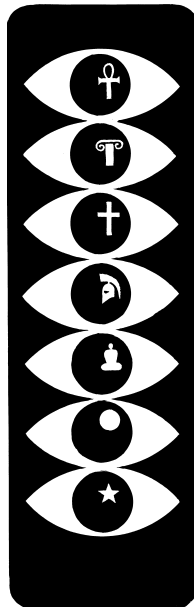
⁶¹ См.: Baker W.E. *America's Crisis of Values: Reality and Perception*. Princeton, 2005.

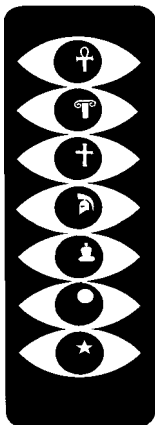
Узловые моменты истории, каковыми являются события, представляют собой отнюдь не очаги иррациональности, а организующие центры и, следовательно, центры значений.

Речь не идет о том, что историк должен разделять веру своих героев, – в таком случае мы имели бы не историю, а апологетику, то есть жизнеописание

**святых; историк должен суметь ...
признать их веру, иными словами,
окунуться в проблематику этой
веры, постоянно держа ее
в «подвешенном состоянии»
и «нейтрализуя», как если бы она
была ныне существующей верой.**

Поль Рикер

Дмитрий Павлов

ЯПОНИЯ ЭПОХИ МЭЙДЗИ В ВОСПРИЯТИИ ЗАПАДНОГО СООБЩЕСТВА

ТЕХНОЛОГИИ
ЗАПАДНООРИЕНТИРОВАННОГО
ИМИДЖМЕЙКИНГА

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
32.019.5

The article provides an analysis of Japan's image that Tokyo was projecting in the countries of the West in the Meiji era (1868–1912), mainly on the eve and during the Russo-Japanese war. The negative character of Japan's image in the West («yellow peril») was recognised as one of the major security threats for the country, especially in war conditions, and an energetic public relations campaign was launched to improve it. The article explores the core elements of this «constructed image» and image-making techniques. Finally, it considers the implication of the ambition to create this «desired» image for Japanese foreign policy.

Ключевые слова: Русско-японская война; средства массовой информации; общественное мнение.

E-mail: dpavlov2003@mail.ru

В конце XIX века, одновременно с превращением Японии в полноправного субъекта международных отношений, и особенно накануне и в годы войны с Россией (1904–1905), перед ее правительством во весь рост встала задача позитивного позиционирования своей страны в мире – с сопутствующим идейно-политическим «наполнением» и организационным обеспечением. Задумываясь над сценариями развития мировых событий в ходе конфликта с Россией, наименее благоприятной для себя в Токио посчитали гипотетическую возможность вступления в войну Франции и Германии на стороне своего противника при сохранении союзной Великобританией и дружественной Америкой строгого нейтралитета. Подобный расклад сил лишал Японию шансов в грядущем военном противостоянии, но состояться он мог лишь в случае, если бы эта война была воспринята на Западе как агрессия «желтого» мира против «белого», как реальная угроза христианской цивилизации. Поэтому для Токио важнейшими задачами стратегического порядка стало скорректировать сложившиеся стереотипы восприятия своей страны в Старом и Новом Свете, завоевать симпатии и доверие Запада, нейтрализовать его страх перед «желтой опасностью» и противопоставить Россию западной цивилизации. Кроме того, благоприятный международный имидж, будучи неременным атрибутом эффективной внешней политики вообще, в условиях войны был необходим для получения иностранных кредитов, размещения за рубежом военных заказов, решения многих других жизненно важных практических вопросов. Это также отчетливо понимали в Токио.

В современной русскоязычной японоведческой политологии тема японского внешнего имиджмейкинга находится на подъеме. Проблемы японской национальной идентичности, пути и способы достижения ею мирового лидерства, образ Японии в сегодняшнем мире активно исследуют историки, политологи и социологи¹. Известный вклад в ретроспективное изучение тех же проблем внес и автор этих строк². В своей не-

---

¹ См.: Жуков А.Е. *Япония в мире: эволюция самооценки // Япония, открытая миру / Под ред. Э.В.Молодяковой. М., 2007. С.39–62; Куланов А.Е. Культурная дипломатия Японии // Япония 2007. Ежегодник. М., 2007. С.116–130; Он же. Между миром и собой: трансформация имиджа Японии в эпоху глобализации // Глобальные вызовы – японский ответ / Под ред. Э.В.Молодяковой. М., 2008. С.59–76; Молодяков В. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. М.; Токио, 1996; Он же. Бренд «Япония»: превращения национальной идеи // Глобальные вызовы – японский ответ. С.41–58; и др.*

² См.: Павлов Д.Б. *Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на*

давной популярной работе о российско-японских «имиджевых войнах» А.Е.Куланов и В.Э.Молодяков в числе прочего уделили внимание интересующим нас историческим сюжетам³. Однако, поскольку авторы сознательно акцентировали «приватный» уровень российско-японского имиджевого соперничества, деятельность официальных токийских пропагандистов за рубежом в их книге обозначена, но не изучена. Учитывая это, автор настоящей статьи исследует официальный западно-ориентированный имиджмейкинг Японии накануне и в годы русско-японской войны с упором на организационно-финансовую сторону этой работы и технологии ее ведения.

При этом под «официальным», или «государственным», имиджмейкингом понимается не только деятельность японских дипломатов. Особенностью японской правительственной пропаганды и тогда, и сегодня является вовлечение в нее деятелей науки, культуры и искусства, представителей церкви и т.д., усилия которых дополняют информационную и разъяснительную работу, ведомую по официальным каналам. Вероятно, именно эту категорию людей имел в виду Хью Баес, свыше четверти века проработавший в Токио корреспондентом газет «Times» и «New York Times», когда писал об «очаровательных апостолах полуправды, разъяснявших Японию народам Запада»⁴, и, определенно, его голландский коллега Карел ван Вольферен, также проживший в Японии порядка 25 лет, но уже в послевоенный период (голландец назвал их «полировщиками» и «информаторами»)⁵. Идеологический конструкт, созданный и пущенный в оборот японскими имиджмейкерами, заслуживает детального изучения и в данной статье рассматривается лишь в общих чертах. Другая тема, требующая самостоятельного исследования, – имиджмейкинг Токио тех же лет на своей собственной территории, а

море. М., 2004; Он же. Китай, 1904–1905: русско-японское идейно-пропагандистское противостояние // Acta Slavica Iaponica (Саппоро). 2005. Vol.22; Он же. «Христианский вопрос» в годы русско-японской войны 1904–1905 гг., или планировала ли Япония сделаться христианским государством? (по материалам мировой печати) // Acta Slavica Iaponica. 2009. Vol.26.

³ Куланов А., Молодяков В. *Россия и Япония: имиджевые войны.* М., 2007. С.67–141.

⁴ Vyas H. *Government by Assassination.* N.Y., 1942. P.10.

⁵ Van Wolferen K. *The Enigma of Japanese Power. People and Politics in a Stateless Nation.* N.Y., 1989. P.11–12. – Английское слово «buffer», которое употребляет в этой связи К.Вольферен, имеет несколько значений, из которых существо дела, как нам представляется, точнее передает именно «полировщик».

также в колониальных и полуколониальных государствах Африки и особенно в странах Востока, в содержательном плане в корне отличный от адресованного Западу; его мы не будем здесь касаться вообще.

Настоящая статья основана на мемуарах очевидцев и участников описываемых событий и документальных публикациях⁶, но основным нашим источником выступили материалы мировой повременной печати второй половины XIX – начала XX века. В подавляющем большинстве они остаются слабоизученными, хотя именно пресса тех лет выступала и главным зеркалом общественного мнения, и его основным генератором, и полем идейных баталий.

ЯПОНСКАЯ КУЛЬТУРА НА ЗАПАДЕ: ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Книги о Японии на европейских языках стали появляться еще в XV–XVI веках, но непосредственное знакомство западного сообщества с этой страной состоялось лишь в 60-х годах XIX столетия. На Второй всемирной промышленной выставке, прошедшей в Лондоне (1862), посланник Великобритании в Токио сэра Рутерфорд Элкок (R.Alcock) представил коллекцию произведений японского ремесла и искусства. Посетителям следующей такой же выставки в Париже в 1867 году продемонстрировался уже целый японский павильон. В результате японское искусство вошло на Западе в моду, к 1880-м годам увлечение им достигло зенита, западный мир охватил «japonisme». Сам этот термин в 1872 году ввел в оборот французский искусствовед Филипп Берти (Ph.Burty), понимавший под ним «новое направление в исследованиях в области изобразительного искусства, истории и этнографии». Однако вскоре «японизм» превратился в более сложное явление, которое стало включать не только художественные и научные, но и социально-политические и экономические аспекты⁷.

---

⁶ Nish I.H. *The Anglo-Japanese Alliance. The Diplomacy of Two Island Empires, 1894–1907.* University of London, 1966; *The Russo-Japanese War, 1904–5. A Collection of eight volumes / Compiled & Introduced by I.Nish.* L.: Global Oriental, 2003; *Suyematsu Kencho (1855–1920). The Risen Sun (1905) / Introduction by Matsumura Masayoshi // Japanese Propaganda. Selected Readings. A Collection in ten volumes. Series 1: Books 1872–1943 / O'Connor P. – ed. Vol.3.* L.: Global Oriental, 2004.

⁷ Подробнее см.: Weisberg G.P., Weisberg Y.M.L. *Japonisme. An Annotated Bibliography.* N.Y.; L., 1990.

В изящной словесности Запада, на его театральных подмостках, в произведениях художников и музыкантов и даже в коммерческой рекламе все явственнее зазвучали японские мотивы⁸. Бум японской тематики затронул и книжно-журнальное дело западных стран. С конца XV и до середины XIX века (т.е. за три с половиной столетия) на основных европейских языках, по данным французского библиографа Леона Пажа (L.Pages), появилось около 660 печатных произведений, посвященных Японии. А за неполную вторую половину XIX века их количество исчислялось уже тысячами, причем без учета русскоязычных⁹. Наиболее известными и читаемыми были общие ознакомительные работы, выходявшие из-под пера дипломатов, ученых и миссионеров. В эпоху Мэйдзи (1868–1912) в Японию в общей сложности явилось более тысячи христианских проповедников и несколько сот профессоров из США и европейских стран. В бытность в этой стране многие из них увлеклись ее политической и интеллектуальной историей, литературой, искусством, языком. Их произведения многократно переиздавались. Книга «Things Japanese» британского филолога Бэзила Чемберлена (В.Н.Chamberlain) к началу XX века выдержала три издания (и переиздается по сей день). Дважды публиковались труды дипломата сэра Элкока: книга «Three years residence in Japan» (впервые вышедшая в Лондоне в 1863 г.) и работа, посвященная японскому искусству (первое издание 1878 г.). В 1870–1880-х годах на французском, немецком и русском языках увидели свет книги по истории Японии русского географа и социолога Л.И.Мечникова, читавшего лекции в Токийском университете. Но рекордсменом, вероятно, следует считать американского священника Уильяма Гриффиса (W.E.Griffis), который в 1870–1874 годах преподавал в одном из учебных заведений Токио и одновременно обучал представителей самурайского клана Фукуи, явившись первым «нанятым иностранцем» (*оятой гайкокудзин*) в Японии эры Мэйдзи. Только одна его двухтомная «Империя микадо», впервые напечатанная в США в 1876 году, выдержала 12 изданий. К появлению и дальнейшей циркуляции этих произведений токийское правительство, вероятно, непосредственного отношения не имело.

---

⁸ См.: Barlett R. Japonisme and Japanophobia: The Russo-Japanese War in Russian Cultural Consciousness // *The Russian Review*. 2008. №1 (67). P.8–33.

⁹ См.: Von Wenckstern Fr. *A Bibliography of the Japanese Empire. Being a Classified List of all Books, Essays and Maps in European Languages related to Dai Nihon (Great Japan), published in Europe, America and in the East from 1859–93. Leiden; L., 1895.*

Другим каналом знакомства Запада с «things Japanese» стали работы тех немногих «пишущих» иностранцев, которые поселились в Японии, что опять-таки стало возможным лишь в эпоху Мэйдзи. Об американском журналисте греческого происхождения Лафкадио Херне (L.Hearn), которого сами японцы считали «наиболее компетентным выразителем Японии в англоговорящем мире»¹⁰, и его литературной деятельности нет нужды говорить особо: они широко известны. Многочисленные и талантливо написанные эссе Херна, большого поклонника и тонкого ценителя японской культуры, всегда были популярны на Западе. Зато такая фигура, как ирландский капитан Фрэнк Бринкли (F.Brinkley), сегодня незаслуженно забыта. Явившись в Токио в 1867 году 26-летним охранником британской миссии, он навсегда осел в Японии и с годами превратился в признанного знатока истории и искусства этой страны, известного в мире коллекционера восточного фарфора¹¹. В отличие от университетского профессора Херна, Бринкли со временем занял в Токио значительные официальные посты. В 1870-е годы он стал советником МИДа, в 1881 году основал и до конца жизни редактировал официальную англоязычную «Japan Daily Mail», которую негласно субсидировало японское правительство, а с 1892 года вплоть до своей кончины (1912) состоял токийским корреспондентом лондонской «Times». В 1893 году в Чикаго на английском языке вышла его книга об истории Японии; в 1896 году в Токио – составленный им японо-английский словарь (один из лучших в мире на тот момент); в 1897 году в Бостоне – 10-томное иллюстрированное описание Японии под его редакцией. Деятельность Бринкли получила высокую официальную оценку: еще до войны он был включен в список трехсот наиболее заслуженных подданных микадо.

С середины 1870-х годов на Западе стали появляться сочинения и самих японцев о Японии, прошлой и настоящей, разумеется, в переводах на европейские языки¹². Из них наиболее широкий общественный

¹⁰ *The Japan Times*. 1904. December 21. №2349. P.6 (Некролог Херна и интервью с его вдовой-японкой). – Работы Херна о Японии выходили и в России в русском переводе.

¹¹ В 1883 году на английском языке он издал в Иокогама «Историю японской керамики» в 6 частях.

¹² См.: Iwao S. *On the Establishment of a Parliament in Japan*. L., 1875; Genji Monogatari, the most celebrated of the classical Japanese romances, translated into English by Suyematz Kenchio. L., 1882; Yoshida S. *Geschichtliche Entwicklung der Staatsverfassung und des Lehnswesens von Japan*. Bonn, 1890; Kaneko K. *Outline of Constitution of Japan*. Boston, 1891;

отклик получила популярная брошюра Нитобэ Иназо «Бусидо. Душа Японии», написанная им в бытность в США и впервые изданная там же в 1899 (или 1900) году. Судя по сохранившимся сведениям, своим появлением эта книга была обязана инициативе японского профессора и преподобного У.Гриффиса; средства жены-американки Нитобэ позволили книгу издать, но с ее содержанием политическую элиту Америки знакомили уже японские официальные лица. Немного позже эта «книжечка», как ее скромно называл сам автор, была издана на японском языке, а в 1905 году дважды напечатана в России по-русски. Работа Нитобэ сделала поклонником его страны Теодора Рузвельта (в 1901–1909 годах президента США); если верить К.Кусахара, американского лидера с ней познакомил Такахира Когоро (тогдашний посол Японии в Вашингтоне)¹³.

Виконт Хаяси Тадасу,
посланник в Великобритании

Вскоре, по признанию британского писателя Джорджа Мереди-та (G.Meredith), «бусидо, или "путь самурая", превратилось в почти английское слово», настолько глубокое впечатление сочинение Нитобэ произвело и на рядового западного читателя¹⁴. В общем, благодаря Нитобэ, портрет Японии на Западе обогатился новыми красками. В последующие годы количество публикаций японских авторов в англоязычной печати продолжало расти, причем особую активность в этой области проявлял посланник в Лондоне виконт Хаяси Тадасу¹⁵. Его биограф утверждал, что он первым из государственных деятелей Японии «осознал и использовал силу фудэ» (кисти для письма)¹⁶.

Kaneko K. Les institutions judiciaires du Japon. Bruxelles, 1893; u др.

¹³ Куланов А., Молодяков В. Указ. соч. С.90–91.

¹⁴ Meredith G. Introduction // Okakura Yoshisaburo. *The Japanese Spirit*. L., 1905. P.XI.

¹⁵ См.: Hayashi Tadasu. *For His People*. L., 1903; Idem. Introduction // Stead A. *Mysteries of China*. L., 1903; Idem. Introduction // Lloyd A. *Everyday Japan*. L., 1903; u др.

¹⁶ *The Secret Memoirs of Count Tadasu Hayashi / Pooley A.M. – ed. N.Y.; L., 1915. P.11.*

К концу XIX века в западном мире сложился в целом привлекательный, но весьма поверхностный и чрезмерно романтизированный образ Японии, к тому же почти целиком обращенный в ее прошлое. В массовом сознании Япония воспринималась тогда как «заморское чудо», красивая, но отсталая страна изящных гейш, кукольных «мус-мэ» и «дам Хризантем», обитавших в «домиках-шкатулках»¹⁷. «Большинство американцев, – писал, вспоминая начало XX в., американский посланник в Токио Ллойд Гриском (L.C.Griscom), – все еще представляло себе Японию цветущей сказочной страной, населенной маленькими людьми в кимоно, с веерами и зонтиками в руках»¹⁸. Однако компетентные и внимательные наблюдатели пытались предостеречь сограждан от подобного верхоглядства. В западной печати призывы относиться к Японии всерьез зазвучали еще в начале 1890-х годов¹⁹. В российском обществе, – отмечал в 1902 году преподаватель Восточного института Н.В.Кюнер, – утвердилось искаженное представление о характере преобразований в Японии последних десятилетий, основанное на сочинениях западноевропейцев, в большинстве – «случайных туристов, или топтателей земного шара (*globe-trotters*)»: «Критики Японии называли происходившие на их глазах прогресс и перерождение дореформенной Японии, в особенности создание ею нового флота и армии, призрачными и поверхностными и видели во всех серьезных попытках японских государственных деятелей <...> лишь неумелые усилия копировать слепо с европейских моделей, усваивая себе внешние формы чуждой цивилизации». Отсюда – неспособность понять, что в действительности эта страна уже превратилась «в сильную нацию, с мнением которой надо считаться при каждом новом шаге в политике Дальнего Востока»²⁰. Увы, в довоенной России эти предостережения не были в полной мере осознаны – ни в императорском дворце, ни в министерствах, ни в армии, ни в обществе. В первые месяцы войны официальное «Новое время» продолжало отзываться о Японии как о «полуигрушечной стране» с «мишурной культурой»²¹.

¹⁷ См.: Скальковский К. *Внешняя политика России и положение иностранных держав*. СПб., 1897. С.474.

¹⁸ Griscom L.C. *Diplomatically Speaking*. N.Y., 1940. P.224.

¹⁹ См., например: Piggot F.T. *New Japan // The Fortnightly Review*. 1892. Vol.52. P.335–345.

²⁰ *Известия Восточного института*. Т.9. Владивосток, 1903. С.5–6, 9, 11.

²¹ *Новое время*. 1904. 9 (22) февраля. №10033. С.2.

ПРОБА СИЛ ТОКИО В ЗАПАДНООРИЕНТИРОВАННОМ ИМИДЖМЕЙКИНГЕ

В самом Токио созданием благоприятного для себя уже не только общекультурного, но и политического образа на Западе более или менее целенаправленно занялись в середине 1890-х годов. Первоначально акции японцев такого рода не были систематическими, имели, скорее, ответный характер и не всегда достигали успеха. В 1894 году токийское правительство озабочилось реакцией западной общественности на многодневную резню, которой сопровождался захват японскими войсками Люшуньюкоу (Порт-Артура) в ноябре этого года в ходе японо-китайской войны. Желая смягчить тягостное впечатление Запада, японские военные попытались подкупить корреспондента «The New York World» Джеймса Крилмана (J. Creelman), следовавшего за их армией. Крилман от взятки отказался, и его статья о порт-артурских событиях, по словам американского исследователя, «мгновенно» переменяла общественное мнение США о Японии²². Победа Японии над Китаем резко изменила отношение к ней и официальной России, но уже не столько из морально-этических, сколько из стратегических соображений. До этого в Петербурге Японию считали своим «естественным союзником» (именно в японских портах зимовала русская тихоокеанская эскадра). Но с весны 1895 года, с подачи министра финансов С.Ю.Витте, Токио превратился для Петербурга в потенциально опасного противника на Дальнем Востоке. В русской официозной прессе стали появляться воинственные статьи, предостерегавшие Японию от попыток утвердиться на азиатском континенте²³.

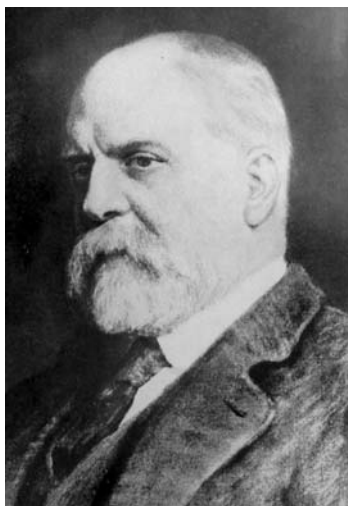
Иначе обстояли дела в Западной Европе. В январе 1895 г. секретарь японской миссии в Лондоне барон Александр фон Сибольд (A. von Siebold) передал в редакцию «Times» документы, из которых следовало, что Китай еще с 1882 года «замышлял вторжение в Японию», почему в нынешних условиях ее нельзя считать агрессором. Газета перепечатала пришедшие материалы, а в передовой статье скорректировала свои прежние

---

²² Knightley P. *The First Casualty. The War Correspondents as Heros and Myth-makers from the Crimea to Kosovo*. Baltimore; L., 2002. P.61.

²³ Подробнее см.: Лукьянов И.В. «Не отстать от держав...». *Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.* СПб., 2008. С.195–201. – Организованный затем Петербургом демарш трех великих держав, который вынудил Токио отказаться от своего самого весомого военного трофея – Ляодуна, на долгие годы превратил Россию в глазах японцев в главную угрозу своей стране.

обвинения Японии в «необузданной агрессивности». Анализируя итоги японо-китайской войны (1894–1895), в «Times» пришли к выводу, что ситуация на Дальнем Востоке кардинально изменилась, и начали отстаивать необходимость сближения с Японией. Так состоялся поворот в позиции этого, по общему в те годы мнению, «могучего столпа всей мировой печати». Прояпонские симпатии «Times» особенно отчетливо обнаружилось после того, как в 1899 году ее международный отдел возглавил Валентин Чирол (V. Chirol). К моменту оформления англо-японского союза (1902) «Times» писала о Японии уже не иначе, как «с самой горячей симпатией»²⁴. Колоссальный и казавшийся незыблемым авторитет этой газеты способствовал распространению японофильских настроений во всем англоязычном мире.

Валентин Чирол,
глава международного отдела
«The Times»

Если говорить о ситуации в континентальной Европе, то с весны 1898 года в Берлине на немецком языке, но с красным солнечным диском и японскими письменами на обложке под редакцией японца Тамаи Кисак²⁵ начал выходить общественно-политический и экономический ежемесячник «Ost-Asien». По словам российского комментатора, этот первый открыто прояпонский журнал Старого Света публиковал материалы «о единственном в мире достойном внимания и удивления государстве "Великой Империи Восходящего Солнца", являющейся в глазах японских патриотов воплощением чистейшей идеи прогресса и цивилизации»²⁶. Журнал не пользовался в Европе особой популярностью, одна-

²⁴ *The History of «The Times». The Twentieth Century Test, 1884–1912. L., 1947. P.191, 193–196, 354–355, 373–374.*

²⁵ *Так в оригинале.*

²⁶ *Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». С 25 июля [1900 г.] по 15 августа 1901 г. Владивосток, 1901. С.76.*

ко свою лепту в создание благоприятного образа Японии все же внес. В 1910 году его выпуск прекратился.

Одновременно в самом Токио занялись систематическим изучением западной прессы. Эта задача была возложена на Бюро по политическим делам, которое появилось в составе МИДа в том же 1898 г.; сбору разнообразной информации о зарубежных странах в японском внешнеполитическом ведомстве придавали чрезвычайное значение с момента его возникновения в конце 1860-х годов²⁷. В годы русско-японской войны «дом в Касумигасэки» стал мозговым центром и дирижером зарубежной и во многом внутренней пропагандистской деятельности японского правительства. Сюда стекались донесения его зарубежных представителей об отношении печати конкретной страны и ее общественного мнения к Японии, к ходу военных действий в Маньчжурии и событиям вокруг них²⁸. Анализ поступавших данных становился основой для корректировки тактики имиджмейкинга, внесения ситуативных изменений в содержание пропаганды и ее координации. По данным российской внешней разведки, возглавлял Бюро сам министр Комура Дзютаро, а экспертами выступали высшие японские офицеры (генералы Нагаока, Усагава) и несколько особо доверенных иностранцев, преимущественно журналистов-англичан, включая упомянутого Бринкли²⁹.

Полномасштабная проба сил японского имиджмейкинга на мировой арене состоялась в 1900 году, сразу после того, как летом 1899 г., по простому уведомлению Токио, рухнула система неравноправных договоров Японии с Западом. Наконец-то Япония на равных допущена в «спесивый и исключительный круг» великих держав! – ликовала в связи с этим официальная «Japan Times»³⁰. Тогда же вчерне была закончена новая технология обработки зарубежного общественного мнения. С этого времени Токио перешел к активному воздействию на информационную политику мировых новостных корпораций и тех крупных газет, с которыми удалось «договориться». Пропагандистская активность Японии образца 1900 г. имела и конкретный повод: она была вызвана ростом страха Запада перед «желтой угрозой» в связи с «боксерским» восстанием в Китае летом этого года. Хотя Япония приняла активное уча-

²⁷ См.: Панов А.Н. Японская дипломатическая служба. М., 1988. С.65–66, 93.

²⁸ См., например: *The Japan Times*. 1904. September 22. №2276. P.3 (Выдержка из телеграфного донесения посланника в Лондоне Хаяси министру Комура в Токио).

²⁹ Павлов Д.Б. Русско-японская война... С.435.

³⁰ *The Japan Times*. 1899. July 18. №703. P.1.

ствие в подавлении движения ихэтуаней, делом опровергнув, таким образом, опасения по поводу возможности японо-китайского военно-политического союза, тем не менее официальные представители Токио в Западной Европе получили указание министра Аоки Сузо воздействовать в успокоительном духе на прессу страны пребывания. С 1900 года в японской столице начали готовить информационно-пропагандистские тексты. Последние после перевода на английский язык телеграфом направлялись в Берлин послу графу Иноуэ Кацуносукэ (а тот уже рассылал их своим коллегам в западноевропейских столицах) и все тому же немцу фон Сибольду. Барон устраивал их публикацию в европейских газетах за подписью «Ariston»; псевдоним использовался, чтобы скрыть действительное – официальное токийское – происхождение предлагаемых к публикации материалов. Предписав Сибольду обеспечить тиражирование присылаемых из Японии статей в центральной печати Великобритании, Германии, Франции, Австрии и США, в июле 1900 г. министр Аоки переправил ему на эти цели 10 тыс. иен³¹.

К концу лета 1900 г. Сибольд сумел установить контакты с крупнейшими западными телеграфными агентствами – германским «Континентальным» (Вулфа), британской новостной империей барона Рейтера, французским Гавас и американским «Associated Press». Японский поверенный в делах в США известил Токио, что еще со времен японо-китайской войны (1894–1895) у его миссии установились доверительные контакты со здешней прессой и посол Такахира выхлопотал у Аоки 4 тыс. иен на поддержание и упрочение этих связей. Из трех с половиной тысяч иен, выделенных на пропагандистские цели послу в Париже Курино Синитиро в августе того же года, тысяча предназначалась агентству Гавас, которое за это добавочное вознаграждение согласилось распространять любую информацию, доставляемую японским дипломатом. Вдобавок указание обеспечить благоприятное для правительства микадо освещение «боксерских» событий самими зарубежными корреспондентами в Китае получил представитель МИДа при японском экспедиционном корпусе³².

В итоге дебют Токио на мировом информационном «поле» прошел успешно: опасения Запада по поводу «желтой угрозы» на время удалось погасить. Вслед за подавлением «боксерского» восстания пугало «жел-

³¹ Эта сумма примерно соответствует 350–400 тысячам современных долларов США.

³² См.: Valliant R. *The Selling of Japan. Japanese Manipulation of Foreign Opinion, 1900–1905* // *Monumenta Nipponica*. 1974. №4. P.415–421.

той опасности» почти исчезло с газетных полос. О нем продолжала регулярно напоминать лишь российская официозная и консервативная печать³³; иноязычная японская пресса также периодически выступала по этому вопросу, но уже с успокаивающими заявлениями³⁴. К марту 1901 г. зарубежная пропагандистская кампания была свернута, но изучение иностранной печати, хотя в урезанном виде, в японском МИДе продолжалось и в межвоенный период.

Заключение в январе 1902 г. англо-японского договора вновь оживило интерес западной общественности к Японии. В том же году в Лондоне появилась книга «Япония, наш новый союзник» журналиста Алфреда Стэда (A. Stead), только что совершившего поездку на Дальний Восток. Восхитившись прогрессом, которого Япония достигла за последние десятилетия, специальную главу своей работы Стэд посвятил доказательству «всеобъемлющего преобладания» этой страны в дальневосточном регионе. «Сегодня Япония является не только одной из величайших в мире наций, – писал он, – но в союзе с Англией выступает на Дальнем Востоке поистине великой державой. Остальные нации должны признать за ней право решающего голоса во всех дальневосточных делах»³⁵. Говоря об отношении рядовых японцев к западным людям, Стэд сообщил, что если англичане и американцы пользуются у подданных микадо «огромной симпатией», то русских, французов и немцев (и именно в такой последовательности) здесь «ненавидят безмерно»³⁶. То, что предисловие к работе Стэда написал старейший и на тот момент самый авторитетный японский государственный деятель маркиз Ито Хиробуми, показывало, что оценки британского журналиста соответствовали взглядам и намерениям официального Токио. С тех пор тема японского прогресса превратилась в один из излюбленных сюжетов западной японофильской печати.

АТАКА НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ЗАПАДА

Хотя в 1900–1901 годах Японии удалось притушить опасения мировой общественности, связанные с «желтой угрозой», в самом Токио о них не забыли. Обдумывать способы нейтрализации неизбежного роста на

---

³³ См.: *Новое время*. 1903. 12 (25) июня. №9794. С.3; 17 (30) июня. №9799. С.2; *Приамурские ведомости*. 1903. 30 ноября. №565. С.2; и др.

³⁴ См., например: *New Press (Июкогама)*. 1901. 17 (30) марта.

³⁵ Stead A. *Japan, Our New Ally*. L., 1902. P.224.

³⁶ *Ibid.* P.97–98.

Западе тревог такого рода в связи с началом вооруженного конфликта с Россией Япония начала еще в ходе переговоров с ней. 30 декабря 1903 года³⁷ вопрос был вынесен на обсуждение японского кабинета министров. На заседании прозвучало опасение, что в случае, если к Японии в грядущей войне присоединится Китай, страх «желтой угрозы» толкнет Францию, Германию и, возможно, другие западноевропейские страны на вмешательство в конфликт на стороне России³⁸. Стремление всеми способами избежать превращения русско-японской войны в мировую и максимально ограничить этот конфликт во временном и территориальном отношениях официальный Токио демонстрировал на всем протяжении войны. Здесь понимали, что длительное и широкомасштабное противостояние с коалицией мировых держав Япония выдержать не в состоянии, а для последующего урегулирования взаимоотношений с северным соседом без вмешательства авторитетного посредника не обойтись. Всем этим и был продиктован последующий взрыв японского западноориентированного имиджмейкинга. В общем, по замечанию историка С.Окамото, в Токио «готовились к раннему заключению мира еще до того, как война началась»³⁹.

До начала войны оставался месяц, а японский МИД уже предписал послу в Германии вновь оказать необходимое воздействие на германскую и австрийскую прессу⁴⁰. В Токио не забыли и о бароне Сибольде, которому в феврале 1904 г. было установлено ежемесячное пособие в 500 иен, не считая возмещения путевых издержек. По отзыву обозревателя «Русского вестника», мартовская (1904) «тетрадка» берлинского «Ost-Asien» оказалась наполнена «дикими и бессмысленными нападками на Россию и русских»⁴¹. И тогдашние российские разведчики, и пресса, и современные исследователи, включая японских, сходятся во мнении, что в годы войны Токио стремился манипулировать и своей, формально свободной, повре-

---

³⁷ Здесь и далее все даты даются по новому стилю.

³⁸ МИД Японии. Т.1. 1969. С.219 (на яп. яз.). – Цит. по: Valliant R. Op. cit. P.421. – В России об этом тоже задумывались, но приходили к выводу, что если опора у Токио в Лондоне почти гарантирована, то самой России нет оснований рассчитывать на действенную поддержку со стороны Франции и тем более Германии.

³⁹ Окамото С. Японская олигархия в русско-японской войне. М., 2003. С.312–313.

⁴⁰ Мацумура М. Российская пропаганда во время русско-японской войны 1904–1905 гг. // Россия и АТР. Владивосток, 2002. №4. С.65.

⁴¹ Русский вестник. 1904. Т.290. Март. С.235.

менной печатью, и мировой прессой и информационными агентствами⁴². Во Франции, учитывая пророссийские симпатии французов и соответствующий настрой местной печати, посол Мотоно Итиро предложил ограничиться «смягчением» ее нападков на Японию, для чего, по его соображениям, ежемесячно требовалось 4–5 тысяч франков. Токио согласился, и 5 марта 1904 г. Мотоно рапортовал о заключении секретной договоренности о сотрудничестве с парижскими газетами «Le Temps» и «Siccle». Министр Комура предложил развить успех, ассигновав на подкуп французской прессы 6 500 франков в виде ежемесячной субсидии⁴³. Несмотря на эти денежные вливания, французская печать в целом до конца войны осталась умеренно русофильской. Позицию германоязычной прессы военных лет можно определить как дружественно нейтральную к обеим конфликтующим сторонам.

В Лондоне японские дипломаты стремились извлечь максимальную пользу из особых отношений, которые сложились у главы их миссии с редакцией «Times». С шефом ее международного отдела Хаяси сблизился еще в середине 1890-х годов в бытность того пекинским корреспондентом этой газеты (сам Хаяси в те годы работал посланником в Китае). Частота, с которой на страницах британской печати с первых месяцев войны выступал Хаяси, дала повод одному из современников в шутку назвать его «внештатным сотрудником информационного агентства». Обозреватель «Fortnightly Review» (это был тот же А.Стэд) отметил, что во всем мире японские официальные представительства оказались «несколько неожиданно превращены в центры по распространению военных новостей» – опыт, который, по его мнению, в будущем следовало использовать и другим государствам⁴⁴. «Японские победы одержаны были в редакциях лондонских газет и телеграфных агентств», – ядовито комментировало сложившийся неформальный альянс петербургское «Новое время»⁴⁵.

Самостоятельным направлением деятельности официальных японских представителей в странах Запада являлось издание пропагандистских материалов, изготовленных по их заказу самими европейскими

---

⁴² См.: Toshi Minohara. *The «Rat Minister»: Komura Jutaro and US–Japan Relations // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Vol.2 / Wolff D., Marks S.G. & others – eds. Leiden; Boston, 2007. P.559.*

⁴³ Valliant R. *Op. cit.* P.430.

⁴⁴ Stead A. *Japan's Aspirations and Internationalism // Fortnightly Review. 1904. August. P.314.*

⁴⁵ *Новое время. 1904. 5 (18) февраля. №10030. С.4.*

журналистами. Летом 1904 года, по заданию Макино, «звезда» европейской тюркологии, публицист и полиглот, 72-летний профессор Будапештского университета Арминиус Вамбери (A.Vambery), который ранее не раз выступал в печати (включая англоязычную японскую) с обзорами «российской агрессивной политики в Азии»⁴⁶, написал брошюру с критикой концепции «желтой угрозы». Брошюра была издана 10-тысячным тиражом на немецком и французском языках, японской казне этот проект обошелся в 1,7 тыс. иен⁴⁷. 34-летний журналист Отто Эльтцбахер (O.Eltzbacher), публикуя в июньском (1904) номере англо-американского ежемесячника «Nineteenth Century» статью о той же «желтой угрозе», также использовал материалы, негласно предоставленные ему японской стороной. Этот британский автор⁴⁸ трактовал проблему принципиально иначе. Он доказывал, что «по своей расе, обычаям, искусству, мысли и общей культуре» Россия «более желтая, чем белая, более азиатская, нежели европейская страна», почему в отличие от Японии или Китая и является основным источником опасности для Запада. При этом Эльтцбахер цитировал высказывания видного японского политика и государственного деятеля графа Окума Сигэнобу, сделанные тем накануне на родине⁴⁹.

Свой вклад в западноориентированный имиджмейкинг Японии вносили публикации англоязычных газет, выходивших в самой Японии, особенно «Japan Daily Mail» Бринкли и «Japan Times» (создателем последней был выпускник Йеля Дзумото Мотосада, который в годы войны состоял пресс-атташе токийского внешнеполитического ведомства). «Везде в газетах торжество победы японцев над русскими на реке Ялу, – записал в дневнике 7 мая 1904 г. глава японской православной церкви епископ Николай Токийский. – Особенно английская «Japan Daily Mail» расписывает в восторгах. Captain Brinkley, издатель, напоминает ужасного отвратительного сластену, который, когда попадетя ему лакомый кусок, смакует его и чавкает до бесконечности <...> и японцы у него – герои и гении, а о рус-

⁴⁶ См., например: Vambery A. *England and Russia in Asia* // *The Japan Times*. 1902. February 27. №1494. P.4; *Idem. The Agitation against England's Power* // *The Nineteenth Century and After*. Vol.LIII. N.Y.; L., 1903. January–June.

⁴⁷ См.: Valliant R. *Op. cit.* P.429.

⁴⁸ Немец по рождению, Эльтцбахер в конце XIX века эмигрировал в Великобританию. С главой японской миссии в Лондоне его, вероятно, свел министр колоний Джозеф Чемберлен, который привлекал Эльтцбахера к сотрудничеству как публициста.

⁴⁹ *The Nineteenth Century and After*. Vol.LV. L., 1904 (June). P.925.

ских где упомянет, то только для того, чтобы плюнуть на них злой насмешкой или руганью»⁵⁰. Сообщения и оценки японской англоязычной печати широко использовала и тиражировала западная русофобская пресса и наоборот. Австралийские «ежедневные издания, печатаемые в главных городах, – сообщал из Мельбурна российский консул в марте 1904 г., – <...> суть исключительно английские органы <...> пресса явно стала на сторону Японии <...> все получаемые сведения тенденциозны, подтасованы и безусловно враждебны нам. Частные сведения и корреспонденции, получаемые из Европы и с Дальнего Востока, по направлению не отличаются от телеграмм. А что касается передовых статей, разбора и толкования известий, то я никогда не видал <...> ничего столь несправедливого, столь тупо-враждебного и ядовитого, как печатаемое в здешних газетах <...> Благодаря этому дошли до полного извращения фактов и нестеснения никакою ложью – выставляют на вид корректность, человеколюбие, цивилизованность и рыцарство японцев, обвиняя нас во всем обратном. В России сверху донизу никто не обойден беззастенчивою клеветою; нет гадо-сти, которая бы не приписывалась нам, – все сплошное глумление и издевательство»⁵¹.

В распоряжении Токио имелись и другие рычаги воздействия на информационную политику газет и крупнейших мировых новостных корпораций, а значит – и на мировое общественное мнение. Телеграмма Агентства Рейтер о намерении японцев в ближайшее время атаковать Порт-Артур, отправленная из Токио 7 февраля 1904 г., пришла в Лондон и Нью-Йорк, но в Петербург передана так и не была. «Сегодня Япония высадит свои войска, Корея будет захвачена», – гласил аншлаг утреннего выпуска «New York Times» от 8 февраля, и это нападение действительно состоялось в тот же день. В течение всей войны в Токио в качестве руководителя местного бюро «Associated Press» находился Мартин Иган (M.Eagan, Egan), который, по мнению русской разведки, служил связующим звеном между этим новостным синдикатом и Бюро прессы японского МИДа. Помимо этого Иган выступал докладчиком на собраниях и парадных обедах с участием видных японских чиновников и (что в данном случае важнее) зарубежных корреспондентов как своеобраз-

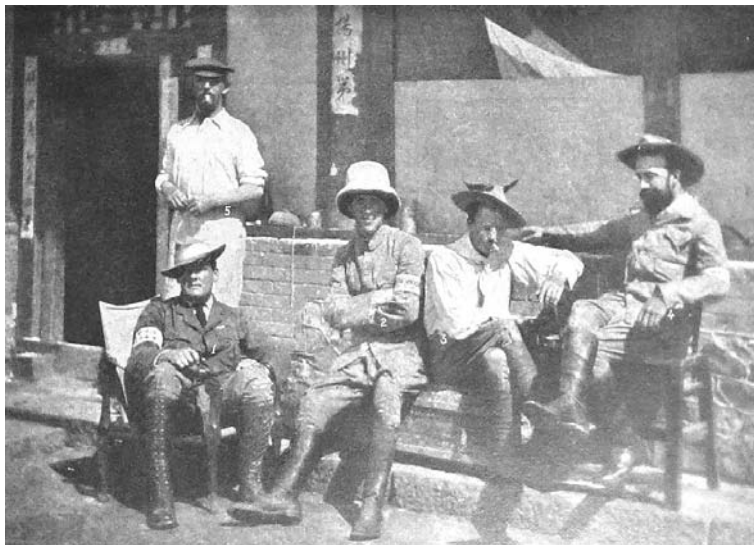
---

⁵⁰ *Дневники Святого Николая Японского / Сост. Кэнноске Накамура. Т.5. СПб., 2004. С.75–76.*

⁵¹ *Архив внешней политики Российской империи. Ф.184. Оп.520. Д.1127. Л.27–28, 29 об. (Письмо консула А.Устинова послу в Лондоне графу А.К.Бенкендорфу. Мельбурн, 3 марта 1904 г. №45).*

ный «камертон» для настройки на нужную тональность всего здешнего журналистского сообщества. Председательствуя на банкете в токийском Кленовом клубе (Maple Club – Kojo-Kan) в марте 1904 года, он (по газетному отчету) «выразил восхищение западных людей тем прогрессом, которого Япония добилась за последние годы, и восхвалял терпение ее народа, проявленное в ходе недавних переговоров с Россией». Последнее замечание вызвало особенное одобрение заместителя министра иностранных дел Чинда Сотэми, который находился в зале. Дальнейшие указания Игана на «отвагу японских моряков» под Порт-Артуром настолько воспламенили слушателей, что корреспондент «The New York Globe» и «Collier's Weekly» Фредерик Палмер (F. Palmer) под одобрительные возгласы коллег поклялся следовать за японской армией куда угодно – «вплоть до Москвы и Петербурга»⁵².

Открытие военных действий на Дальнем Востоке превратило Токио в журналистскую «мекку». Уже к концу февраля – началу марта 1904 года в японскую столицу съехалось около пятидесяти зарубежных журналистов, в дальнейшем их число приблизилось к двумстам.

Американские военные корреспонденты при японской армии в Маньчжурии

⁵² *The Japan Times*. 1904. March 5. №2105. P.3.

Еще ни одна война в истории человечества не привлекала такого количества иностранных корреспондентов, – заметил в связи с этим один из ветеранов американской военной журналистики⁵³. Японские власти радушно приняли заморских гостей, разместили их в лучших гостиницах Токио, устраивали для них экзотические экскурсии и банкеты с представлениями гейш, организовывали пресс-конференции и интервью руководителей кабинета министров и других крупных чиновников, но в Маньчжурию и Корею категорически не пускали. «Более десятка журналистов приехало в Токио из США и Европы с тем, чтобы собирать информацию и освещать войну и дипломатию. Ежедневно они ходят в министерство иностранных дел, но им не дают фактов, – писала токийская "Хэймин Симбун". – <...> Поэтому журналисты начали собирать информацию другими способами и попытались отправить ее домой телеграфом. Однако большинство этих телеграмм было цензурировано почтой, причем без ведома отправителей <...> Затем они попытались писать письма, но и те были подвергнуты цензуре <...> Иностранные корреспонденты написали об этом статьи и отправились в Иокогаму просить матросов переправить эти статьи из третьих стран <...> но ни одна из токийских газет не сообщила об этом инциденте»⁵⁴. В январе 1905 года японские власти запретили выход и самой этой, единственной тогда в стране, относительно высокотиражной оппозиционной газеты.

Американский посланник в Японии также вспоминал о жестокой цензуре, которой подвергалась переписка иностранных корреспондентов, причем отметил, что «раньше никто даже не слышал о таких строгих ограничениях»⁵⁵. По его же свидетельству, с началом войны в Токио заработала «хорошо отлаженная система шпионажа» за иностранцами, не исключая тех, кто открыто (как и сам мемуарист) объявил себя сторонником Японии. Л.Гриском со временем убедился, что содержание его зашифрованных депеш в Вашингтон становится известно министру Комура, а дворецкий его посольства – переодетый полицейский; причем «сходные проблемы были и у англичан»⁵⁶. В бытность в Токио, рассказывал позднее военный корреспондент лондонской «Daily Telegraph», он сам и его коллеги из «Chicago Daily News» находились «под посто-

⁵³ Palmer F. *With Kuroki in Manchuria*. N.Y., 1904. P.28.

⁵⁴ Цит. по: Susan Ch. Macdermid. *Print Capitalism and the Russo-Japanese War*. Master of Arts thesis. University of British Columbia, 1990. P.81–82.

⁵⁵ Griscom L.C. *Op. cit.* P.245–246, 249.

⁵⁶ *Ibid.* P.244.

янным надзором японских властей, и им неоднократно угрожали арестом»; из записной книжки одного из них, оставленной в отеле, некий японский офицер в отсутствие хозяина вырвал «все листки с заметками о войне и старательно положил ее на прежнее место»⁵⁷. Писатель Джек Лондон, который прибыл в Японию в качестве военного корреспондента «San-Francisco Examiner», и вовсе попал в полицейский участок за попытку сфотографировать прибрежные укрепления Внутреннего моря, а его фотокамеру власти конфисковали. Для освобождения писателя понадобилось личное вмешательство американского посланника⁵⁸.

К концу марта 1904 г. недовольство иностранных журналистов отношением к ним в Токио стало известно японским представителям в Западной Европе. 31 марта посланник Хаяси, ссылаясь на жалобы «многих крупных английских газет», хлопотал перед своим правительством о скорейшей отправке военных корреспондентов на фронт и максимальном снятии для них цензурных ограничений в самой Японии⁵⁹. В Токио прислушались: с мая 1904 года журналистов небольшими партиями стали отправлять на театр войны.

Но, столкнувшись на месте с еще большими притеснениями со стороны военных властей, осенью почти весь журналистский корпус двинулся восвояси, проклиная токийских бюрократов и грозясь употребить все влияние, чтобы помешать Японии получать займы в США и Великобритании. Дж. Лондон, к тому времени еще трижды побывавший под арестом в оккупированной японцами Корее (туда он самовольно пробрался еще в феврале 1904 г.), написал статью о «желтой опасности», грозящей, по его мнению, всему «цивилизованному человечеству». Несмотря на то, что общий настрой англоязычной печати в отношении Японии оставался позитивным, хвалебные отзывы о японском гостеприимстве, воспитанности и добросердечии стали заметно реже.

В годы войны в японском МИДе было продолжено фронтальное изучение материалов зарубежной повременной печати, так или иначе посвященных Японии, России или их конфликту. Теперь речь шла уже о десятках англо-, германо- франко- и русскоязычных газет и журналов. Не только центральных, но и таких специальных и сравнительно редких, как «Victoria Colonist», «Methodist Recorder», «Colombo Observer», а

⁵⁷ *Приамурские ведомости*. 1904. 24 декабря. №730. С.2 (Перепечатка из «The China Gazette»).

⁵⁸ *Griscom L.C. Op. cit. P.245–246.*

⁵⁹ *Valliant R. Op. cit. P. 431.*

Полковник Чарльз Курт-Репингтон,
военный обозреватель «Times»

также туземной и иноязычной прессы Гонконга, Пекина, Шанхая, Тяньцзиня, Гонолулу и других крупных азиатско-тихоокеанских центров. После их тщательного изучения статьи, благоприятные для Японии и критические в отношении России, направлялись в центральные японские периодические издания для перепечатки; указания на недостатки Японии и достоинства ее противника если упоминались, то получали должный отпор. Японская пропаганда тиражировала через свою прессу материалы откровенно антироссийской направленности, которые появлялись в зарубежных англоязычных периодических изданиях. Наибольшей популярностью пользовались статьи полковника Чарльза Корт-Репингтона (Ch.A.Court-Repington), военного обозревателя «Times».

Уже в 1905 году они были собраны под одной обложкой и в японском переводе сначала изданы газетой «Дзи-Дзи Симпо» (которую негласно патронировал виконт Т.Хаяси), а затем и в Лондоне – на языке оригинала, в виде 600-страничного фолианта, с авторским посвящением микадо и его подданным, достоинства которых всячески превозносились⁶⁰. То, что статьи британского военного журналиста были наполнены разного рода домыслами в отношении России и ее армии, никого не смутило.

Сотрудник российской внешней разведки утверждал следующее. Перед тем, как попасть в печать, вообще всякое известие с театра войны или же относившееся к внутренней жизни России или Японии поступало в «Пресс-бюро» токийского внешнеполитического ведомства. «Там оно цензуровалось, редактировалось (или упразднялось) и затем уже посылалось в Агентство Рейтер и Associated Press, а также в немного измененной форме сообщалось японским консулам для передачи в суб-

⁶⁰ См.: *The War in the Far East, 1904–1905 by the military correspondent of «The Times». L., 1905.*

сидируемые газеты как частные телеграммы под заглавием: "*from our own correspondent*" или "*special to the*"⁶¹ (имя газеты)».

Большое внимание в Токио уделяли иноязычным газетам и журналам, которые выходили в крупнейших городах Китая. Именно в этом «котле» варилась новостная и во многом оценочная картина маньчжурской бойни. Из него, ввиду ограничений для представителей прессы, введенных японскими властями, зачастую были вынуждены черпать сведения ведущие органы печати и мировые информационные корпорации. Между тем японцы негласно контролировали китайский информационный рынок еще с довоенных времен. Главным его дирижером выступало японское генеральное консульство в Шанхае во главе с Одагири Масуносукэ⁶². «В момент объявления войны, – сообщал тот же российский чиновник, – в Шанхае издавалось шесть китайских, пять английских, одна французская, одна японская газета и одно немецкое еженедельное издание. Из них субсидировались японцами – все пять английских, пять китайских газет <...> и японская. Обходилось это японскому правительству приблизительно в 30 тыс. долларов в месяц». «Таким образом, – заключал автор доклада, – вся печать Шанхая контролировалась японцами до и в начале войны. Если теперь добавить к этому, что то же самое делалось в Гонконге и Тяньцзине с газетами "Hong-Kong Telegraph", "China Mail", "Hong-Kong Daily Press", "China Times", "Peking and Tientsin Times" и всей китайской печатью, то получится полная картина японской деятельности в области прессы»⁶³. Такими методами Токио стремился установить тотальный контроль над органами печати, ориентированными на западного потребителя, где бы те ни издавались.

ТОКИЙСКИЕ ПРОПАГАНДИСТЫ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И В США

Но и это было не все. С первых дней войны за работу взялись профессиональные пропагандисты, направленные Японией на Запад. Еще в начале января 1904 г. барон Суэмацу Кэнчю, зять бывшего премьер-министра и действующего председателя *гэнро*⁶⁴ маркиза Х.Ито и сам

---

⁶¹ «От нашего собственного корреспондента» или «специально для» (англ.).

⁶² Подробнее о его деятельности см.: Павлов Д.Б. *Китай, 1904–1905...* С.53–73.

⁶³ Цит. по: Павлов Д.Б. *Русско-японская война...* С.435–436.

⁶⁴ *Гэнро* – совет старейших государственных деятелей, ближайших и пожизненных советников микадо.

Маркиз Ито Хиробуми,
председатель гэнро

бывший министр внутренних дел Японии, направил Ито и военному министру маршалу Ямагата Аритомо записку, в которой предложил себя в качестве посланца на Запад. Он считал себя способным «увеличить симпатии» к Японии в Англии и США⁶⁵. Действительно, Суэмацу, как выпускник Кэмбриджа, много лет проживший в Великобритании и свободно владевший английским языком, обладатель научных степеней и человек, литературно высокоодаренный (в печати, и не только японской, он выступал как публицист, историк, правовед, переводчик и театральный критик), идеально подходил для подобной роли. К тому же в тот момент 49-летний барон был свободен от государственной службы.

4 февраля премьер-министр граф Кацура Таро вызвал его телеграммой из загородного поместья в Токио и 5 числа

в резиденции министра-президента между ним и министром иностранных дел Комура произошел важный разговор. Кацура одобрил проект Суэмацу и предложил ему без замедления отправиться в Европу со специальной пропагандистской миссией. Если России удастся привлечь симпатии европейцев и американцев на свою сторону, – указал он собеседнику, – Японии ждут большие неприятности; ввиду этого ей следует максимально прояснить миру собственную позицию, оттенив свои отличия от России. Проблема финансов не должна беспокоить барона, заметил премьер, поскольку этими вопросами на Западе будет заниматься «специальный агент». Накануне (вечером 4 февраля) аналогичное собеседование маркиз Ито провел в своей резиденции с бароном Канэко Кэнтаро, членом Палаты пэров парламента и бывшим министром сельского хозяйства и министром юстиции Японии. Суэмацу предстояло отправиться в Великобританию, а 50-летнему питомцу Гарварда Канэко – в США. Перед отъездом, о котором японская печать сообщила

⁶⁵ *Matsumura M. Introduction // Suematsu Kencho. The Risen Sun. P.1–2.*

уже 9 февраля⁶⁶, оба пропагандиста были снабжены письменной инструкцией, важнейшие (первые два) пункты которой звучали так:

«1. Мы должны убедить британцев, что наше правительство употребило все средства для достижения компромисса с российским правительством и что война стала неизбежной вследствие действий последнего.

2. Поскольку чувства "желтой опасности" находятся в числе потаенных мыслей европейцев и американцев, а Россия их всячески подогревает, нам следует предотвратить их грядущую вспышку».

Отсылая копию этой инструкции в Лондон посланнику Хаяси, в сопроводительном письме министр Комура подчеркнул: «Манипулируя британской прессой, мы должны настойчиво объяснять правоту нашего дела и отстаивать свои интересы, показывая, что японское правительство оказалось вынужденным взять в руки оружие для самозащиты и что опасения "желтой угрозы" беспочвенны»⁶⁷. Если верить воспоминаниям Канэко, Ито инструктировал его сходным образом с той лишь разницей, что провидчески указал, что именно США, возможно, выступят посредником в будущем урегулировании российско-японских отношений⁶⁸.

Суэмацу вместе со специалистом по буддийской философии профессором Токийского университета Такакусу Дзундзиро и знатоком немецкого языка Томозда Такахико прибыл в Ливерпуль 14 марта. Оттуда сразу переехал в Лондон, где, поселившись в отеле близ St. James Park, уже через два дня дал первое на британской земле интервью Агентству Рейтер⁶⁹. 18 числа его принял глава британского Форин офис лорд Лансдоун (Lansdowne), которому Суэмацу передал личное послание маркиза Ито. В дальнейшем в бытность в Лондоне японский барон пользовался полным расположением и поддержкой со стороны отца и сына Чемберленов (Chamberlain), представителей известнейшего клана британских государственных деятелей и крупных бизнесменов⁷⁰. Со временем

⁶⁶ *The Japan Times*. 1904. February 9. №2084. P.2.

⁶⁷ Цит. по: Nish I.H. *The Anglo-Japanese Alliance: The Diplomacy of Two Island Empires, 1894–1907*. P.388–389 (Перевод с англ. яз. науч. – Д.П.).

⁶⁸ См.: White J.A. *The Diplomacy of the Russo-Japanese War*. Princeton University press. Princeton, New Jersey, 1964. P.156–157.

⁶⁹ *The Japan Times*. 1904. March 15. №2113. P.3; Matsumura M. *Op. cit.* P.6.

⁷⁰ Старший Чемберлен, Джозеф (1836–1914), в 1895–1903 годах был министром колоний и одним из самых влиятельных политиков Великобритании поздневикторианской эпохи. Младший, Остин (1863–1937), с которым Суэмацу познакомился еще в годы учебы в

доверительные отношения у него сложились и в редакции «Times». Шеф международного отдела этой газеты мог запросто огласить текст обширного доклада Суэмацу от его имени на собрании почтенного учебного общества (в данном случае – лондонского Central Asian Society⁷¹). Мы уже не говорим об открыто прояпонской позиции этого издания практически на всем протяжении дальневосточного конфликта. За полтора года своего пребывания в Лондоне японский пропагандист выступал с публичными лекциями в научных обществах и клубах (Society of Arts, Constitutional Club, Reform Club и т.д.), дал множество интервью, опубликовал две книги и не менее 25 эссе и статей в западноевропейской повременной печати.

Барон Канэко отправился в Новый Свет 24 февраля, формально – для ознакомления с японской экспозицией на всемирной выставке в Сент-Луисе. Компанию ему составил вице-президент Банка Японии Такахаси Корекийо, задача которого заключалась в добывании иностранных займов. Благополучно сойдя на берег в Сан-Франциско 25 марта, 29 числа Канэко прибыл в Вашингтон, тут же встретился со своим сокурником по Гарварду президентом Рузвельтом и с ходу включился в бурную агитационно-пропагандистскую деятельность, которую в США развернули его коллеги-дипломаты. В ходе последующих встреч с американским президентом и госсекретарем Дж.Хэем Канэко обсуждал со своими высокопоставленными собеседниками проблему «желтой угрозы» и отношения к победоносной Японии Западной Европы, вопрос об уважении Японией прав великих держав в Китае, перспективы окончания войны и возможные условия мирного договора с Россией⁷².

Отправляясь за океан, Канэко намеревался негласно субсидировать несколько крупных американских газет. Однако, ознакомившись с ситуацией на месте и убедившись, что подкуп российским послом графом А.П.Кассини «New York Herald» и «Washington Post» не принес российской стороне ожидаемых дивидендов, отказался от этой затеи. Взамен он начал давать американским журналистам банкеты, устраивать с ними вечеринки, в общем, стремился расширить круг знакомств в газетном мире путем светского общения. Не менее активно и успешно он устанавливал и развивал контакты с американскими университетами, орга-

---

Кэмбридже, занимал в кабинете А.Бальфура пост канцлера казначейства (министра финансов).

⁷¹ См.: *The Japan Times*. 1905. April 6. №2434. P.4.

⁷² См.: *White J. Op. cit.* P.158–163.

низациями ученых, общественных и религиозных деятелей, часто выступал на многолюдных митингах, парадных обедах, банкетах и на собраниях различных обществ, читал лекции в университетах и клубах, и содержание этих выступлений так же подробно освещала мировая печать. Одних лекций он, по собственным подсчетам, прочитал более ста. Текст только одного из десятков его публичных выступлений (лекции в Гарварде, прочитанной 26 апреля 1904 г.) был опубликован не только повременной печатью (газетой «Boston Herald»), но и распространен в виде отдельной брошюры тиражом в шесть тысяч экземпляров⁷³.

«Если Россия игнорировала общественное мнение Великобритании и Америки, то Япония использовала любую прямую и непрямую возможность, чтобы успокоить его, – отмечал современник, британский журналист. – Ее платные агенты читали для британцев лекции о красотах и величии Японии. Была начата тщательная и умная пропаганда в прессе, поддержано издание всевозможных книг и статей, начиная с серьезных политических научных трактатов и кончая популярными произведениями, все из которых воспевали ее славу. Япония сумела создать вокруг себя благоприятную атмосферу»⁷⁴. «Чрезвычайно характерно для Японии, – писала в 1904 г. в передовой статье "New York Times", – стремление использовать всякую возможность, дабы объяснить и оправдать в глазах мировой общественности свои действия, которые в итоге привели ее к войне с Россией. Она поведала миру о каждом своем шаге, тогда как Россия придерживается тактики уклончивой и тайной дипломатии»⁷⁵.

Однако на деле обстановка не была столь уж безоблачной. Даже несмотря на то, что семена японской пропаганды на Западе падали на заранее взрыхленную почву (как мы знаем, положительный в целом образ Японии к началу войны здесь уже сложился), выполнение К.Суэмацу и К.Канэко инструкции своего правительства было далеко не простой задачей. Во-первых, говоря объективно, обстоятельства начала дальневосточного конфликта (напомним, что войну начала именно Япония, внезапно и до ее официального объявления атаковав русские суда), несомненно, заключали в себе большую опасность для ее репутации миролюбивого государства, выполняющего общечеловеческую цивилизаторскую миссию в Азии. Во-вторых, на Западе все еще были

---

⁷³ Valliant R. *Op. cit.* P.425.

⁷⁴ McKenzie F.A. *The Tragedy of Korea. L., 1908. P.105.*

⁷⁵ *The New York Times. 1904. July 9. №17009. P.8.*

сильны страхи «желтой угрозы», а в клерикальных кругах дальневосточный конфликт порой воспринимался как борьба единоверцев-христиан с язычниками, чреватая тяжкими последствиями для всего христианского мира.

Мрачным предчувствиям Запада японская зарубежная пропаганда, с одной стороны, противопоставляла настойчивые указания на духовную близость японской культуры и западной цивилизации⁷⁶ и опровержение тезиса о войне Японии с Россией как о столкновении христианского государства с языческим, а с другой, – стремилась всячески дистанцировать свою страну от Срединной империи. На страницах «Review of Reviews» барон К.Суэмацу подчеркивал отличия Японии от Поднебесной, а бывший посланник в Петербурге С.Курино в интервью «New York Times» указал, что Китай рассматривает его страну как своего «традиционного врага»⁷⁷. «Тот, кто пугается призрака "желтой опасности", – заявил он же в беседе с корреспондентом "Berliner Tageblatt", – очевидно, не знает о глубокой пропасти, которая разделяет две главные ветви желтой расы. Китай считает Японию своим смертельным врагом, и, когда почувствует себя достаточно сильным, он прежде всего нападет на нее»⁷⁸. В статье в «San Francisco Call» барон Канэко отметил, что никакой «желтой угрозы» Западу от Японии не может исходить вообще, поскольку «мы как нация быстро продвигаемся в сторону христианства»⁷⁹. В марте 1904 года из Токио пришло известие о намерении графа Окума издать коллективный исторический труд под названием «Англо-американское влияние в Японии». К написанию книги этот бывший (и будущий) японский премьер-министр планировал привлечь последнего сёгуна, 67-летнего графа Кэйки (Токугава Ёсинобу), маркиза Ито, маршала Ямагата и действующего американского военного атташе в Токио⁸⁰.

Развивая сюжет о стремлении своей страны стать полноправным членом западной цивилизации, токийские пропагандисты особое место отвели фигуре commodора Мэтью Перри, который возглавлял военные

⁷⁶ Барон К.Канэко неоднократно заявлял в печати, будто на Дальнем Востоке Япония «сражается в интересах англо-американской цивилизации», а не в своих собственных (The Japan Times. 1904. July 26. №2226. P.4).

⁷⁷ Цит. no: Valliant R. Op. cit. P.427.

⁷⁸ Цит. no: Новое время. 1904. 9 (22) февраля. №10033. С.3.

⁷⁹ Цит. no: The Japan Times. 1904. April 7. № 2132. P. 6.

⁸⁰ The New York Times. 1904. March 13. № 16907. P.2. – Идея с книгой была реализована в виде двухтомника общим объемом в 1 300 страниц.

экспедиции в Японию в 1853 и 1854 годах. Как известно, эти экспедиции не только положили конец изоляции империи микадо от внешнего мира, но явились сильнейшим ударом по национальному самолюбию японцев. Настаивая на немедленном подписании японо-американского договора, посланцы США действовали вызывающе и фактически грозили Японии войной; следствием экспедиций Перри явилось заключение Японией неравноправных договоров с западными странами, надолго превративших ее в зависимое государство. В новых условиях эти, последние, обстоятельства, были забыты, а американский коммодор объявлен ни много ни мало «отцом современной Японии»⁸¹. Такая оценка подыгрывала амбициям и самих американцев: «Мы явились нацией, которая познакомила Японию с остальным миром», – утверждал в своих мемуарах видный американский дипломат⁸². Граф Окума в речи по случаю открытия в Токио отделения благотворительного «Фонда памяти» того же Перри сообщил присутствовавшим американцам, что по мере того, как японцы знакомятся с ними, они все более «восхищаются их приверженностью принципам справедливости и гуманности», которые «являются их национальной особенностью»⁸³. «Мы – янки Востока», – с гордостью говорил американскому сенатору А.Бевериджу не названный им японский общественный деятель⁸⁴. Впрочем, обращаясь к британской аудитории, японская пресса при случае охотно величала «японцами Дальнего Запада» и англичан.

Популяризация этих «полуправд» – надуманных, а отчасти вымышленных представлений – составляла главное содержание японской пропаганды, адресованной Западу, в первой половине 1904 года. Для разъяснения мировой общественности вопроса о положении христиан в самой Японии на Запад были направлены Ибука Кадзиносукэ и методистский епископ Хонда Ёити⁸⁵. Какие инструкции они получили перед

---

⁸¹ *The Times*. 1904. March 9. №37377. P.5 (Отчет о публичной речи генерального консула Японии в Нью-Йорке Учиды Садазутси). – В самой Японии публично чествовать американского коммодора начали еще летом 1901 г., когда в Курихара, в 300 км к северу от Токио, близ места его высадки, ему был поставлен памятник. На церемонии открытия присутствовало около 500 человек, включая главу и членов токийского кабинета, а также высокопоставленных американских военных и дипломатов.

⁸² *Griscom L.C. Op. cit.* P.220.

⁸³ *The Times*. 1904. April 1. №37357. P.3; *The Japan Times*. 1904. June 25. №2201. P.6.

⁸⁴ *Beveridge A.J. The Russian Advance*. N.Y.; L., 1904. P.132.

⁸⁵ *Ohata Kiyoshi, Ikado Fujio. Christianity // Japanese Culture in the Meiji Era. Religion / Hideo*

отъездом, неизвестно. Но очевидно, что само появление высокопоставленных японцев-христиан должно было послужить доказательством отсутствия в Японии гонений на последователей Христа (что в этом случае полностью соответствовало действительности⁸⁶).

В результате Япония сумела завоевать почти всеобщие симпатии Запада и в первой половине 1904 года в идейно-пропагандистском плане, безусловно, доминировала. Угрозу зачисления в агрессоры и «варвары» ей удалось от себя отвести. Многие американские и западноевропейские журналисты, политические и общественные деятели охотно высказывались на тему об агрессивности России, возлагая именно на нее ответственность за развязывание конфликта. Нередко их рассуждения на этот счет оказывались приправлены и русофобством почти в расистской дозе. В вышедшей весной 1904 г. книге под названием «Русские дела» англичанин Джеффри Дрейг (G.Drage) писал о российской «византийской дипломатии», с помощью которой она «тихо, но непрерывно продолжала утверждаться в Маньчжурии, категорически, однако, отрицая наличие у себя подобных намерений». По мнению британского публициста, этот опыт является наглядным уроком для понимания методов российской политики вообще. «Никакие договоры никогда не остановят наступления русских, пока они не убедятся, что за их следующим шагом неизбежно последует война», – заключал Дрейг⁸⁷. Рецензент Дрейга не только согласился с его выводами, но от себя указал на «фундаментальные различия славянского и западного характеров»; «англосаксонские и русские идеалы», по его мнению, «разделяет пропасть»⁸⁸.

Как бы красноречиво и успешно ни доказывали токийские пропагандисты близость японской культуры христианской цивилизации, неразумно было бы совершенно отбрасывать такую выигрышную и уже успешную утвердиться на Западе грань образа Страны Восходящего Солнца, как ее очаровательная «диковинность». Для возобновления этого пропагандистского мотива вскоре представился подходящий повод. Весной 1904 года в американском Сент-Луисе открывалась очередная всемирная выставка, которая могла стать хорошей «площадкой» для обработки мирового общественного мнения и одновременно явиться

Kisimoto – ed. Vol.II. Tokyo, 1969. P.290.

⁸⁶ *Подробнее об этом см.: Павлов Д.Б. «Христианский вопрос» в годы русско-японской войны...*

⁸⁷ *The Times Literary Supplement. 1904. April 1. №116. P.98.*

⁸⁸ *Ibid.*

удобным предложением для отправки Токио своих эмиссаров на Запад. Япония не поскупилась на аренду большого участка земли для размещения своих павильонов; причем, когда стало известно, что Россия отказывается от участия в выставке, стала первой, кто заявил готовность выкупить и ее территорию (организаторы отказали).

10 февраля 1904 года из Токио в Сент-Луис отправилась группа деятелей культуры во главе с 42-летним Окакура Какузо, искусствоведом и публицистом националистического толка, в недалеком прошлом – куратором токийского Императорского музея, руководителем Японской академии изящных искусств и вице-президентом Общества японских художников (все эти организации находились под патронатом императорской семьи). Непосредственная цель миссии Окакура заключалась в популяризации и продаже предметов японского искусства западным музеям и частным коллекционерам, причем вырученные средства предназначались для пополнения японского военного фонда. Но искусствоведу Окакура это задание явно было не по душе: «Из-за войны Япония лишится многих самых замечательных своих коллекций», – сокрушался он в интервью «New York Times»⁸⁹. Тем не менее часть коллекции одного из богатейших токийских торговцев, видного собирателя предметов традиционного японского искусства Окура Кихатиры была выставлена на продажу в США за астрономическую сумму в один миллион долларов⁹⁰.

Но, как показала практика, у миссии Окакура была и более общая пропагандистская задача. В американской, а затем и британской печати стали появляться его искусствоведческие и философско-религиозные труды, которые, по словам его биографа, завоевали широкую популярность, «оказав большое влияние на восприятие японской культуры на Западе»⁹¹. Еще в июле 1903 г. вышла работа Окакура о влиянии на японское и все азиатское искусство буддизма, которая до конца 1905 г. выдержала три англоязычных издания; содержание книги передал американский обозреватель, озаглавивший свою рецензию «Азия, мать

⁸⁹ *The New York Times*. 1904. March 20. Sunday Supplement. Magazine section. P.6.

⁹⁰ Японская официозная печать сообщала, что Окура добровольно, из патриотических побуждений выставил свою коллекцию на продажу, а представители западной прессы в Японии довели это его желание до западного читателя (*The Russo-Japanese War*. [Tokyo]. 1904. June. №2. P.282).

⁹¹ *Kodansha Encyclopedia of Japan*. Vol.6. Tokyo, 1986. P.79.

идей»⁹². В своей следующей работе («Пробуждение Японии», ноябрь 1904 г.) Оакура прямо писал о проникновении в Японию западных влияний как о «черном дне Азии», о том, что «сердце Старой Японии еще громко бьется», и т.п.⁹³ Так у «Януса» внешнего японского имиджмейкинга стало проступать второе, прежнее, но уже несколько подзабытое лицо.

Тема своеобразия японской культуры и уникальности национального менталитета зазвучала и из уст не вполне официальных лиц. Выступая в феврале 1905 года в лондонской Школе экономики, токийский профессор Оакура Ёсисабуро (младший брат упомянутого искусствоведа), приглашенный Лондонским университетом, отличие «жизненной философии» японцев «от всех ныне существующих западных наций» обосновал тем, что его соотечественники «с незапамятных времен управляются наследниками Богини Солнца». Затем японский лектор сообщил британским экономистам, что сын этого божества «послал своего внука вниз на землю управлять Японией, а правнук Дзимму основал императорскую династию, которая правит страной непрерывно вот уже 2 500 лет», из чего, между прочим, следовало, что японская государственность намного древнее европейской. Отдавая должное влиянию западных идей⁹⁴, японский лектор основной пафос своего выступления все же построил на противопоставлении жизненного уклада своих соплеменников западным стандартам. Начиная с представлений о женской красоте и кончая обстановкой жилого помещения (убранство европейского жилья, заметил он, «довольно отвратительно на наш вкус»)⁹⁵. В том же году Оакура-младший издал свои лекции отдельной книгой, которая вышла в Лондоне с авторским посвящением старшему брату и хвалебным предисловием Дж.Мередита.

Смысл и тон публичных выступлений официальных токийских пропагандистов к тому времени также заметно изменился. Рассуждая в мае 1905 года на страницах «Deutsche Revue» о характере взаимоотношений Запада и Востока по окончании войны, барон К.Суэмацу убеждал европейцев не бояться «ненависти со стороны Японии», ныне вставшей в

---

⁹² *The New York Times*. 1904. June 25. *Saturday Review of Books*. P.1.

⁹³ *Okakura Kakuzo. The Awakening of Japan. Tokyo, 1940 (по английскому изданию 1904 г.)*.

⁹⁴ «Наш мыслительный прожектор сегодня направлен на Европу и Америку в поисках тех новых идей для последующего развития, которые мы ранее черпали из Китая и Индии», – заявил он.

⁹⁵ *Okakura Yoshisaburo. The Japanese Spirit. L., 1905. P.37, 43–45, 100–101, 127.*

один ряд с мировыми великими державами. «Если Запад не будет демонстрировать своего презрения к азиатам по расовому и религиозному признакам, – обещал он, – никаких осложнений не возникнет»⁹⁶. О близости японской и западной культур и готовности его страны и впредь отстаивать интересы этой последней речи, понятно, идти уже не могло.

* * *

Таким образом, рубеж XIX–XX веков стал временем резкой активизации Японии в деле целенаправленного создания собственного благоприятного международного имиджа. Полномасштабный дебют японского имиджмейкинга, рассчитанного на западную аудиторию, состоялся на исходе XIX столетия. С началом русско-японской войны в 1904 году Токио пошел уже на чрезвычайные меры, направленные на дальнейшую популяризацию Японии при одновременной дискредитации соответствующих шагов и самого образа противной стороны. Перед японскими пропагандистами, направленными на Запад, были поставлены важные задачи. А именно: нейтрализовать пугало «желтой угрозы»; затушевать представление о войне как столкновении христианской страны с нехристианской с тем, чтобы не допустить объединения против себя западных государств в любой форме и предотвратить перерастание локального дальневосточного конфликта в мировой. В общем, речь шла как о создании во многом «выдуманной реальности» (по терминологии Бенедикта Андерсона⁹⁷) в виде специфического идеологического конструкта, так и о его внедрении в западное общественное мнение.

В значительной степени этих целей удалось достичь уже к середине 1904 г. Особенно впечатляющих успехов японская пропаганда добилась в англоговорящем мире. Учитывая это на фоне собственных военных побед, в Токио сочли, что последующее развитие международной обстановки по наиболее пессимистическому для Японии сценарию уже маловероятно, и не ошиблись в этом. Сверхзадача западноориентированного имиджмейкинга оказалась, таким образом, в основном выполненной. Поэтому клише пропагандистского репертуара в их первоначальной редакции начали постепенно сходить на нет. Западному обществу все настойчивее стала внушаться мысль, что западные и тра-

---

⁹⁶ Цит. по: *The Japan Times*. 1905. June 27. №2505. P.6.

⁹⁷ *Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.: N.Y., 1991.*

диционные японские этика, нравственность, философия, искусство, религиозные предпочтения и весь жизненный уклад весьма и весьма различаются. Ко времени окончания дальневосточного конфликта тема японской уникальности превратилась уже в вездущую.

По меркам своего времени японский имиджмейкинг был беспрецедентно масштабным. Он охватил полмира – США и крупнейшие западноевропейские государства с их колониями, территорию самой островной империи и сопредельных ей стран. Токио стремился не просто контролировать весь тот огромный информационно-оценочный поток, который обслуживал интерес западного сообщества к самой Японии, а затем и к ходу русско-японской войны, но самостоятельно создавать его или, как минимум, манипулировать им в выгодном для себя направлении. По данным русской разведки, в период войны на пропагандистские цели японское правительство в совокупности тратило до 10 млн. иен в год.

Эта пропагандистская деятельность была тщательно продумана и сбалансирована, хорошо организована, велась в активной наступательной манере и использовала важнейшие из существовавших тогда способы воздействия на общественное мнение. Ее главными «площадками» стали повременная печать, книжное и выставочное дело, различные по составу массовые аудитории, второстепенными – частные беседы с крупными государственными деятелями, влиятельными политиками, известными журналистами. В дело шли убеждение, лесть, игра на амбициях и противоречиях, прямой или завуалированный подкуп, конфиденциальное ознакомление со всякого рода сенсационными материалами, эксплуатация ранее установленных личных отношений. Но таковы были пропагандистские приемы в «экспортном» исполнении. На своей же территории к ним добавлялись контроль и строгое дозирование информации, негласная цензура частной переписки, тайная слежка, обыски и изъятия документов у строптивых или подозрительных журналистов, их профилактические аресты. Большим подспорьем для японского имиджмейкинга стала западная японофильская пресса. Историк Наоко Симазу верно подмечает, что японская пропаганда питалась антиславянскими и антирусскими идеями из британских и американских источников, но затем «реэкспортировала их на международную арену» через ту же прессу Великобритании и США⁹⁸.

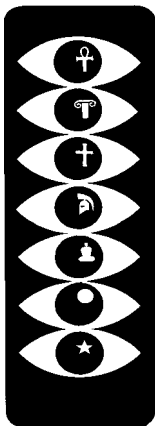
⁹⁸ Naoko Shimazu. «Love Thy Enemy»: Japanese Perceptions of Russia // *The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Vol.1* / Steinberg J.W. & others – eds. Leiden;

Общую стратегию японской пропаганды вырабатывали первые лица токийского кабинета, а ее «штабом», мозговым центром и дирижерским пультом выступало Министерство иностранных дел, в котором одновременно был налажен постоянный мониторинг иностранной печати. Бессменными участниками зарубежного японского имиджмейкинга являлись официальные представители токийского внешнеполитического ведомства, частные лица (или изображавшие из себя таковых) как актеры второго плана в дело вступали лишь от случая к случаю. В годы русско-японской войны ключевую роль в создании на Западе выгодного Японии образа сыграли специальные правительственные посланцы – барон К.Канэко, направленный в США, и барон К.Суэмацу, действовавший в Великобритании. Фактически официальный статус обоих не был секретом для современников, да никто особенно и не пытался его скрыть. Их образованность, «светскость», хорошее знание английского языка и давние личные знакомства способствовали тому, что оба быстро стали «своими» во влиятельных политических кругах англоязычного Запада. На страницах десятков западноевропейских и американских газет и журналов регулярно появлялись их пространные статьи, тексты лекций, речей и интервью, в которых содержались общие характеристики конфликта на Дальнем Востоке, проводились соответствующие исторические параллели, делались прогнозы, а текущие события в Маньчжурии получали нужное для Японии освещение и толкование. Так же синхронно и скоординированно они вносили в пропаганду ситуативные изменения и коррективы, расставляли нужные акценты. По мнению современного японского историка, «выверенная зарубежная пропаганда» явилась одним из факторов, которые обеспечили Японии победу в конфликте с Россией⁹⁹. С этим трудно спорить. Технологии этого имиджмейкинга и его организационные приемы стали не менее важными составляющими конечного успеха.

Boston, 2005. P.366.

⁹⁹ *Matsumura M. Op. cit. P.8.*

Андрей Юрганов

СТАЛИН И ЭЙЗЕНШТЕЙН

(ДИСКУССИЯ О ФИЛЬМЕ
«ИВАН ГРОЗНЫЙ»)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
304.2

The author examines Stalin's attitude to tsar Ivan the Terrible as it was revealed and evolved in debate with film-maker Serge Eisenstein. Traditionally it is presumed that the point of view expressed by the leader of the Bolshevist party was unique Stalin as the creator of the Great Terror simply liked tsar Ivan and his cruelties. The author argues that this interpretation is wrong. Stalin did not express any unique point of view. He just repeated what Soviet historians wrote not just in their general works but also in textbooks. Traditionally it is accepted that Serge Eisenstein, the creator of 'Ivan the Terrible' movie expressed the view which was quite typical for his time. However the author argues that the film-maker's position differed from the conventional scientific explanation of Ivan the Terrible reign. Eisenstein refused to add any psychological motives to Ivan's image and deeds and presented him as the embodiment of the objective process of the Russian national state formation. Stalin was quite satisfied conventional positions of historians as well as content of textbooks that formed the stable stereotype of Ivan the Terrible epoch perception. Stalin did not abandon dialectics. Therefore he did not disclaim the tsar's cruelty or atrocities. According to Stalin, any super-task is more important than instruments and ways of its attainment and efficiency expiates 'subjective' errors. While Eisenstein emphasized contradictions inherent to the tsar Stalin was strong in stating the facts that were obvious for the contemporary historical sciences. As a big artist Eisenstein could not please the power to the full, he was more sympathetic to pre-revolutionary historians. Beneath collisions of Ivan the Terrible Eisenstein guessed a Shakespearian psychological drama. So ideology and creative work ran against each other.

Ключевые слова: опричнина; историография; история России XVI в.; И.В.Сталин; С.Эйзенштейн.
E-mail: iurganov@yandex.ru

Общепринятое мнение

Известный историк и писатель Натан Яковлевич Эйдельман в свое время определил взгляд Сталина на личность Ивана Грозного как «уникальную точку зрения». Исследователь был убежден в том, что концепция царствования Грозного была самостоятельно выработана советским вождем, являлась, так сказать, результатом личной инициативы.

Н.Я.Эйдельман писал:

Как известно, русские историки по своему отношению к Ивану Грозному делились примерно на две группы. Одни (Н.М.Карамзин, С.Б.Веселовский) ненавидели, презирали, осуждали, отрицали; хорошо зная ряд положительных дел, совершенных во время этого царствования, они отказывались прибегать к сомнительному сложению – «с одной стороны, море крови, сотни разоренных сел, утопленная в Волхове большая часть Новгорода, замена одних подлецов другими, с другой – присоединение Казани, Астрахани, Сибири; Судебник, собор Василия Блаженного и т.п.». Другая группа историков все же разделяла и сопоставляла положительную и отрицательную деятельность Ивана Васильевича.

Сталин являлся, несомненно, основателем третьей, *уникальной точки зрения*; Иван Грозный критикуется за умеренность, недос- точное число казней...¹

Время показало, что этой мысли придерживаются если не все исто- рики, то их большинство². Так, современный исследователь утверждает, не выходя за рамки общепринятого мнения:

Особое влияние на складывание данной историографической традиции оказало мнение И.В.Сталина о терроре, проводимом Иваном Грозным: «Царь Иван был великий и мудрый правитель... Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким, можно, но нужно показать, почему необходимо быть жесто- ким. Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не

---

¹ Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М., 1989. С.46–47.

² Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М., 1997. С.170–171; Усачев А.С. Образ царя в средневековой Руси // Древняя Русь. 2001. №5. С.94–103; Brandenberger D. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002; Perrie M. Nationalism and History: the Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia // Russian Nationalism Past and Present / G.Hosking and L.Service (Eds.). N.Y.: Macmillan, 1997. P.1–20; и др.

дорезал пять крупных феодальных семейств. Если бы эти пять боярских семей уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени». Определение «Ивана Грозного как прогрессивной силы своего времени и опричнины как его целесообразного инструмента», данное столь авторитетной (и не только в историографических кругах) фигурой, во многом предопределило характер традиции изучения царской власти в средневековой Руси в советской исторической науке³.

Проанализируем два главных свидетельства отношения Сталина ко второй серии фильма Эйзенштейна «Иван Грозный». Это выступление Сталина на заседании Оргбюро ЦК ВКП (б) 9 августа 1946 года⁴ и «Запись беседы» Сталина, Молотова, Жданова с Эйзенштейном и Черкасовым от 26 февраля 1947 года.

Итак, сначала речь Сталина, согласно правленной стенограмме, на заседании Оргбюро ЦК ВКП (б) от 9 августа 1946 г., посвященная второй серии фильма «Иван Грозный».

Не знаю, видел ли кто его, я смотрел, – омерзительная штука! Человек совершенно отвлекся от истории. Изобразил опричников как последних паршивцев, дегенератов, что-то вроде американского Ку-клукс-клана. Эйзенштейн не понял того, что войска опричнины были прогрессивными войсками, на которые опирался Иван Грозный, чтобы собрать Россию в одно централизованное государство, против феодальных князей, которые хотели раздробить и ослабить его. У Эйзенштейна старое отношение к опричнине. Отношение старых историков к опричнине было грубо отрицательным, потому что репрессии Грозного они расценивали как репрессии Николая Второго. В наше время другой взгляд на опричнину. Россия, раздробленная на феодальные княжества, т.е. на несколько государств, должна была объединиться, если не хотела подпасть под татарское иго второй раз. Это ясно для всякого, и для Эйзенштейна должно быть ясно. Эйзенштейн не может не знать этого, потому что есть соответствующая литература, а он изобразил каких-то дегенератов. Иван Грозный был человеком с волей, с характером, а у Эйзенштейна он какой-то безвольный Гамлет. Это уже формалистика. Какое нам дело до формализма, – вы дайте нам историческую правду. Изучение требует терпения, а у некоторых постановщиков не хватает терпения, и поэтому они соединяют все воедино и преподносят фильм: вот вам, «глота́й-

---

³ Усачев А.С. Указ. соч. С.96.

⁴ Большевик. 1946. №16. С.52.

те», тем более, что на нем марка Эйзенштейна. Как же научить людей относиться добросовестно к своим обязанностям и к интересам зрителей и государства? Ведь мы хотим воспитывать молодежь на правде, а не на том, чтобы исказить правду⁵.

Каковы основные интенции в этом высказывании?

1. Сталин стремится сказать, что содержание второй серии противостоит не личному мнению Сталина, а *широко известному, общедоступному, общепринятому* мнению, которое нельзя не знать, потому что имеется «соответствующая литература». Ею Эйзенштейн пренебрег в угоду взглядам не современным, а давно изжитым. Это и означает, что режиссер «совершенно отвлекся от истории».

2. Сталин противопоставляет два подхода: «старых историков», «старой литературы» и «соответствующей литературы». Он конкретно не называет «старых историков», но также не называет и образцы современной науки. Очевидно, что для старой литературы было характерно *психологическое объяснение* истории («безвольный Гамлет»). Для современной литературы, которую он вкратце пересказывает, характерно стремление показать не личный, не психологический, а *надличный процесс*, проходящий *независимо от человека*, – это прогрессивный процесс собирания русских земель в одно централизованное государство.

Итак, у Сталина и Эйзенштейна, по утверждению Сталина, разные информационные основы.

Каким же кругом сведений обладал Сергей Эйзенштейн, когда готовился к съемкам фильма «Иван Грозный»?

Сохранился так называемый «Исторический комментарий» к сценарию фильма, написанный Эйзенштейном⁶. Режиссер хотел его опубликовать, но у него ничего не получилось. Объем привлеченных сведений для написания сценария и сегодня не может не удивлять: так много и так тщательно Эйзенштейн работал над источниками, докапываясь до самых глубоких пластов знания науки того времени. Ему были известны практически все основные летописные тексты, сочинения иностранцев, многие актовые материалы, труды историков – причем не только общеизвестные, но и сугубо специальные (например, работы П.А.Садикова и

---

⁵ *Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Составители А.Артизов, О.Наумов. М., 2002. С.582–583.*

⁶ *Фильм «Иван Грозный». Документы. Статьи. Исследования // Киноведческие записки. Специальный номер. М., 1998. №38. С.173–246.*

Г.Н.Бибикова о составе опричников и др.). Всю эту литературу он не только просмотрел, но внимательно прочитал.

Были в этом «Историческом комментарии» и ссылки на К.Маркса (но без упоминания Сталина). Так, при описании обряда венчания на царство, помимо исторических источников, Эйзенштейн сослался на то «впечатление», которое произвело образование Русского государства на Европу – по словам К.Маркса:

О том впечатлении, которое произвело в Европе сплочение единого великого Русского национального государства, пишет Маркс: «Изумленная Европа в начале царствования Ивана III, едва замечавшая существование Московии, зажатой между татарами и литовцами, была огорошена внезапным появлением огромного государства на ее восточных границах» (Карл Маркс. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century, статьи в Лондонской газете: «The Free Press». Хранятся в Институте Маркса-Энгельса-Ленина)⁷.

В другом месте «Исторического комментария», где речь идет о создании стрелецкого войска, С.М.Эйзенштейн совмещает сведение из источника, свое объяснение национального государства и мнение русского историка С.М.Соловьева:

Стр. 20. <т.6, с.224–225>

«...только при едином, сильном, слитном царстве внутри – твердыми можно быть и вовне...»

Значение единодержавия для борьбы с феодальной раздробленностью и создания сильного национального государства хорошо понимали враги России.

Кенигсбергский командор жаловался магистру ордена Вальтеру фон-Плетенбергу еще на Ивана III, чью политику во многом продолжал Грозный:

«Старый русский государь управляет один всеми землями, а сыновей своих не допускает до правления, не дает им уделов; это для магистра Ливонского и ордена очень вредно; они не могут устоять перед такою силою, сосредоточенною в одних руках».

(Соловьев. История России, т. V-й)⁸.

Прав Сталин: «Эйзенштейн не может не знать этого», – значения борьбы Ивана Грозного за объединение страны. Но оказывается, что С.М.Эйзенштейн не только обладал таким знанием, но и руководствовался идеей о прогрессивности создания *национального государства* в России.

---

⁷ Там же. С.181.

⁸ Там же. С.184.

Прав Сталин и в том, что Эйзенштейн отдавал предпочтение научной литературе «старой», а не «соответствующей». Анализ «Исторического комментария» показал, что Эйзенштейн действительно опирался в основном на исследования «старых» историков.

Перечислим их:

1. Архиепископ Леонид
2. Архимандрит Досифей
3. Афанасьев А.И.
4. Белинский В.Г.
5. Белокуров С.А.
6. Валишевский К.Ф.
7. Веселовский А.Н.
8. Горский С.
10. Киреевский И.В.
11. Ключевский В.О.
12. Платонов С.Ф.
13. Пыпин А.Н.
14. Ровинский Д.А.
15. Савельев П.
16. Соловьев С.М.
17. Устрялов Н.В.
18. Форстен Г.В.
19. Шамбинаго С.К.

Из современных ему историков он упомянул: Р.Ю.Виппера, С.Б.Веселовского, Д.П.Сухова (его статью по истории Покровского собора в Москве), К.В.Базилевича⁹, а также П.А.Садикова и Г.Н.Бибикова – их исследования по составу опричников.

Очевидно, что Сталин не знал столько, сколько знал Эйзенштейн. И все же Сталин опять прав: что-то режиссер не учел, не увидел или не захотел увидеть, что не могло пройти мимо Сталина. Вождь партии твердо знал, что историческая наука не может не выразить свои современные установки в таком жанре, как... учебники. С.М.Эйзенштейн их не читал. По крайней мере, не ссылаясь на них, и нет никаких оснований полагать, что это жанр ему был интересен как концептуальное видение всей русской истории.

Чего не скажешь о Сталине...

---

⁹ *Эйзенштейн указал на «Стенограммы лекций по курсу истории СССР, прочитанные в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б)».*

Учебник «Истории СССР» 1939 года

Обратимся к содержанию учебника по истории СССР (1939), который хотя и подвергался критике в 1944 году, однако сразу после выхода в свет был одобрен широкой научной общественностью. Этот учебник был создан под редакцией В.И.Лебедева, Б.Д.Грекова, С.В.Бахрушина (том первый). Он был признан первым по-настоящему марксистским учебником и потому (при всех своих недостатках, о которых говорили еще в 1940 году!) не мог не быть самым высоким уровнем «соответствующей литературы» по эпохе Ивана Грозного.

Обратимся к тексту этого учебника – к общей оценке опричнины Ивана Грозного.

Несмотря на ряд темных и отрицательных сторон, опричнина в основном достигла своей цели. Она способствовала укреплению централизованного феодального государства. В этом смысле она была явлением положительным. Это сознавали современники. «Хотя всемогущий Бог и наказал русскую землю так тяжело и жестоко, что никто и описать не сумеет, – говорит Штаден, – все же нынешний великий князь достиг того, что по всей русской земле, по всей его державе – одна вера, один вес, одна мера! Только он один и правит: все, что ни прикажет, – все исполняется, и все, что запретит, – действительно остается под запретом. Никто ему не перечит – ни духовные, ни миряне». В этом смысле и русский автор дьяк Иван Тимофеев по праву называет Ивана Грозного «вторособирателем вся Руския земли»¹⁰.

В учебнике дается и «Характеристика Ивана IV»:

Иван IV умер 18 марта 1584 г. Личность Ивана Грозного в исторической литературе нашла себе очень разноречивую оценку. Карамзин отказывался дать разрешение психологической «загадке», которую представлял этот человек, сочетавший в себе черты «ангела» и «злодея». Ключевский видел в жестокостях Ивана IV результат условий, в которых протекало его детство. Психиатр Коваленский пришел к заключению, что Иван IV страдал психопатологическими извращениями. Не приходится отрицать большой природной жестокости Ивана IV, о ней согласно говорят современные русские и иностранные источники, часто склонные к преувеличениям.

Но несомненно, что жестокость эта развивалась в условиях борьбы с боярством. Аналогичные примеры мы имеем в Западной

---

¹⁰ *История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Т.1. М., 1939. С.383.*

Европе, например, в лице Людовика XI во Франции, который с не меньшей жестокостью проводил ликвидацию остатков феодальной раздробленности.

У Ивана IV, несомненно, имеются некоторые черты патологические; на него находили припадки ярости; в один из таких моментов он убил своего старшего сына Ивана ударом жезла. Но в ряде случаев его жестокости были вызваны упорным сопротивлением крупных феодалов его начинаниям и прямыми изменами с их стороны. Иван Грозный отдавал себе отчет в необходимости создания сильного государства и не останавливался перед крутыми мерами <...> Он был выдающимся стратегом, умело руководившим военными действиями. Иван Грозный верно намечал очередные задачи внутренней и внешней политики и неуклонно шел к цели. В стремлении укрепить сильную государственную власть и в планах относительно Прибалтики он проявил дальновидность, и в этом отношении его деятельность была положительной. Разврат и пьянство, которым он предавался без удержа, рано его состарили, и он умер далеко не преклонных лет. В народных песнях сохранилась память об Иване IV как о грозном, но справедливом царе, и с его именем связывается представление о блестящей эпохе величия Русского государства¹¹.

Итак, на самом верхнем уровне «соответствующей литературы» приняты были такие установки:

1. Каким бы ни был царь Иван Грозный лично – о сокрытиях нелепых фактов нет и речи: признается, что он и сына убил, и вел себя безупречно; исторический процесс, который он выражал в своей деятельности, был исторически прогрессивным, включая опричнину как форму необходимой и жестокой борьбы с боярами, противниками централизованного государства.

2. В учебнике *противопоставляется* (как и у Сталина) «старая» трактовка Ивана Грозного и новая. Н.М.Карамзин, В.О.Ключевский и др. рассматривали результаты деятельности царя через психологию его поведения, не замечая объективного смысла деятельности русского царя. Авторы учебника в психологической трактовке дореволюционных историков усматривают типичный субъективизм, который мешал увидеть то, что видят марксисты, – объективность процесса. И не только в России: во Франции, по мнению авторов учебника, жестокости было не меньше, особенно в эпоху Людовика XI, «который с не меньшей жестокостью проводил ликвидацию остатков феодальной раздробленности».

---

¹¹ Там же. С.389–390.

Закономерно-надличное всегда выше личного и определяет собой сущность истории – вот что не требует никаких доказательств в силу своей самоочевидности.

3. При всех недостатках Ивана Грозного он предстает в учебнике человеком, *бесконечно далеким* от образа «безвольного Гамлета». Царь в своей политической деятельности *достигает цели*, он «выдающийся стратег», умелый руководитель, отдающий себе «отчет в необходимости создания сильного государства», и потому он не останавливается перед «крутыми мерами». Грозный *неуклонно* проводит внутреннюю и внешнюю политику, не испытывая при этом колебаний. Вот образ царя, который не вызывает сомнений, что и находит свое отражение в учебнике 1939 года – в «соответствующей литературе».

Топосы исторической науки

В исторической науке к 1946 году было опубликовано три книги, посвященные жизни и деятельности Ивана Грозного. Перечислим их:

Смирнов И.И. Иван Грозный. Л., 1944;

Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1944 (переиздание);

Бахрушин С.В. Иван Грозный. М., 1945.

В книгах обращается внимание на то, что традиционные («старые») оценки личности царя основывались на таких суждениях о его психическом состоянии, из которых следовал вывод о *неадекватности русского царя* исторической эпохе, в которой он жил. Но правильное решение этой проблемы заключается отнюдь не в раскрытии психологии царя, но в обосновании исторического процесса, который продиктовал *свою, объективную необходимость борьбы* против пережитков удельной (феодальной) раздробленности¹².

Такому пониманию эпохи царь (со всей своей «неадекватностью») вполне соответствовал...

Важнейшие «общие места» науки – это противопоставление «старого» (психологического) и «нового» (марксистского) объяснения жизни и деятельности Ивана Грозного, а также утверждение того, что царь Иван Грозный был мудрым государственным деятелем, прогрессивным в своей последовательной *борьбе* против реакционных сил (совсем не Гамлет).

Проиллюстрируем эти топосы примерами.

---

¹² Богатырев С. Грозный царь или грозное время? Психологический образ Ивана Грозного в историографии // *Russian History*. 22. №3 (1995). P.285–308.

И.И.Смирнов:

Большинство исследователей признавало себя бессильными разрешить тайну Ивана Грозного, заявляя, подобно историку конца XVIII века Щербатову, что Иван Грозный «в толь разных видах представляется, что часто не единым человеком является», или провозглашая, как Карамзин, что «характер Иоанна, героя добродетели в юности и неистового кровопийцы в летах мужества и старости, есть для ума загадка». Некоторые пытались искать выхода в перенесении проблемы Ивана Грозного из сферы политики в плоскость психологии или даже психиатрии, то открывая в Иване Грозном «художественную натуру», чьи поступки определяются не велением разума, а голосом чувства (К.Аксаков), то идя еще дальше и просто ставя под сомнение состояние психики Ивана Грозного, превращавшегося под пером этих историков в кровавого безумца, одержимого манией величия (Н.К.Михайловский и др.) <...> В наши дни в работах советских историков образ Ивана Грозного наполняется *новым, научным содержанием* (курсив мой. – А.Ю.), сохраняя в себе то основное и положительное, что оценил в деятельности Грозного царя народ...¹³

Р.Ю.Виппер:

В русской историографии издавна повелось изображать учреждение опричнины, прежде всего, как жест ужаса и отчаяния, соответствующий нервической натуре Ивана IV, перед которым открылась вдруг бездна неверности и предательства среди лучших, казалось, слуг и советников.

С этой романтической постановкой вопроса надо покончить раз навсегда. Пора понять, что учреждение опричнины было в первую очередь крупнейшей военно-административной реформой...¹⁴

С.В.Бахрушин:

Личность Ивана Грозного всегда привлекала внимание как ученых, так и художников. И тех и других увлекало сочетание в его богатой натуре самых противоположных свойств, яркость и трагизм событий, которые связаны с его именем. Больше всего поражала воображение жестокость Ивана IV, сведения о которой сохранили нам не всегда вполне беспристрастные записки современников – русских бояр, пострадавших от гнева «грозного» царя, и иностранцев, которые со страхом и недоброжелательством наблюдали рост могущества Русского государства. Примирить все

---

¹³ Смирнов И.И. *Иван Грозный*, Л., 1944. С.4–5, 7.

¹⁴ Виппер Р.Ю. *Иван Грозный*. М., 1944. С.58.

известное о жестокости, приписываемой Ивану IV, с теми фактами из истории его царствования, которые свидетельствуют о его большом уме, с широтой проведенных в его царствование реформ и со смелостью и дальновидностью его внешней политики было нелегко.

Наиболее яркий представитель дворянской историографии первой четверти XIX века Н.М.Карамзин так и не сумел разгадать этого государя, который представлялся ему «героем добродетели в юности», а в последующий период жизни – «неистовым кровопийцею», «тигром», упивавшимся «кровью агнцев» <...> Из буржуазных историков точку зрения Карамзина защищал и развивал Н.И.Костомаров. Он не отрицал, что Иван IV «много сделал для утверждения самодержавия на Руси», но категорически заявлял, что для этого «не нужно было царю Ивану большого ума; достаточно самодурства – цель достигалась лучше, чем могла быть достигнута умом»... Даже В.О.Ключевский, один из самых талантливых представителей буржуазной исторической науки, отказывался видеть в Иване IV «государственного дельца» и почти целиком отрицал положительное значение его царствования. Объяснение деятельности Ивана IV Ключевский искал тоже исключительно в его характере, в «одностороннем, себялюбивом и мнительном направлении мысли», в его «нервной возбудимости».

Образ Ивана Грозного воплощен и в произведениях русских писателей. Но их интересовала главным образом сложность психологии их героя... Такая трактовка личности Ивана Грозного, преимущественно с точки зрения психологической, в значительной степени была навязана источниками, на основании которых воссоздавался образ этого царя <...>

Уже С.М.Соловьев, учитель В.О.Ключевского, отдавал себе отчет в том, что нельзя сводить к психологическому моменту громадный сдвиг в жизни Русского государства, происшедший в царствование Ивана Грозного. С.Ф.Платонов попробовал разобраться в политическом смысле опричнины как учреждения, направленного против «княжат», потомков удельных князей. Блестящую сравнительно-историческую характеристику Ивана IV дал Р.Ю.Виппер. С большим чутьем, по-новому поняли личность Грозного и некоторые выдающиеся художники, отказавшиеся от эффективной трактовки Ивана IV как романтического злодея в стиле Байрона; с картины Васнецова на нас глядит суровый, но умный, знающий, куда он идет, человек, непреклонный в достижении своих целей <...>

Однако подлинное значение Ивана Грозного выясняется только в настоящее время. В свете марксистской методологии его личность и его дело выступают с большой отчетливостью в связи с теми общими условиями, которые переживались Россией в XVI веке¹⁵.

Дискуссия 1942 года о личности Ивана Грозного

7 июня 1942 года в Ташкенте, в эвакуации, состоялась научная сессия Института истории под председательством академика Б.Д. Грекова, посвященная теме «Иван Грозный и его время». Эта дискуссия показала, насколько важной для науки того времени была выработка *общих идей* в отношении личности русского царя и его деятельности. Первым докладчиком был Р.Ю. Виппер. Он выступил по теме «Борьба Ивана Грозного с изменой и интервенция Московского государства». Этот доклад был зафиксирован и сохранился в виде направленной стенограммы. Два других доклада, С.В. Бахрушина и И.И. Смирнова, соответственно об «Избранной раде Ивана Грозного» и «Восточной политике Ивана Грозного», прослушанные 17 июня 1942 года, не были зафиксированы, хотя сохранилась стенограмма их обсуждения.

Р.Ю. Виппер начал свой доклад с вопросов:

Была ли опричнина только результатом преувеличенного страха Ивана IV перед окружающими его опасностями и многочисленными недругами, была ли она орудием преследования главным образом личных его врагов, нашел ли в этой политической форме свое выражение каприз испорченной природы или же опричнина была обдуманной военно-стратегической и административно-финансовой мерой, а по своему внутреннему строению орудием борьбы с упорной оппозицией, классовой и партийной?

Была ли опричнина соединением больших злодейств и мелких дрязг или же она представляла собой крупный политический сдвиг, учреждение прогрессивное, хотя бы и в сопровождении известных резкостей и преувеличений? Был ли Иван Грозный узкомыслящим, слабовольным человеком, терзаемым из стороны в сторону случайными советчиками и фаворитами, подозрительным до крайности, переменчивым в настроениях тираном или же он был даровитым, проницательным, лихорадочно деятельным, властным, упорно проводившим свои цели правителем?¹⁶

---

¹⁵ Бахрушин С.В. *Иван Грозный*. М., 1945. С.3–5.

¹⁶ Архив Академии наук РФ. Ф.1577. Оп.2. Д.59. Л.3.

Нетрудно увидеть, что риторическая позиция автора заключается в том, чтобы вопросам в духе психологии *противопоставить* ответы в духе марксистской социологии: ведь убеждают не сомнительные формулы психологии («каприз испорченной натуры»), а необходимые деяния, «меры», «реформы» отнюдь не «узкомыслящего» и слабовольного неврастеника, но широкомыслящего и энергичного государственного мужа.

Важнейший мотив доклада Р.Ю.Виппера – государственная *измена* царю, его борьба против реакционных сил, готовых ради своих корыстных интересов погубить страну и народ.

Р.Ю.Виппер сосредоточился на анализе записок опричника Генриха Штадена и «Сказания» Альберта Шлихтинга.

И хотя оба автора записок о России XVI века не вызывают у докладчика ни малейшего сочувствия, ценность этих источников чрезвычайно высока: они сообщают (поневоле) правду о времени грозного царя:

Если Штаден и Шлихтинг произвели сильное впечатление на современников своими обвинениями Ивана Грозного в бессмысленной жестокости, то на историка наших дней их свидетельства действуют в смысле как раз обратном. Приводимые ими факты как раз объясняют «террор» критической эпохи, показывают, что опасности, окружавшие личность и дело Ивана Грозного, были еще страшнее, политическая атмосфера еще более насыщена изменой, чем это могло казаться по данным ранее известных враждебных московскому царю источников. Не в чрезмерной подозрительности приходится обвинять Ивана Грозного, а, напротив, в излишней доверчивости по отношению к созданной им гвардии, и в особенности ее контингенту иностранцев, в недостаточном внимании к той опасности, которая ему грозила со стороны реакционной оппозиции и которую он не только не преувеличивал, а скорее недооценивал¹⁷.

Мотив необходимости, оправданности (и даже недостаточности) репрессивных мер Грозного – вполне типичный для исторической науки.

Но у Виппера он звучит предельно сильно:

...к изображению Штадена надо сделать еще одно дополнение: как видно из Переписной книги Посольского приказа, было форменное соглашение между партией московских бояр, духовенства и приказных и таковой же партией высшего духовенства, дьячества и торговцев Новгорода и Пскова. В возбужденном против них

---

¹⁷ Там же. Л.7–7 об.

преследовании по изменному делу обвинение гласило, что архиепископ Пимен с московскими боярами хотел Новгород и Псков «отдати Литовскому королю». В последнюю минуту вельможные заговорщики растерялись и стали выдавать друг друга; Влад[имир] Андр[еевич] обманом вытянул список у Челяднина и отправился с этой бумагой к царю, но это новое предательство не спасло его. Розыск показал, что затевалась измена грандиозная, государственная. Если заговор 1567 г. был вовремя расстроен и главные зачинщики подверглись казни, то этим далеко не устранена была опасность измены, отдачи врагу всей северо-западной окраины. Еще оставались на своих местах архиепископ Пимен и другие члены новгородской группы заговорщиков. Более двух лет длилось напряженное положение.

Можно ли после этого говорить о капризах тиранической природы Ивана Грозного, подсмеиваться над тем, что в 1570 году он, будто бы движимый трусливым страхом, нагрянул на мирное будто бы население Новгорода с целым корпусом опричников? Конечно, он должен был проявить величайшую осторожность. Ведь дело шло о крайне опасной для Московской державы, крупнейшей за все царствование Ивана IV измене. И в какой момент она угрожала разразиться? Среди труднейшей войны, для которой правительство напрягало все государственные средства, собирало все военные и финансовые силы, требовало от населения наибольшего патриотического одушевления. Тем историкам нашего времени, которые в один голос с реакционной оппозицией XVI в. стали бы настаивать на беспредметной ярости Ивана Грозного в 1567–1570 гг., следовало бы задуматься над тем, насколько антипатриотично и антигосударственно были в это время настроены высшие классы – значительная часть боярства, духовенства и приказного дьячества: замысел на жизнь царя ведь был теснейше связан с отдачей врагу не только вновь завоеванной территории, но и старых русских земель, больших пространств и ценнейших богатств Московской державы; дело шло о внутреннем подрыве, об интервенции, о разделе великого государства!¹⁸

Р.Ю.Виппер четко определяет границы историографического сознания:

15–20 лет назад еще можно было спорить о психической нормальности или извращенности Ивана Грозного. В середине 20-х

---

¹⁸ Там же. Л.9–9 об.

годов наука (школы Покровского) еще могла серьезно относиться к таким вопросам; совсем иное дело – наука современная.

Записки Штадена и Шлихтинга были последними в порядке открытия документами иностранного происхождения, которые могли в том или другом смысле повлиять на суждения об Иване Грозном русских историков XX века. Если бы они появились на 15–20 лет раньше, когда в русской научной литературе еще были возможны споры о психической нормальности или извращенности Ивана Грозного, когда многие по-старому видели в опричнине только аппарат для исполнения произвольных опал, конфискации и казней, то картинки, нарисованные немцами-опричниками, и даже их фразеология имели бы успех, укрепили бы позицию тех ученых, которые развивали теорию господства личного произвола и *нервических порывов* (курсив мой. – А.Ю.) в политике Грозного. Они были готовы сказать всякому скептику: «Что же спорить, когда здесь показания очевидцев!»

Иное дело теперь, когда свидетельства подобного рода появились перед лицом исследователей, вооруженных методом марксизма.

Для современного историка, анализирующего войны и политико-административные меры правительства с точки зрения их соответствия интересам известных классов, совершенно невозможно вернуться к прежним теориям личных и закулисных влияний, невозможно поддаться наивным приемам памфлетистов XVI века, всем этим сплетням бежавших из Москвы опричников, их рассказам о грабежах царя и его опричников, в которых они сами в свое время принимали живейшее участие <...> Известную роль показания своеобразно заинтересованных свидетелей XVI века сыграли, но только в отрицательном смысле: они послужили к полной и окончательной ликвидации мифа об Иване Грозном, которого при выкли изображать в виде классического тирана русской и всемирной истории¹⁹.

Первым в обсуждении доклада Р.Ю.Виппера выступил член-корреспондент АН СССР В.И.Пичета. Он отметил, что, хотя книга «Иван Грозный» вышла 20 лет назад, доклад Р.Ю.Виппера является серьезным «добавлением к той работе, которая им была написана».

Не со всеми выводами докладчика В.И.Пичета был согласен:

Безусловно, Иван Грозный – крупная политическая фигура, крупный политический деятель и мыслитель, это отрицать никто

---

¹⁹ Там же. Л.15–15 об.

не может и не будет, но все-таки я сомневаюсь в том, чтобы весь тот террор, который проводил Грозный, определялся обстоятельствами измены и что в этот террор Грозный не вносил известных элементов личного раздражения и недовольства в результате той нервозности, которая была для него характерна. Мне думается, если мы отметим эту нервозность Грозного, от этого нисколько не пострадает его значение, значение Ивана Васильевича Грозного в истории как крупного политического деятеля. В Новгороде был заговор, это известно, но зачем же топить бесконечное количество людей? Грозный открывает западный фронт, захватывает Ливонию, но зачем же, захватив Полоцк, предавать казни бесконечное количество людей и тем самым подрывать авторитет Руси?²⁰

Как видно, В.И.Пичета согласен с тем, что Иван Грозный – это крупный политический деятель. Его не убеждает только логика Р.Ю.Виппера, что все казни, в том числе неповинных людей, были необходимы для проведения государственных акций против заговорщиков. Соглашаясь в целом с научным объяснением Виппера, Пичета недоумевал, зачем нужны были устрашающие акции царя против ливонского населения, которое поначалу хорошо отнеслось к русским войскам?

...если Иван Грозный захотел захватить эту территорию, как дороге к Балтийскому морю, так зачем же подрывать тот сук, на котором сам сидишь; зачем же подрывать доверие населения, которое, в известной степени, встречало Ивана Грозного приветливо, сердечно, потому что видело в русском народе если не освободителя, то защитника интересов белорусского народа. Таких фактов, которые характеризуют Ивана Грозного и поведение войск во время Ливонской войны, можно привести сколько угодно. Если такие факты проводились самостоятельно московскими войсками и отличались духом времени, – это иной разговор; если это входило в планы политики московского царя Ивана Грозного, то это заставляет смотреть по-иному и целый ряд моментов и действий Ивана Грозного пересмотреть. Здесь такой чрезмерной идеализации Ивана Грозного проводить не стоит, и говорить только о величайших талантах и достоинствах было бы неправильно. Иван Грозный – крупная фигура. Она должна быть предметом всестороннего изучения, но она требует не идеализации, как это делаем мы, а несколько более осторожного подхода, потому что факты

---

²⁰ Там же. Л.18.

противоречат такой идеализации. Возьмем, например, такой факт – почему Иван Грозный потерпел поражение в Ливонской войне?²¹

Итак, общее согласие науки формируется на путях признания деятельности Ивана Грозного сугубо положительной и необходимой для сохранения единства государства, но без идеализации в оценках личности (с допущением «нервозности» и некоторой нерасчетливости).

Выступление Ю.В.Готье по докладу Виппера в стенограмме было утеряно, и не совсем понятно, как он отнесся к ключевым высказываниям ученого.

Речь С.В.Бахрушина была посвящена частным сюжетам в связи с изучением записок иностранцев.

Ярко выступил Б.И.Сыромятников, поддержав основной пафос выступления Р.Ю.Виппера:

Изменники, крамола, политически ненадежные элементы имеются в каждом обществе, в каждой эпохе (! – А.Ю.), но сущность борьбы Грозного заключается в том, что в тот момент шла борьба между двумя историческими укладами: с одной стороны выступали сторонники и партия умирающей Удельной Руси, с другой стороны – лагерь, возглавляемый Грозным, который строил великое централизованное Московское государство. Вот в чем сущность борьбы Грозного. Борьба с изменой – только частный эпизод, иллюстрация к этой великой исторической борьбе, которая превратила эпоху Грозного в эпоху великих реформ и привела к чрезвычайно глубоким социальным и политическим сдвигам²².

Если В.И.Пичета, в целом соглашаясь с концепцией, призывал к «осторожности» в выводах, то Сыромятников, по сути дела, упрекал Виппера в недостаточной последовательности его радикальных выводов, – боярская измена 1567 года не была единственной! Все правление Грозного – сплошь измены бояр. Особенно в 1553 году, когда царь опасно заболел и бояре хотели передать власть князю Владимиру Андреевичу.

...если Роберт Юльевич хотел оправдать самую опричнину Грозного тем, что у него и у Русского государства был действительно опасный враг, то разве эта опасность 1567 года достаточна для подведения соответствующих исторических оснований под борьбу Грозного с изменой. Ведь это было после утверждения опричнины. А что привело к учреждению опричнины? Мы знаем, что эти измены и политические заговоры начались задолго до оприч-

---

²¹ Там же. Л.19.

²² Там же. Л.22 об.

нины. Например, 1553 год, когда Иван Грозный лежал на смертном одре, и перед умирающим царем разыгралась знаменитая сцена, возглавляемая Курбским и его кликой, и это показало, что они стоят против и Ивана Грозного, и его политики²³.

Б.И.Сыромятников отреагировал на спор вокруг «нервозности» царя как фактора в истории:

Сегодняшний доклад Р.Ю.Виппера имеет большое значение, все мы прослушали его с громадным интересом и увлечением. Но думается, что напрасно Роберт Юльевич так усиленно подчеркивает, что будто бы среди русских историков господствовала та точка зрения, что вся политика Ивана Грозного вызывалась и мотивировалась только его личной нервозностью, жестокостью и т.д. После классической работы Платонова кто же не знает, каков истинный политический и исторический смысл опричнины и в какой мере ее можно сводить к личной борьбе Ивана Грозного с его врагами²⁴.

Что же сказал Р.Ю.Виппер в «заключительном слове»?

Первое, на что он обратил внимание, это упрек в идеализации царя. Виппер признал, что сейчас он борется с теми взглядами, которые были актуальны в 1922 году, когда впервые была опубликована его книга «Иван Грозный».

Конечно, выступая первый раз в 1922 г. и теперь, в 1942 г., с определенной полемической целью, я хотел бороться с теми взглядами, которые представляли Грозного чрезмерно нервозной и жестокой натурой, утверждали, что у Грозного нет ни оригинальности, ни данных великого правителя. Руководясь такой общей задачей, *я мог в своих аргументах несколько преувеличить в другую сторону* (курсив мой. – А.Ю.), главным образом в смысле умолчания о известных крайностях Грозного. В течение этих двадцати лет я многому научился, многое узнал из сочинений русских историков, но мой общий взгляд на Грозного несколько не изменился.

Несомненно, мы имеем дело с натурой, в которой было очень много страстности, была прирожденная жестокость, *но ведь не этим определяется существо, значение той борьбы, которую вел Грозный* (курсив мой. – А.Ю.)²⁵.

---

²³ Там же. Л.23.

²⁴ Там же. Л.24–24 об.

²⁵ Там же.

Итак, Р.Ю.Виппер нашел формулу «примирения», которая явно устаривала всех историков: он не отрицает «чрезмерно нервной и жестокой» натуры царя, но *не этим фактором определяется* «существо, значение» государственной деятельности царя.

Чем определяется «существо, значение» государственной деятельности царя?

Фактор «измены» русскому царю – слишком на поверхности; к «существу» его никак не отнесешь. Марксист не имеет права мыслить историю в категориях только политических, – фундаментом любой «политики» являются социально-экономические отношения.

В двух книгах об Иване Грозном, Смирнова и Бахрушина, развернута социально-экономическая характеристика русского государства, в которой важнейшую роль играет соотношение надстройки и базиса в объяснении глубинных причин необходимости борьбы с политической реакцией за объединение страны.

Особенно интересна книга И.И.Смирнова, склонного к теоретическим обобщениям (в отличие от С.В.Бахрушина).

И.И.Смирнов первую главу книги называет так: «Русское национальное государство». Уже первые два абзаца главы определяют концепцию:

XV и XVI века в истории России можно определить как эпоху возникновения и формирования национального государства, пришедшего на смену феодальной раздробленности удельных времен. Материальной основой процесса ликвидации феодальной раздробленности России и создания национального централизованного государства являлось постепенное преодоление экономической замкнутости отдельных русских земель и установление рыночных связей между ними²⁶.

Обратим внимание: материальный процесс маркируется ученым как «создание национального централизованного государства». На первом месте – национальное содержание, на втором – политическое.

Первенство «национального» над политическим – в *экономической основе* процесса:

Вскрывая экономические основы сплочения национальных областей в единое русское национальное государство, Ленин указы-

---

²⁶ Смирнов И.И. Указ. соч. С.8.

вает, что слияние «всех таких областей, земель и княжеств в одно целое» «вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок». Этот процесс усиления обмена между областями, роста товарного обращения, развития небольших местных рынков и концентрирования их в один всероссийский рынок является важнейшей чертой экономического развития России XV–XVI вв. Наиболее существенным явлением в экономике России XV–XVI вв. является рост общественного разделения труда, находящий свое выражение в развитии ремесла, городов и торговли²⁷.

Итак, в основу первенства «национального» как *экономического развития* положена цитата Ленина, из которой следует *первичность фактора товарного обмена*, концентрации небольших рынков в один большой – всероссийский.

Но базис и надстройка взаимодействуют; и потому влияние взаимное – в том числе «обратное». В этих случаях И.И.Смирнов меняет словоупотребление и пишет о «централизованном национальном государстве»:

Будучи временем больших и глубоких сдвигов в области экономики, эпоха образования русского национального государства характеризуется не менее важными изменениями в сфере классовых отношений. Среди этих изменений на первое место надо поставить изменения в строении самого господствующего класса – феодальных землевладельцев, – заключавшиеся в формировании внутри феодального класса мощного слоя помещиков-дворян... Весь этот мелкий феодальный вассалитет был коренным образом заинтересован в создании *централизованного национального государства*, ибо *ликвидация феодальной раздробленности означала ликвидацию тех мелких феодальных вотчин – сеньорий, внутри которых обитало подавляющее большинство мелкого и мельчайшего феодального вассалитета, а вместе с тем и освобождение его от уз вассальной зависимости по отношению к его бывшим сеньорам* (курсив мой. – А.Ю.)²⁸.

Появление дворян – это рождение слоя людей, способных быть вместе с высшей властью за объединение страны в одно целое. В тезис о «централизованном национальном государстве» включается эта крайне

---

²⁷ Там же. С.8–9.

²⁸ Там же. С.12–14.

необходимая борьба верховной власти против тех «княжеских и боярских сеньорий», представители которых не хотели никакого единства ценой потери собственных привилегий. В союзе великокняжеской власти и дворян создавалась *новая «армия»* как орудие *нового порядка*.

Уничтожение княжеских и боярских сеньорий в процессе образования централизованного национального государства не превращало, однако, бывших княжеских и боярских слуг в землевладельцев-вотчинников, свободных от какой бы то ни было зависимости. Включая в состав Русского государства территории удельных княжеств, московские великие князья присваивали себе вместе с тем и права бывших владетелей этих земель по отношению к их прежним вассалам, превращая княжеских и боярских слуг в непосредственных вассалов великого князя – в «государевых служилых людей» – помещиков <...> Важнейшим орудием осуществления политики великокняжеской власти в деле создания централизованного национального государства являлась армия. Очевидно, для того, чтобы армия могла стать орудием проведения великокняжеской политики, она сама должна была подвергнуться коренной реорганизации. Сущность этого процесса (применительно к Западной Европе) вскрыл Энгельс. Перестройка армии заключалась в том, что королевская стремилась освободиться от «феодалного войска», состоявшего из отдельных отрядов, в которых «солдаты были соединены со своим непосредственным сюзереном более тесной связью, чем с главнокомандующим королевской армией», и создать «собственное войско». В России процесс создания этой армии нового типа происходит в совершенно аналогичных формах. Превращая мелкий вассалитет княжеских и боярских дворов в великокняжеских служилых людей, обязанных нести военную службу в великокняжеском войске, московские великие князья сколачивали таким образом кадры людей, из которых можно было создать армию, построенную на принципе централизации и тесно и непосредственно зависимую от великокняжеской власти...²⁹ .

Как видно, и сама «опричнина», будучи одной из форм организации военных сил, вполне подходит под определение «королевской армии» – армии нового порядка.

Но поддержку великокняжеской власти оказывало и городское население: поскольку происходил торговый обмен между городами, посадские люди были крайне заинтересованы в единстве страны. И вновь

---

²⁹ Там же. С.14–15.

И.И.Смирнов меняет терминологию, возвращаясь к факторам первичным – «национальным»:

Население городов активно поддерживало московских государей в их политике строительства и укрепления русского национального государства, ибо установление национального единства и национальной государственности русского народа открывало широкие перспективы для развития экономики и культуры России. В своей борьбе за создание и укрепление русского национального государства московские государи опирались на поддержку самых широких народных масс, *заинтересованных в ликвидации феодальных усобиц и устранении политических перегородок между отдельными частями русской земли* (курсив мой. – А.Ю.)³⁰.

Итак, борьба старого и нового – это борьба двух порядков, двух сил:

...эпоха создания русского национального государства выступает перед нами как время острой и напряженной борьбы: старого и нового, прогрессивных и реакционных сил, носителей национального развития и представителей феодальной реакции. Эта борьба не только не ослабевает по мере роста и укрепления Русского государства, но, напротив, все более нарастает и обостряется, *достигая своей высшей точки при Иване Грозном, когда бурные столкновения борющихся классов превращают царствование Ивана Грозного в эпоху кровавых казней и убийств, политических заговоров, государственных переворотов и народных возмущений* (курсив мой. – А.Ю.)³¹.

Запись беседы

Обратимся теперь к записи беседы И.В.Сталина, А.А.Жданова и В.М.Молотова с С.М.Эйзенштейном и Н.К.Черкасовым по поводу фильма «Иван Грозный». Приведем запись почти полностью, без упоминания разговора о событиях в Чехословакии.

26 февраля 1947 г.

Мы были вызваны в Кремль к 11-ти часам.

В 10 часов 50 минут пришли в приемную. Ровно в 11 часов вышел Поскребышев проводить нас в кабинет.

В глубине кабинета – Сталин, Молотов, Жданов. Входим, здороваемся, садимся за стол.

---

³⁰ Там же. С.17.

³¹ Там же. С.18.

Сталин. Вы писали письмо. Немножко задержался ответ. Встречаемся с запозданием. Думал ответить письменно, но решил, что лучше поговорить. Так как я очень занят, нет времени, – решил, с большим опозданием, встретиться здесь... Получил я Ваше письмо в ноябре месяце.

Жданов. Вы еще в Сочи его получили.

Сталин. Да, да. В Сочи. Что вы думаете делать с картиной?

Мы говорим о том, что мы разрезали вторую серию на две части, отчего Ливонский поход не попал в эту картину и получилась диспропорция между отдельными ее частями, и исправлять картину нужно в том смысле, что сократить часть заснятого материала и доснять, в основном, Ливонский поход.

Сталин. Вы историю изучали?

Эйзенштейн. Более или менее...

Сталин. Более или менее?.. Я тоже немножко знаком с историей. У вас неправильно показана опричнина. Опричнина – это королевское войско. В отличие от феодальной армии, которая могла в любой момент сворачивать свои знамена и уходить с войны, образовалась регулярная армия, прогрессивная армия. У вас опричники показаны как Ку-клукс-клан.

Эйзенштейн сказал, что они одеты в белые колпаки, а у нас – в черные.

Молотов. Это принципиальной разницы не составляет.

Сталин. Царь у вас получился нерешительный, похожий на Гамлета. Все ему подсказывают, что надо делать, а не он сам принимает решения... Царь Иван был великий и мудрый правитель и если его сравнить с Людовиком XI (вы читали о Людовике XI, который готовил абсолютизм для Людовика XIV?), то Иван Грозный по отношению к Людовику на десятом небе. Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния. В показе Ивана Грозного в таком направлении были допущены отклонения и неправильности. Петр I – тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам, слишком раскрыл ворота и допустил иностранное влияние в страну, допустив онемечивание России. Еще больше допустила его Екатерина. И дальше. Разве двор Александра I был русским двором? Разве двор Николая I был русским двором? Нет. Это были немецкие дворы.

Замечательным мероприятием Ивана Грозного было то, что он первый ввел государственную монополию внешней торговли. Иван Грозный был первый, кто ее ввел, Ленин второй.

Жданов. Эйзенштейновский Иван Грозный получился невзрастеником.

Молотов. Вообще сделан упор на психологизм, на чрезмерное подчеркивание внутренних психологических противоречий и личных переживаний.

Сталин. Нужно показывать исторические фигуры правильно по стилю. Так, например, в первой серии неверно, что Иван Грозный так долго целуется с женой. В те времена это не допускалось.

Жданов. Картина сделана в византийском уклоне, и там тоже это не практиковалось.

Молотов. Вторая серия очень зажата сводами, подвалами, нет свежего воздуха, нет шири Москвы, нет показа народа. Можно показывать разговоры, можно показывать репрессии, но не только это.

Сталин. Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким.

Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять боярских семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал... Нужно было быть еще решительнее.

Молотов. Исторические события надо показывать в правильном осмыслении. Вот, например, был случай с пьесой Демьяна Бедного «Богатыри». Демьян Бедный там издевался над крещением Руси, а дело в том, что принятие христианства для своего исторического этапа было явлением прогрессивным.

Сталин. Конечно, мы не очень хорошие христиане, но отрицать прогрессивную роль христианства на определенном этапе нельзя. Это событие имело очень крупное значение, потому что это был поворот русского государства на смыкание с Западом, а не ориентация на Восток.

Об отношении с Востоком Сталин говорит, что, только что освободившись от татарского ига, Иван Грозный торопился объединить Россию с тем, чтобы быть оплотом против возможных набегов татар. Астрахань была покорена, но в любой момент могла напасть на Москву. Крымские татары также могли это сделать.

Сталин. Демьян Бедный представлял себе исторические перспективы неправильно. Когда мы передвигали памятник Минину и Пожарскому ближе к храму Василия Блаженного, Демьян Бедный протестовал и писал о том, что памятник надо вообще выбросить и вообще надо забыть о Минине и Пожарском. В ответ на это письмо я назвал его «Иваном, не помнящим своего родства». Историю мы выбрасывать не можем...

Дальше Сталин делает ряд замечаний по поводу трактовки образа Ивана Грозного и говорит о том, что Малюта Скуратов был крупным военачальником и героически погиб в войну с Ливонией.

Черкасов в ответ на то, что критика помогает и что Пудовкин после критики сделал хороший фильм «Адмирал Нахимов», сказал: «Мы уверены в том, что мы сделаем не хуже, ибо я работаю над образом Ивана Грозного не только в кино, [но] и в театре, полюбил этот образ и считаю, что наша переделка сценария может оказаться правильной и правдивой».

На что Сталин ответил (обращаясь к Молотову и Жданову): «Ну что ж. Попробуем».

Черкасов. Я уверен в том, что переделка удастся.

Сталин. Дай вам бог, каждый день – Новый год. (Смеется.)

Эйзенштейн. Мы говорим, что в первой серии удался ряд моментов, и это нам дает уверенность в том, что мы сделаем и вторую серию.

Сталин. Что удалось и хорошо, мы сейчас не говорим, мы говорим сейчас только о недостатках.

Эйзенштейн спрашивает о том, что не будет ли еще каких-либо специальных указаний в отношении картины.

Сталин. Я даю вам не указания, а высказываю замечания зрителя. Нужно исторические образы правдиво отображать. Ну, что нам показали Глинку? Какой это Глинка? Это же – Максим, а не Глинка. Артист Чирков не может перевоплощаться, а для актера самое главное качество – уметь перевоплощаться. (Обращаясь к Черкасову.) Вот вы перевоплощаться умеете.

На что Жданов говорит, что Черкасову не повезло с Иваном Грозным. Тут была еще паника с «Весной», и он стал играть дворников – в картине «Во имя жизни» он играет дворника.

Черкасов говорит, что он играл большинство царей и играл даже Петра Первого и Алексея.

Жданов. По наследственной линии. По наследственной пере-
ходили...

Сталин. Нужно правильно и сильно показывать исторические
фигуры. (К Эйзенштейну.) Вот, Александра Невского – вы компо-
новали? Прекрасно получилось. Самое важное – соблюдать стиль
исторической эпохи. Режиссер может отступать от истории; не-
правильно, если он будет просто списывать детали из историче-
ского материала, он должен работать своим воображением, но –
оставаться в пределах стиля. Режиссер может варьировать в пре-
делах стиля исторической эпохи.

*Жданов говорит, что Эйзенштейн увлекается тенями
(что отвлекает зрителя от действия) и бородой Грозно-
го, что Грозный слишком часто поднимает голову, чтобы
было видно его бороду. Эйзенштейн обещает в будущем
бороду Грозного укоротить.*

*Сталин (вспоминая отдельных исполнителей первой
серии «Ивана Грозного».) Курбский – великолепен. Очень
хорош Старицкий (артист Кадочников.) Он очень хорошо
ловит мух. Тоже: будущий царь, а ловит руками мух!*

*Такие детали нужно давать. Они вскрывают сущность
человека.*

*...Разговор переходит на обстановку в Чехословакии в
связи с поездкой Черкасова на съемки и участием его в
советском кинофестивале. Черкасов рассказывает о по-
пулярности советской страны в Чехословакии.*

*Разговор идет о разрушениях, которые причинили аме-
риканцы чехословацким городам.*

<...>

*Ну, что же, тогда, значит, вопрос решен. Как вы счи-
таете, товарищи (обращается к Молотову и Жданову), –
дать возможность доделать фильм товарищам Черкасо-
ву и Эйзенштейну? – и добавляет: передайте об этом
товарищу Большакову.*

*Черкасов спрашивает о некоторых частностях карти-
ны и о внешнем облике Ивана Грозного.*

Сталин. Облик правильный, его менять не нужно. Хороший
внешний облик Ивана Грозного.

Черкасов. Сцену убийства Старицкого можно оставить в сцена-
рии?

Сталин. Можно оставить. Убийства бывали.

Черкасов. У нас есть в сценарии сцена, где Малюта Скуратов
душит митрополита Филиппа.

Жданов. Это было в Тверском Отроч-монастыре?

Черкасов. Да. Нужно ли оставить эту сцену?

Сталин сказал, что эту сцену оставить нужно, что это будет исторически правильно. Молотов говорит, что репрессии вообще показывать можно и нужно, но надо показать, почему они делались, во имя чего. Для этого нужно шире показать государственную деятельность, не замыкаться только сценами в подвалах и закрытых помещениях, а показать широкую государственную деятельность.

Черкасов высказывает свои соображения по поводу будущего переделанного сценария, будущей второй серии.

Сталин. На чем будет кончатся картина? Как лучше сделать еще две картины, то есть 2-ю и 3-ю серии? Как мы это думаем вообще сделать?

Эйзенштейн говорит, что лучше соединить снятый материал второй серии с тем, что осталось в сценарии, в одну большую картину. Все с этим соглашаются.

Сталин. Чем будет у нас кончатся фильм?

Черкасов говорит, что фильм будет кончатся разгромом Ливонии, трагической смертью Малюты Скуратова, походом к морю, где Иван Грозный стоит у моря в окружении войска и говорит: «На морях стоим и стоять будем!»

Сталин. Так оно и получилось, и даже немножко больше.

Черкасов спрашивает, что нужно ли наметку будущего сценария фильма показывать для утверждения Политбюро?

Сталин. Сценарий представлять не нужно, разберитесь сами. Вообще по сценарию судить трудно, легче говорить о готовом произведении. (К Молотову.) Вы, вероятно, очень хотите прочесть сценарий?

Молотов. Нет, я работаю несколько по другой специальности. Пускай читает Большаков.

Эйзенштейн говорит о том, что было бы хорошо, если бы с постановкой этой картины не торопили. Это замечание находит оживленный отклик у всех.

Сталин. Ни в каком случае не торопитесь, и вообще поспешные картины будем закрывать и не выпускать. Репин работал над «Запорожцами» 11 лет.

Молотов. 13 лет.

Сталин (настойчиво). 11 лет.

Все приходят к заключению, что только длительной работой можно действительно выполнить хорошие картины.

По поводу фильма «Иван Грозный» Сталин говорил, что если нужно полтора–два года, даже три года, для постановки фильма, то делайте в такой срок, но чтобы картина была сделана хорошо, чтобы она была сделана «скульптурно». Вообще мы сейчас должны поднимать качество. Пусть будет меньше картин, но более высокого качества. Зритель наш вырос, и мы должны показывать ему хорошую продукцию.

Говорили, что Целиковская хороша в других ролях. Она хорошо играет, но она балерина. Мы отвечаем, что в Алма-Ату нельзя было вызвать другую артистку.

Сталин говорит, что режиссер должен быть непреклонный и требовать то, что ему нужно, а наши режиссеры слишком легко уступают в своих требованиях. Иногда бывает, что нужен большой актер, но играет не подходящий на ту или иную роль, потому что он требует и ему дают эту роль играть, а режиссер соглашается.

Эйзенштейн. Артистку Гошеву не могли отпустить из Художественного театра в Алма-Ату для съемок. Анастасию мы искали два года.

Сталин. Артист Жаров неправильно, несерьезно отнесся к своей роли в фильме «Иван Грозный». Это несерьезный военачальник.

Жданов. Это не Малюта Скуратов, а какой-то «шапокляк»!

Сталин. Иван Грозный был более национальным царем, более предусмотрительным, он не впускал иностранное влияние в Россию, а вот Петр открыл ворота в Европу и напустил слишком много иностранцев.

Черкасов говорит о том, что, к сожалению и к своему стыду, он не видел второй серии картины «Иван Грозный». Когда картина была смонтирована и показана, он в то время находился в Ленинграде.

Эйзенштейн добавляет, что он тоже в окончательном виде картину не видел, так как сразу после ее окончания заболел.

Это вызывает большое удивление и оживление.

Разговор кончается тем, что Сталин желает успеха и говорит: «Помогай Бог!»

Пожимаем друг другу руки и уходим. В 0.10 минут беседа заканчивается.

Добавление к записи Б.Н.Агапова, сделанное С.М.Эйзенштейном и Н.К.Черкасовым:

Жданов сказал еще, что «в фильме имеется слишком большое злоупотребление религиозными обрядами».

Молотов сказал, что это «дает налет мистики, которую не нужно так сильно подчеркивать».

Жданов говорит, что «сцена в соборе, где происходит «пещное действо», слишком широко показана и отвлекает внимание».

Сталин говорит, что oprичники во время пляски похожи на каннибалов и напоминают каких-то финикийцев и каких-то вавилонцев.

Когда Черкасов говорил, что он уже давно работает над образом Ивана Грозного и в кино и театре, Жданов сказал: «Шестой уж год я царствую спокойно».

Прощаясь, Сталин поинтересовался здоровьем Эйзенштейна³².

Как видно, Сталин, Молотов и Жданов выступают единодушно против того, чтобы создавать образ царя в кино через психологическое видение эпохи, допускающее, что Грозный был «неврастеником», «Гамлетом» и т.д. Образование Русского государства – великое событие в русской истории. Главный участник этой истории был мудрым правителем. Он не может быть неврастеником или Гамлетом, раз ему удалось осуществить задуманный грандиозный план.

Объяснение «объективного» содержания истории эпохи Ивана Грозного *нисколько не исключает показа убийств, жестоких казней* – в этом вожди партии тоже согласны. Но *«во имя чего»* эти казни – вот вопрос? «Широкая государственная деятельность» всегда более значима в истории, чем рассказы о казнях в подвалах или в «закрытых помещениях».

Они единодушны в том, что христианство сыграло положительную роль в истории. Сталин вновь высказал свою мысль на эту тему, которую внедрял еще при редактировании проекта постановления ЦК ВКП (б): «Это событие имело очень крупное значение, потому что это был поворот русского государства на смыкание с Западом, а не ориентация на Восток».

---

³² Сталин И.В. Сочинения. Тверь, 2006, С.433-440.

И.В.Сталин фактически повторил И.И.Смирнова, когда сказал на встрече с киногруппой о том, что опричнина – это новая армия, королевского типа («Опричнина – это королевское войско. В отличие от феодальной армии, которая могла в любой момент сворачивать свои знамена и уходить с войны, образовалась регулярная армия, прогрессивная армия. У вас опричники показаны как Ку-клукс-клан»).

Мотивы вождей партии большевиков и ученых-историков в целом совпадают. Что, конечно, не исключает различий в нюансах. Например, можно обнаружить едва заметное расхождение в понимании «национального»: Сталин видит в нем этно-политическое содержание *par excellence* (царь «стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал»); историческая же наука в своих типичных объяснениях ориентировалась в основном на социально-экономическое содержание понятия.

Обратимся теперь к самому загадочному суждению Сталина. Историки склонны рассматривать его как *уникальное отношение* вождя партии к опричнине и Смуте начала XVII века.

Напомним, что сказал Сталин:

Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять боярских семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал... Нужно было быть еще решительнее.

В.Б.Кобрин в свое время говорил в одном из публичных выступлений, что ему так и не удалось найти источник информированности царя. Откуда он взял эти пять семей и что это за семьи, из-за которых случилась Смута?.. Именно это суждение Сталина, а не какое-либо другое имел в виду Н.Я.Эйдельман, когда писал в своей книге о том, что Сталин критиковал Грозного «за умеренность» в казнях.

Однако даже такое, действительно странное, суждение вождя партии нельзя отнести к числу уникальных суждений. Оно тоже плод усвоения «соответствующей литературы»... В 1946 году вышло учебное пособие для слушателей ВПШ при ЦК ВКП (б) «История СССР», написанное К.В.Базилевичем³³ и Г.А.Новицким. В нем содержался фрагмент, кото-

---

³³ В личной библиотеке В.Б.Кобрина хранится экземпляр этого учебного пособия, подаренного ему, студенту первого курса МГУ, К.В.Базилевичем. Однако Владимиру Борисовичу, выдающемуся медиевисту и глубочайшему знатоку политической истории XX века,

рый читал товарищ Сталин и хорошо его запомнил. В этом учебнике были повторены все прежние и очень привычные мотивы: что «старая» литература рассматривала царя невменяемым, что «правильная оценка Ивана Грозного как государственного деятеля не может ограничиваться его личными качествами», что борьба с боярством оправдывала даже самые негодные средства этой борьбы и т.д. и т.п.

К.В.Базилевич довел историю этой борьбы царя с боярами вплоть до Смуты...

Впрочем, обратимся к тексту этого учебника:

Иван Грозный. Необычайная по напряжению и острым кровавым конфликтам деятельность царя Ивана рано пробудила к нему особый интерес не только в специальной исторической, но и в художественной литературе и искусстве.

Если одним Иван IV представлялся невменяемым, психически больным человеком, то другие видели в нем способного, даже гениального правителя. Такая разница суждений объясняется различными политическими взглядами их авторов и отсутствием историзма. Еще дворянский историк XVIII в. князь Щербатов пришел к выводу, что Иван IV «часто не единым человеком является». На этой точке зрения стоял и другой дворянский историк – Карамзин, уверявший, что царь Иван «есть для ума загадка». Но и Щербатову, и Карамзину Иван представлялся прежде всего как самодержец, мучитель, виновный в угнетении боярства ради личных интересов. По-иному смотрел на Ивана IV С.М.Соловьев, который улавливал в его действиях социальный смысл борьбы с притязаниями бояр за укрепление самодержавной власти. В.О.Ключевский расценивал Ивана IV главным образом со стороны моральных качеств. Царь Иван IV, по его мнению, являлся любопытным объектом для наблюдений психиатра. Эта мысль в конце XIX в. была подхвачена в художественной и в медицинской литературе. Появилось несколько работ врачей-психиатров, которые пытались доказать, что «загадка» истории правления Ивана IV разрешается очень легко: царь был болен однопредметным буйным помешательством.

По широко распространенному мнению в литературе, психическая неуравновешенность царя была результатом его тяжелого детства и дурного воспитания. Они испортили его характер и помешали развиться добрым начинаниям и хорошим способностям.

и в голову не пришло посмотреть это издание и сравнить текст Базилевича с речью Сталина.

Все положительные дела царствования (реформа 50-х годов), по этому мнению, были результатом благотворного влияния близких людей. Когда же царь Иван в результате разрыва с «Избранной радой» освободился от этого влияния, он окончательно потерял нравственную уравновешенность и стал на путь неоправданного кровавого террора. Правильная оценка Ивана Грозного как государственного деятеля не может ограничиваться его личными качествами. Грозный характер царя складывался в условиях суровой борьбы с консервативными слоями боярства. От исхода ее зависела не только личная судьба самого Ивана IV, но и судьба того большого государственного дела, которому он посвятил 37 лет самостоятельного правления. За это время люди вокруг Ивана IV неоднократно менялись, но его политика не претерпела от этого каких-либо существенных изменений; она оставалась политикой сильной государственной власти, безжалостно расправлявшейся со всем тем, что стояло на пути ее развития. Иван IV умел отличать в строе общественной и политической жизни дряхлое и негодное от новых и здоровых начал. *Поэтому борьба с боярством, в котором он видел рьяных защитников ненавистной старины, приобретала такой страстно-напряженный характер. Борьба с лицами превращалась у него в борьбу с осужденным историей порядком, который поддерживался этими лицами, смотревшими не вперед, а назад – в феодальное прошлое. Но Иван IV не только оборонялся от своих личных и политических врагов, сплетавших вокруг него запутанный клубок интриг и измен; наступая на них, он наступал на отжившие остатки феодальной раздробленности, мешавшие развитию централизованной государственной системы. Он сам наносил удары по своим противникам, не ожидая, чтобы они нанесли их ему и его делу. Из этой борьбы царь Иван вышел победителем, но окончательно уничтожить реакционную боярскую оппозицию он все же не сумел. Она вновь поднялась в начале XVII в. во время «Смуты» (курсив мой. – А.Ю.)³⁴.*

Как видно, логика Сталина, согласно которой Смута началась потому, что царь Иван не уничтожил боярскую оппозицию окончательно, принадлежит не ему, а Базилевичу и всей исторической науке того времени. Сталин лишь переосмыслил недавно прочитанное и добавил от себя «пять родов». Обращение Сталина к факту покаяния царя («и по-

---

³⁴ Базилевич К.В., Новицкий Г.А. *История СССР. Учебное пособие для слушателей ВПШ при ЦК ВКП (б)*. М., 1946. С.355–356.

том долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал... Нужно было быть еще решительнее») точно соответствует тому, о чем писал Базилевич в учебнике для слушателей ВПШ при ЦК ВКП (б) сразу после того, как упомянул о боярской оппозиции, которая «вновь поднялась в начале XVII в. во время Смуты»:

В борьбе с противниками из боярской среды царь Иван проявлял большую жестокость. Казни часто превращались в особый вид царской потехи и сопровождались мучениями и издевательствами над осужденными. Вместе с главными виновниками – боярами – обычно страдали и их близкие зависимые люди, в том числе холопы и крестьяне. Это объясняется характером феодальной организации: в состав боярских вооруженных отрядов частично входило подчиненное население вотчин. В конце жизни Иван IV велел составить «синодик» (список) казенных для поминания их в церквах. Суеверный царь, по-видимому, хотел «устроением душ» в «загробном мире» помириться со своими жертвами, чтобы они не свидетельствовали против него на «страшном суде»³⁵.

Еще одно суждение Сталина тоже претендует на то, чтобы быть уникальным высказыванием. Это утверждение вождя партии, что Иван Грозный был сторонником, как и Ленин, введения *государственной монополии на внешнюю торговлю* и потому царь не пускал иностранцев в Россию. В «соответствующей литературе» (прежде всего, в учебниках) утверждается нечто обратное: царь пускал иностранцев, разрешал создавать иностранные торговые компании.

Но в книге Р.Ю.Виппера содержится фрагмент, который помогает понять, что Сталин даже в этой ситуации ничего не придумывал, а лишь транслировал уже имевшееся в науке объяснение. В книге Виппера уделено много места рассуждениям о положительном значении *государственной внешней торговли, о служебной функции русских купцов, торговавших с другими странами*:

...московское правительство, по-видимому, готово было жертвовать интересами местного торгового класса, тогда как именно из-за выгод последнего оно настойчиво добивалось доступа к Балтийскому морю... В отличие от западноевропейского купечества, московское не имело самостоятельности, не составляло корпораций, гильдий, компаний. Оно состояло на службе государства; очень характерно выражалось это чиновное положение торговых людей в поручении таможенных сборов богатейшим купцам под

---

³⁵ Там же. С.356–357.

ответственностью их капиталов... Промышленники привыкли к своей роли органов администрации. Когда образовалась опричнина в качестве тесного военного управления, предназначенного стянуть к центру живые силы страны, Строгановы, знаменитые потом своей пермской колонизацией и началом завоевания Сибири, поспешили записаться в кадры нового государственного учреждения... Под руководством правительства действовали также московские купцы в Балтике с открытием нарвской навигации. Воевода Заболоцкий в 1566 г. просит Ревельскую думу пропустить русских купцов, едущих в Висмар. И тут, и по другим подобным поводам Грозный настойчиво повторял одно и то же требование, чтобы его подданным давали свободный пропуск за море в Европу. В государственной торговле всегда с неизбежностью будут преобладать интересы казны; в ней нет опасностей риска, нет побуждающих к дерзновенной предприимчивости выгод. Весьма понятно, что при таком строе торговли государство склонно отдавать иностранцам те статьи промышленности и обмена, которые оно не может непосредственно использовать. Отдача англичанам вычегодской железной руды была именно таким способом приглашения иностранцев туда, где государство не хотело или не могло приложить свои руки. В указанных фактах мы получаем еще одну лишнюю черту для характеристики Московского государства. Власть организует все силы общества для войны, собирает всю промышленную деятельность для военных финансов; правительство хочет, чтобы все таланты, все капиталы, вся энергия служили ему одному. Оно берет на себя очень много руководства, мало оставляя самостоятельности общества. Для тогдашней Европы эти обстоятельства представлялись слишком необычными и вводили иностранцев в заблуждение. Купечество, как самостоятельная сила, выросло в западноевропейских странах из морского пиратства и сложилось раньше, чем национальное государство. Поэтому западноевропейские наблюдатели усматривали в подчиненном, незаметном положении московских торговцев и промышленников, в направлении торговли путем приказов признаки варварства, а иностранные предприниматели обольщали себя надеждою добиться монополии в этой стране, столь слабой самостоятельным почином... Однако отсюда никоим образом не следует делать вывода, что московское правительство своими централизаторскими, регулятивными мерами (во внешней торговле. – А.Ю.) стесняло развитие торговли внутри государства³⁶.

---

³⁶ Виппер Р.Ю. *Иван Грозный*. М., 1944. С.72–73.

Исследователь библиотеки и архива Сталина, Б.С.Илизаров, отмечает: «Сталин читал книги Виппера с упоением». Он хорошо знал книгу об Иване Грозном и делал замечания на страницах еще первого издания книги (1922)³⁷.

Сталин – создатель грандиозной идеологической системы, но одновременно он выступает и *как часть* этой системы, в роли своеобразного школьного учителя³⁸, которому не нравится, что кто-то спорит с учебниками по русской истории.

Аналогия может быть и не вполне уместная, но точная: тот, кто придумал Интернет (пусть это даже не один человек), создал Систему, «законы» существования которой ему уже не под силу отменить. Такой создатель неизбежно превращается в рядового пользователя Системы.

Выбор Эйзенштейна

Уникальный дар Эйзенштейна быть со временем заедино и не быть с ним единой душой открывается тогда, когда обращаешься к свидетелям духовных переживаний художника.

Ю.Юзовский передает содержание беседы с Эйзенштейном до того, как тот узнал о критике «сверху» второй серии фильма «Иван Грозный». Критик тонко уловил в его словах муки человека, понимавшего всю сложность дилеммы – угодить властям и потерять лицо художника или спасти себя творчеством, но обрести добровольные страдания.

– Пружина появится во второй картине, и все задвигается, я тут только располагаюсь к действию, раскладываю карты, настоящая игра, сумасшедший азарт появится во второй картине. Боюсь только за нее.

– Что так?

– Боюсь – не одобряют. Первая – заказная, ее ждут, мне сказали – я же выполнил, скажут – вот и молодец, а вторая, виноват, не того, не слишком ли жарко? Вы заметили – тут вроде бы некоторая закономерность есть у Ивана: качели то вверх, то вниз, сейчас пойдут вверх, а в следующей – вниз, увидите. Не знаю, я все это выдумываю, готовлюсь на всякий случай, тут – просто размах, масштаб, история, показ, демонстрация, сила, а там – концепция. Я делаю историческую вещь, привожу в движение карусель истории, вот и все мои дела. Дедушка Пимен учил: не мудрствуй-де

---

³⁷ Илизаров Б.С. Сталин. Штрихи к портрету на фоне его библиотеки и архива // Новая и новейшая история. 2000. №3. С.183.

³⁸ Там же. С.188–190.

лукаво. А вот мне кажется – без концепции не обойтись, *без твоей собственной, личной концепции*, которая тебя греет, тебя лично волнует; это может совпадать, *и даже весьма желательно и совершенно даже необходимо это объективное соответствие*, но без моего угла зрения ни черта не получится в смысле художественном. Я не знаю, что лучше – *объективно правильно, без личного угла зрения, чем объективно неправильно, но с личным углом зрения* (курсив мой. – А.Ю.) – в последнем случае обязательно будет нравиться с художественной точки зрения...³⁹

Еще в феврале 1942 года С.М.Эйзенштейн написал черновик, в котором он высказывает замечания *самому себе* как сценаристу. Л.М.Рошаль, опубликовавший целиком этот документ, отмечает: «...автор, не дожидаясь редакторских указаний, спешит сказать о необходимости исправлений в собственном сценарии».

Эта поправка показывает, насколько глубоко понимал режиссер, что от него хотела государственная власть, и как он сопротивлялся этому давлению, желая показать не только прогрессивный характер опричнины, но и драматическую личность в истории.

Приведем несколько первых пунктов:

1. Отчетливее сообщить о внутригосударственной и реформаторской деятельности Ивана (материал Стоглава, нового Судебника, Домостроя и пр.) (в репликах).

2. Отчетливее подчеркнуть положительную государственную роль опричнины с тем, чтобы «падение» Басмановых не заслоняло бы ее значения как политической реализации (в основном, в репликах).

3. Драматургически резче показать необходимость маневра Ивана с фиктивным отказом от власти и организацией опричнины (положение Ивана к этому моменту и по внешнеполитическому положению, и по положению внутри было почти безвыходно, и придуманным им блестящим ходом он опрокидывает все расчеты бояр на бунт внутри страны и вмешательство соседних держав).

4. Смягчить линию одиночества Ивана, показав, как, по мере отпадения ряда близких Ивану лиц (Курбский, Колычев Филипп, Евстафий, Басмановы), вокруг царя формируется новый оплот людей, идущих взамен им из народа (усилить в этом направлении роли Фомы, Еремея, Петра).

---

³⁹ Фильм «Иван Грозный». С.46.

Кроме того, сейчас ведется работа по введению в сценарий ряда мотивов, ранее не использованных и приобретающих значение в связи с Отечественной войной...⁴⁰

Л.М.Рошаль так комментирует эту опасную «игру» режиссера:

Положительная роль опричнины в репликах – пожалуйста! Но в экранном лицедействе нечто еще совсем иное: дать возможность зрителю (в том числе и в контрасте с положительностью реплик) задуматься о психологической сложности, трагическом накале многих исторических и просто житейских обстоятельств, человеческих взаимоотношений⁴¹.

...Сталин поучал Эйзенштейна, как плохого ученика, который не вызубрил «тему», не подготовился как надо к экзамену и не сдал его. Никакой своей «уникальной точки зрения» Сталин не имел. Его вполне устраивали общеизвестные позиции историков, труды И.И.Смирнова, Р.Ю.Виппера, а также содержание учебников, сформировавших устойчивый стереотип восприятия эпохи Иван Грозного. Эту эпоху надо было видеть не через психологию исторического деятеля, ибо тогда пропадет значимость свершений в строительстве национального государства, но через объективную закономерность. Хотя и обезличенную, но мистическим образом одухотворенную, потому что в ней содержалось оправдание любой порочности, как бы ее ни понимали: в виде террора, прелюбодеяний или злоупотреблений личным здоровьем.

Сталин не отказывался от диалектики, а потому жестокости Грозного, его злодеяний он не отрицал. Любому «минусу» он противопоставляет свой «плюс». Эта диалектика была обращена не к человечеству – очень хороший человек может быть жертвой необходимого процесса и очень плохой человек может стать символом этого процесса, – диалектика Сталина была обращена к природе, безмолвной, безучастной к страданиям, лишенной субъективных чувств.

Это была механистическая диалектика.

Согласно такой диалектике, любая сверхзадача важнее способов ее достижения. Правильная стратегия и эффективность искупают «субъективные» ошибки. Если Эйзенштейн делал акцент на противоречиях личности Грозного, то Сталин был силен тем, что говорил об *очевидных*

---

⁴⁰ Рошаль Л.М. «Я уже не мальчик и на авантюру не пойду...» // Фильм «Иван Грозный». С.146.

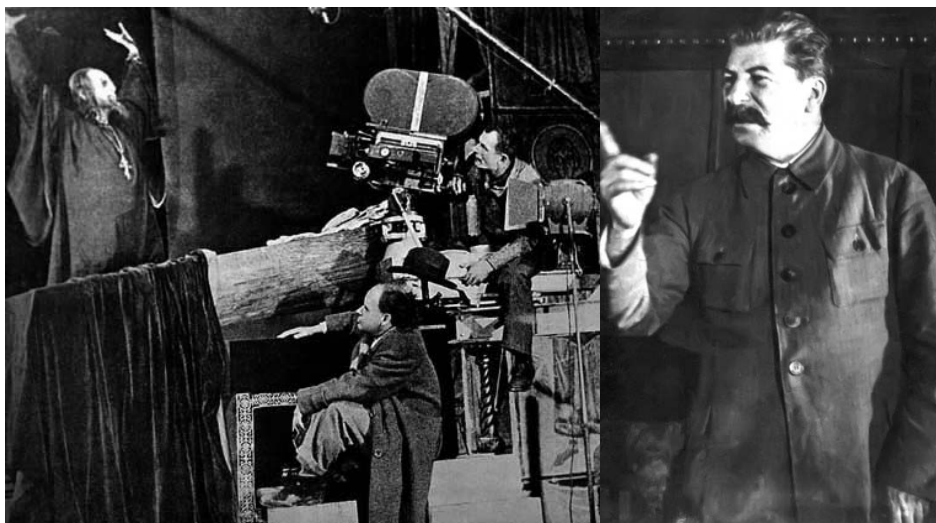
⁴¹ Там же. С.149.

СТАЛИН И ЭЙЗЕНШТЕЙН (ДИСКУССИЯ О ФИЛЬМЕ «ИВАН ГРОЗНЫЙ»)

фактах для исторической науки. Величественная цель не могла не оправдывать любых потерь. Однако, как большой художник, Эйзенштейн не мог до конца угодить власти и потому, в конце концов, нарушил конвенцию. Ему были ближе дореволюционные историки. За коллизиями эпохи Ивана Грозного он угадывал шекспировскую психологическую драму.

Так столкнулись идеология и творчество.

Победителей не было.

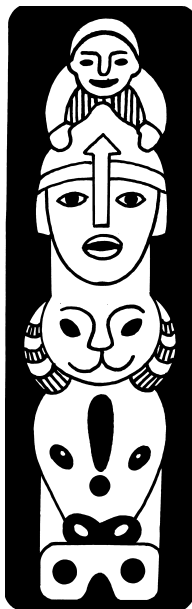

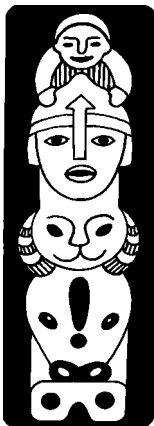
Миф представляет собой такое слово, в оправдание которого приведены слишком сильные доводы.

Миф носит императивный, побудительный характер; отталкиваясь от определенного понятия, возникая в совершенно определенных обстоятельствах,

он обращается непосредственно
ко мне, стремится добраться
до меня, я испытываю на себе силу
его интенции, он навязывает мне
свою агрессивную
двусмысленность.

Ролан Барт

Ольга Белова

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

ФИГУРА СЛУЖИТЕЛЯ КУЛЬТА В НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ¹

УДК
398.5

The confessional dimension of the «my own / alien» opposition is one of the principal factors of self-identification. This peculiarity is most vividly manifested in multiethnic and multiconfessional areas where the tradition of Christian Slav population's neighborhood with representatives of other religions persisted for centuries. Regions where the field studies were carried out (from Bukovina to Grodno region) are exemplary in this respect because Orthodox Christians, Catholics, adherents of Eastern rite Roman Catholicism, and Jews resided in close neighborhood in such regions for a long time (up to World War II). Experience of direct neighborhood could not but leave traces in the popular perceptions of ethnic neighbors' faith and religious rites. Image of a minister in the popular world picture acquires folklore and mythological features.

Ключевые слова: славянский фольклор; этнокультурные контакты; традиционная духовная культура; народная религиозность; этноконфессиональные стереотипы.

E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

¹ Статья написана в рамках проекта «Словарь "Славянские древности": итоги и перспективы этнолингвистического изучения традиционной духовной культуры славян» (РГНФ, грант 08-04-00053 а).

Проблемы конфессиональных взаимоотношений, контактов и конфликтов являются одной из характерных особенностей культурной традиции таких многоконфессиональных регионов восточнославянского мира, как украинское и белорусское Полесье, Подолия, Буковина, Галиция, гродненское Помеанье.

В славянской народной картине мира отношение к вере и религии в целом формируется на основе базовой семантической оппозиции «свой – чужой». Представления о «своей» и «чужой» вере, обрядности и ритуалистике по-прежнему являют собой живую традицию и выступают важнейшим культурным маркером, фактором самоидентификаций². Соответственно, в категорию лиц, оцениваемых с точки зрения признаков «свой» или «чужой», включаются служители культа и авторитетные с конфессиональной точки зрения общинные деятели (православные и католические священники, старообрядческие наставники, пресвитеры баптистов-евангелистов, раввины и др.). При этом в контексте народных верований и фольклора образ священнослужителя приобретает фольклорно-мифологические черты³.

Этнографические источники XIX века неоднократно фиксировали элементы народно-конфессиональной полемики, имевшей место в регионах, где в тесном соседстве проживали православные, католики, униаты, протестанты, иудеи. Так, католики Гродненской губернии считали, что в «русской церкви» (т.е. у православных) священники дают прихожанам причастие ложкой, а не руками, потому что они женатые и могут «осквернить» чистую святыню⁴. Православные украинцы полагали, что католический священник читает в церкви то же самое, что и православный, «тильки не з того кінця», т.е. наоборот⁵. Такое «антиповедение» в народном сознании являлось однозначным свидетельством того, что конфессиональные соседи веруют в «неправильного» Бога, что

² Подробнее см.: Белова О.В. *Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции*. М., 2005. С.73–157.

³ О трансформации образа священнослужителя в славянском фольклоре и народных верованиях см., в частности: Добрева Д. *Образ священнослужителя в нарративній культурі. До використання словесного тексту // Народна творчість та етнографія*. 2008. №2. С.87–94; Левкиевская Е.Е. *Священник // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И.Толстого. Т.4. М., 2009. С.594–597.*

⁴ См.: Federowski M. *Lud Białoruski na Rusi Litewskiej*. T.1. Kraków, 1897. S.236.

⁵ См.: *Українці: народні вірування, повір'я, демонологія*. Київ, 1991. С.46.

«чужая» вера есть в лучшем случае просто безверие, а в худшем – не что иное, как поклонение дьявольским силам⁶.

Если обратиться к современным полевым материалам из Подолии, отражающим «соревнование» католичества и православия в одном культурном пространстве, то любопытной может показаться точка зрения, высказанная представителем еще одной распространенной в этом регионе христианской конфессии – баптистом-евангелистом из с. Вербовец. Наш собеседник отметил, что католики ходят по домам, навещают стариков, среди них много молодежи, они активно получают финансирование, «а правослаўна... Батюшка одного дали молодого – пьяничка – махае до мэнь ўслед: ты шо, штунда... <...> Там (у католиков. – *О.Б.*), знаете, дисциплина така <...> не дает спасення через раз! Правослаўна [вера в Вербовце], она не в почёте. А там [у католиков], там дисциплина. А то [православный священник] на звоннице – звоньты и кўрыць!»⁷ Для стороннего наблюдателя значимым для авторитета конфессии и ее «официального представителя» оказалось строгое соблюдение обрядности, забота о пастве. При этом православный священник, подверженный человеческим слабостям⁸ и употребляющий по отношению к баптисту обидное прозвище⁹, в глазах иноконфессионального соседа теряет уважение.

⁶ См.: Белова О.В. *Этнокультурные стереотипы. С.84–90, 159–176.*

⁷ Мужчина ок. 50 лет, с. Вербовец Муровано-Куриловецкого р-на Винницкой обл., 2001, зап. О.В.Белова, А.В.Соколова, В.Я.Петрухин.

⁸ Внутри конфессионального сообщества, как показывают этнографические материалы XIX в., отношение к «бытовым» слабостям священников было довольно толерантным (См.: Макарова В.Ю. «...Он хотя и выпивает, но не упивается»: отношение крестьян к пьянству священников // *Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии. СПб., 2006. С.70–85).*

⁹ Само по себе нейтральное слово «штунд» («штундист»), как обозначение баптиста, в устах представителей иных конфессий зачастую приобретает обидный оттенок, что и ощущается протестантами, готовыми дать по этому поводу разъяснения: «Мы евангелисты. Цэ правильно. Штунд – цэ нэпогано слово, хто его понимает. "Штунд" – цэ "врэмья", на одын час молитвы да и ўсэ. Нэмэцкое слово "одын" <...> Прыходзі врэмья молатыся и кажуть: "Куды йдуць?" – "Йдуць на штунд" ("одын час")» (мужчина, ок. 50 лет, с. Вербовец Муровано-Куриловецкого р-на Винницкой обл., 2001, зап. О.В.Белова, А.В.Соколова, В.Я.Петрухин).

В этноцентричной по своей природе народной картине мира «своя» религия во всех проявлениях оказывается лучше, праведнее и правильнее. Эта идея конфессионального превосходства «своего» над «чужим» находит воплощение и в ряде шуточных фольклорных жанров, где сюжетообразующим элементом становится спор о вере (сюжет имеет книжное происхождение и восходит к повестям XVIII века)¹⁰. В этом споре (диспут обычно проводится в форме безмолвного диалога, жестами) противник ведет себя очень серьезно, представитель же «нашей» стороны обращает все в шутку, что и не мудрено: аксиома не нуждается в доказательствах.

Именно такой молчаливый диспут о вере раввина и священника, которые объясняются знаками, заканчивается поражением раввина. Иудей поднимает палец вверх, христианин показывает пальцем в землю; иудей показывает один палец, христианин – два; иудей показывает раскрытую ладонь, христианин – кулак. Раввин расшифровывает этот обмен знаками следующим образом: «Бог в небе – Бог и на земле; Бог зрит оком на свет – Бог зрит двумя очами; Бог мир на ладони держит – Бог сжимает мир в руке» – и признает богословскую мудрость оппонента. Священник же истолковывает все иначе: «Он хочет меня повесить – я его в землю зарю; он хочет меня пальцем в глаз ткнуть – а я его двумя; он хотел дать мне пощечину, а я ему пригрозил кулаком»¹¹.

В то же время, как ни парадоксально это покажется, зачастую в системе народной культуры особо значимой становится фигура священнослужителя, представляющего «чужую» конфессию. В связи с представлениями о магической силе сакрального слова статус «чужого» священника в ряде ситуаций (чаще всего экстремальных) оказывается выше статуса «своего» священнослужителя, ему приписывается большее могущество, что напрямую соотносится с отношением к «знающим» (колдунам, знахарям и т.п.) в народной традиции.

В Хорватии, в регионах католическо-православного соседства, было зафиксировано, например, такое поверье: чтобы у женщины не пропало молоко, она должна носить на шее *mječnjake* – 2–3 стеклянных шарика на нитке. Перед тем, как надеть на шею, шарики благословляют у «староверских» (православных) священников, потому что считается: эти

¹⁰ О литературных источниках этого фольклорного сюжета см.: Malek E. Указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII–XVIII вв. Т.1. Łódź, 2000. С.327–332.

¹¹ Kolberg O. *Dziela wszystkie*. Т.14: *W.Ks.Poznańskie*. Cz.6. Wrocław; Poznań, 1962. S.364.

священники имеют большую силу по сравнению с римско-католическими. Когда у кормящей женщины нет молока или оно пропало, она идет к православным священникам, чтобы те благословили хлеб и мед. Если ребенок плачет во сне или кричит ночью, мать относит его благословить к православному священнику¹².

В Подолии, на Буковине, в восточной Польше среди христианского населения утвердилась практика обращения к раввину в случаях болезни близких, семейных неурядиц, финансовых проблем и т.п. По поверью, отмеченному в начале XX века среди поляков, раввин мог «вымолить» ребенка для бездетной пары, правда, такой ребенок впоследствии сам оставался бездетным¹³.

Обращение за помощью к раввину бытует и сегодня, и мы могли наблюдать такую практику в черновицкой синагоге¹⁴. Ежедневно «на прием» к раввину приходят украинские женщины и терпеливо ждут своей очереди. Как же происходит общение? Женщины из очереди рассказывали, что проблема излагается устно, раввин все записывает «по ихнему», а затем читает записки во время богослужения; обращаться с просьбами лучше в пятницу, тогда твое прошение будет прочитано на субботней службе; не рекомендуется обращаться с прошением чаще, чем раз в две недели. Входя в синагогу, просители целуют мезузу¹⁵ («цэ йих хрэст»). Внешне они соблюдают «чужой» ритуал, вкладывая в него при этом «свой» смысл (целование мезузы для них равнозначно крестному знамени, совершаемому при входе в церковь).

---

¹² Mikac J. *Istarska škrinjica*. Zagreb, 1977. S.202.

¹³ Cala A. *Wizerunek Żyda w polskiej kulturze ludowej*. Warszawa, 1992. S.118.

¹⁴ Экспедиционные материалы 2004–2006 годов представлены в публикациях: Белова О. *Народная магия в регионах этнокультурных контактов славян и евреев // Народная медицина и магия в славянской и еврейской культурной традиции*. М., 2007. С.110–136; Киреева Н. *Обращение к «чужому» праведнику в магических целях (на материале паломничества нееврейского населения к могилам еврейских праведников на Буковине) // Народная медицина и магия в славянской и еврейской культурной традиции*. С.137–144. - Во время экспедиции в Черновицкую область в мае 2009 года мы снова были свидетелями паломничества христиан в синагогу к уважаемому ими раввину Ноаху Кофманскому.

¹⁵ Мезуза – футляр с фрагментом написанных на пергамене стихов Торы, укрепляемый на косяке двери в еврейском культовом здании или жилом помещении.

Местное еврейское население знает об этой практике и активно ее комментирует:

«...Русские ходят в еврейскую синагогу, вы это не знаете разве?! Ну как?! Ну что вы, здесь очень много, вы можете поговорить с раввином с этим, они вам скажут, что русские очень много ходят. Они считают, что молитва еврейских служителей культа очень действенная. И я знаю, многие такие ходят. Значит, пишут записки, что я прошу, у меня такое-то и такое-то несчастье <...> И очень многие – то, значит, корова не даёт молоко, шо якобы какие-то ведьмы отбирают это молоко... они ж в сёлах верят, шо какая-то женщина ведьма, и она отбирает у них молоко у коров. И вот они идут в "еврейскую цэркву", просят: вот такая-то такая-то, вона погано до мэнэ стáвиця, видбирáе вид моей коровы молоко, шось вона роби, я прóшу мольгыся за мою худóбу, за то и за то. Это много случаев у нас здесь есть. Не только здесь, вообще это принято»¹⁶.

От той же рассказчицы мы услышали историю о том, что раввин может снять «венец безбрачия», – так говорила при ней украинская женщина, повествуя о том, как молитвой раввина удалось «переломить» несчастливую судьбу ее дочери, которая никак не могла выйти замуж.

«"Моя дочь долго не выходила замуж..." Она другой рассказывает, а я слышу. Она каже: "Вы знаетэ (она с района приехала), ну нэ знаю, чо́г <...> она встречается... до вэсилля доходи дило, обовязково шось росстроенаца. <...> И вже ей двацать висим рокиў. А мэни порáдыли (посоветовали. – *О.Б.*) напысаты таку цыдульку – то есть бумажку – и пийты в еврэйску цэркву (они говорят в еврэйску цэркву). И вы знаетэ, шо мэнэ одна жынка повэла, и я пишла. Дай Боже здоровья, каже, цьому равинowi! Вы знаете, вин мольвися, и я поклáла там в скрынку (там висит вроде, значит, какой-то такой ящичек и якобы не указывают там, скажем, таксу, сколько-то денег, а сколько ты там находишь нужным, столько [кладешь]). Я поклала туда дэсять гривнив. Хай, каже, кладут два–три, а я дэсять поклала. И, каже, мольлыся, и она через пивроку выйшла замиж!"»¹⁷

Среди украинского населения Прикарпатья и сегодня устойчиво бытует поверье, что еврейские раввины способны снимать сглаз: «Ходят [украинцы в синагогу], там разные там наговоры есть, то они, это, отработывают шо. [Кто?] Ну эти, раввины. [Наговоры?] Ну есть там – какие-

¹⁶ К.И.Горовец, 1926 г.р., Черновцы, 2005, зап. О.В.Белова, М.М.Каспина.

¹⁷ Там же.

то болезни насылают разные, и равнины там как моляца, то эти изгоняют»¹⁸.

Наши еврейские информанты единодушно утверждали, что в синагоге «не принимают» просьбы о мести, нанесении вреда кому-либо и т.п.

«[Могут попросить наказать обидчика?] Шоб ему сделали шо-то плохое? Это не принимается. Нет, это молятся за то, чтоб его Бог образумил. А это нельзя! И нельзя в церкви тоже это делать. Просто, чтобы Бог тебя образумил. Ведь как говорится в христианском учении, что возлюби ближнего и врага своего. То есть если ты будешь молиться – образумь его, дай ему гуманнэ видношэння – то якобы тебя Бог услышит. А если ты будешь давать проклятия, то это проклятие Бог не воспринимает, это нет. Именно возлюби врага своего»¹⁹.

Нельзя просить о плохом и на могилах еврейских цадигов²⁰, которых местное население (и еврейское, и славянское) часто почитает чудотворцами. В прикарпатском селе Вижница христиане приходят с просьбами к могилам местных еврейских праведников-«мудрецов». При этом смотритель кладбища считает нужным подсказывать новичкам правила поведения при обращении к «чужому святому»: «Когда приходят христиане, я прошу их не креститься, не вставать на колени, надеть шапку, не просить Иисуса Христа, не просить о злом»²¹.

Этические установки, высказанные нашими рассказчиками (нельзя просить в синагоге или на могиле праведника о мести, о наказании), контрастируют с этнографическими свидетельствами XIX – начала XX века. Приведем несколько примеров. В Белоруссии, чтобы наказать лиходея, жертвовали деньги на три «еврейские школы», чтобы равнины помолились о погибели врага (кстати, то же самое делали, если хотели найти и вернуть украденную вещь). Еще один способ мести – накануне большого праздника помолот в жерновах медные деньги, а потом пожертвовать их в синагогу²². Мотив отмщения посредством «чужой» молитвы присутствует и в некоторых современных свидетельствах из

¹⁸ М.Кукурба, 1969 г.р., Куты Косовского р-на Ивано-Франковской обл., 2005, зап. О.В.Белова, М.М.Каспина.

¹⁹ К.И.Горовец, 1926 г.р., Черновцы, 2005, зап. О.В.Белова, М.М.Каспина.

²⁰ Цадик – букв. праведник; духовный лидер хасидской общины.

²¹ Александр Т., Вижница Черновицкой обл., 2005, зап. О.В.Белова.

²² Сержпутуёўскі А. Прымхі і забабоны беларусаў-паляшукіў. Менск, 1930. С.135, 243.

Подлясья (восточная Польша). Парень, избивший своего приятеля, через год утопился – его семья утверждала, что родственники пострадавшего дали денег в синагогу и «какие-то действия раввина» привели к смерти обидчика²³. Обворованный заплатил раввину за то, чтобы тот навел проклятие на вора – раввин читал в синагоге «семь псалмов Давидовых», и через год кара настигла вора²⁴. О том, как одна украинская женщина обратилась к местному еврею Гиршу с просьбой подать в синагогу просьбу об изведении своего бывшего мужа, вспоминали старожилы г. Хотина²⁵.

Особо следует сказать об отношении славянского населения к еврейским цадикам и баал-шемам (практикующим каббалистам), которых считали не только мудрецами-пророками, но и знахарями. Цадики были уважаемы местными крестьянами, однако при этом среди них бытовали поверья, что у цадика, например, на одной ноге было конское копыто²⁶.

Иногда почитанием нееврейского населения был отмечен просто местный уважаемый «мудрец», «богомольный» человек: «Когда-то меня женщина встретила: "Ой, у вас есть богомольный?" – "Есть". – "Я хочу к нему зайти". Чо-то она с соседом имела или с кем не знаю что, я не допытывала. У нас был такой, что ну просто на кладбище – это не был раввин, никто, так... Просто смотрел за кладбищем... Когда-то были в старину такие очень мудрые люди, старые, с бородами, длинными, со всем другие люди. А щас не, я не вижу их...»²⁷.

В рассказах старожилов часто присутствуют мотивы предсказаний, предвестий, знамений и знаков, предвещавших войну. При этом в роли предсказателей могут выступать старые мудрые евреи, «знающие», предрекавшие своему народу бедствия. Так, в Шаргороде (Подолія) мы записали такой рассказ: «Мать моя была <...> в Трускавцах, или где она была? – зашла к... ну, по-еврейски *a giter id*, она зашла к такому челове-

---

²³ *Cala A. Op. cit. S.107.*

²⁴ *Ibid.*

²⁵ *Киреева Н. Указ соч. С.143.*

²⁶ *Jastrzębski J. Żyd jako «obcy» i jako «swoj» w kulturze wsi polskiej XIX w. // Literatura ludowa. 1989. T.33. №4–6. S.42; Stomma L. Antropologia kultury wsi polskiej XIX w. Warszawa, 1986. S.38. – О почитании славянским населением цадииков в Польше в межвоенный период см.: *Cala A. Op. cit. S.86, 91–93, 105–106.**

²⁷ *М.И.Жидовецкая, 1930 г.р., г. Шаргород Винницкой обл., 2004, зап. О.В.Белова, А.В.Сokolova, Т.В.Величко.*

ку, и ён сказал ей, что будет большая война. Да, страшная война, он говорит, будет, вот скоро надвигается, и сильное кровопролитие, и очень пострадают евреи. Да, это он ей сказал <...> *A giter id*, он, значит, знал. Ну, как мудрец у нас»²⁸.

Согласно современным записям из Польши, несчастья и гибель евреев во время войны еще до ее начала предсказывали «прогоску żydowscy» (т.е. цадики) и хасиды, которые «учили своих детей религии в школе <...> предсказывали, что будет <...> и однажды читали и плакали, потому что должны умереть; они вычитали [в книгах], что придет такое время, что все они в одночасье погибнут»²⁹.

Могилы цадииков – «еврейских святых» – становились объектом почитания среди местного славянского населения (независимо от конфессиональной принадлежности). В окрестностях Пшемышля славяне-католики ходили на поклонение к могиле еврейского цадика, говоря, что «святой» хранил их «от всякой войны», «во время войны спас» и до сих пор «хранит от града»³⁰.

По нашим экспедиционным наблюдениям 2001 года, место захоронения основателя хасидизма Баал-Шем-Това в Меджибоже (Подолия) постепенно превращается в культовый объект для представителей различных конфессий, посещаемый не только паломниками-хасидами и экскурсантами (и те и другие оставляют у гробницы записочки с просьбами к «святому»), но и служителями культа (незадолго до нашего приезда в Меджибож кладбище посетила группа католических священников, совершивших там богослужение).

Следы почитания захоронений праведников в виде приношений хлеба и свечей отмечены также в прикарпатском селе Куты (материалы полевых сезонов 2004–2005 гг.).

В г. Черновцы и сегодня объектом культового почитания является могила цадика Исраэля Фридмана из Ружина на кладбище в Садгоре. Жители Черновцов и окрестных сел просят местного раввина отнести на могилу записки с просьбами о помощи, исцелении и т.п.

Упомянем и о менее распространенном явлении – посещении евреями христианских храмов. Вот что рассказала нам Д.И.Яцкова-Креймер

---

²⁸ Там же.

²⁹ *Cala A. Op. cit. S.93.*

³⁰ *Ibid. S.112–113.*

ФИГУРА СЛУЖИТЕЛЯ КУЛЬТА В НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

(1924 г.р.) из Копайгорода (в 2001 году она была единственной еврейской, проживавшей в поселке):

«Ну, допустим, если все умерли из его семьи, так я всё равно... в те дни, когда поминают украинцы, я тоже иду и поминаю. Можно любому человеку, даже в церковь. Потом, у моей тети муж был поляк, вот, и никого нет, так я... когда поминальные дни были, я пошла в костел и тоже помянула его. Они даже там, монашки, удивляются и говорят: "Что она й ходить и ў цэрковь, и в костёл; если б была бы синагога, она б и туда пошла". Я говорю, ну и что? Я считаю так: пока человек живет, это не грех, а, наоборот, это очень хорошо. Я даже разговаривала – ходила к председателю поселкового совета, и там сидел священник наш – так я ему рассказала. Я, говорю, я еврейка, но я хожу в церковь и поминаю. Он говорит: "Это очень хорошо с Вашей стороны, это очень-очень, говорит, благородно" <...> Я, допустим, могу зайти в цэрковь и даю там такой листочек бумажки – вы пишете "за здравие" всех. Ну, так я могу написать туда – записываю – и украинцев, и евреев. Я спросила, или можно, они говорят – да. Потом я свечи там зажигала, ну, я зажигаю свечи и вместе с тем я так тихонечко прошу, шоб Бог послал всем здоровья. Я считаю, что один Бог есть на небе, над нами, и всё. Вот так я делаю или за упокой или за здравие, так я вместе так – я иду уже, они всегда знают – никто не ходит, я одна только. Сразу евреи-то возмутились: "О, Дора, ты ходишь, вот, ты же еврейка, чо ты..." Я говорю: "Это не грех"»³¹.

Как видим, местный священник одобрил инициативу Доры Иосифовны по поминанию родственников в православной церкви...

Как показывают фольклорно-этнографические источники, в народе особым уважением пользовались и пользуются (независимо от конфессии) служители культа, открытые к общению и чаяниям прихожан. О черновицком раввине уже было сказано выше. Евреи Черновцов часто говорят также об одном униатском священнике, который выслушивает евреев и дает им советы в трудных жизненных ситуациях. Вспоминая о тесных соседских отношениях между украинцами и евреями в закарпатском селе в Тячевском районе, К.И.Горовец из Черновцов рассказала о посещении еврейской свадьбы местным священником, связав этот эпизод со своими наблюдениями по поводу антисемитских проявлений в

³¹ П. Копайгород Барского р-на Винницкой обл., 2001, зап. О.В.Белова, А.В.Соколова, В.Я.Петрухин.

некоторых православных изданиях. «...А потом еще священник увидел это и пришел смотреть, и там – он сосед был и в хороших отношениях с моими сватами – и он пришел еще на свадьбу – это священник! – и сел, и пел "Долгие... Многие года". Он тоже, но такой, знаете, демократичный, хороший священник. Потому что в принципе есть страшные антисемиты священники...»³².

Случалось, что священник провожал в последний путь своего давнего приятеля еврея: «...Я знал этого священника. Может, получилось так случайно, что он жил напротив нас. Значит, он имел хороший дом, в свободное время вечером он иногда приходил к отцу, просто чтоб поговорить от скуки, там летом. Приходил к отцу, отец как с соседом разговаривал. Ну, он носил, вечером он тоже ходил в черной рясе, а в церкви он ходил в эту... золотую рясу и так далее. И я его знал по фамилии, что это батюшка Гримальский <...> А так с этим священником мы остались в очень добрых отношениях, и он даже присутствовал при похоронах отца, провожал отца. Он дружил с отцом»³³.

Иногда, правда, в устных свидетельствах отношения православных священников с евреями оказываются окрашены во вполне «мифологические» тона. Жительница Черновцов рассказывала, как встретила в троллейбусе одноклассника своего сына – он был в священническом облачении. Они сидели рядом, потом она вышла, а священник вышел за ней и пересел в следующий троллейбус. Якобы потому, что не мог уже дальше ехать на этом месте – ему говорили его прихожане, что если священник сидел рядом с еврейкой (евреем), то надо встать, выйти, «сделать молитву» и продолжать путь на другом виде транспорта³⁴.

Если же вернуться в рамки православно-католического этноконфессионального дискурса, то народные рассказы также акцентируют внимание на моментах взаимного общения. Приведем два рассказа из Белоруссии. Первый – это зарисовка из довоенного быта деревни, в которой проживали старообрядцы, православные и католики (рассказывает старообрядка).

«Все время с палякамі... І ксёндз прыязжаў, і бацюшка. Ксёндз пріедзет, прівезёт канфет шакаладных, а дзецям жа эта інцярэсна. І рас-

---

³² К.И.Горовец, 1926 г.р., Черновцы, 2005, зап. О.В.Белова, М.М.Каспина.

³³ Л.М.Гурфинкель, 1924 г.р., Черновцы, 2008, зап. И.Гордон, С.Ерши.

³⁴ Р.Ф.Гиммельбрандт, 1932 г.р., Черновцы, 2006, зап. М.М.Каспина, О.В.Белова, Н.М.Киреева.

ФИГУРА СЛУЖИТЕЛЯ КУЛЬТА В НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

спрашивает катэхіз, хто як знаець. Ну, а я вазьму і раскажу. Так он мяня па галавы гладіт і гаваріт:

– Вот старабжэндовка, вшыстка в’еш! [пол.: Вот старообрядка, всё знаешь!] А ты ёсел, ёсел – на паляка, каторый здействіцельный паляк»³⁵.

Второй рассказ – о том, как ксендз решил прийти на Пасху к своему другу, православному священнику, и как его трогательно встретили православные прихожане: «Вот ксёндз прыйшоў і нас паздравіў с празнікам <...> І мы яму заспявалі Веліконну песню "Вісолы нам дзень настаў" – то вы знаеце што: он плакаў.

– Што, – гаворыць, – я зайшоў у цэркву, і мяне рускія людзі тк встrecілі, дажэ міне паздравілі...»³⁶.

Так, руководствуясь традиционными моделями, фольклорное сознание формирует колоритный и символически значимый образ духовного наставника и авторитета. И особо значимой оказывается фигура священнослужителя в системе народных верований тех регионов, где со-существуют различные конфессиональные и этнические традиции.

---

³⁵ Брацлавский р-н Витебской обл. (См.: *Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. Т.2. Віцебскае Падзвінне. Мінск, 2004. С.789*).

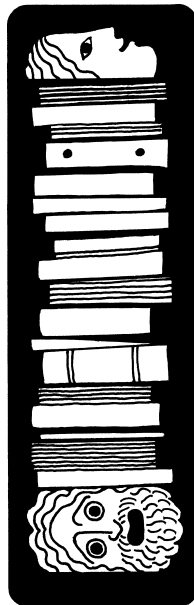
³⁶ Мостовский р-н Гродненской обл. (См.: *Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. Т.3. Кн.2. Гродзенскае Панямонне. Мінск, 2006. С.506*).

Если я хочу узнать, что я думаю о каком-то предмете, я пытаюсь привести мои идеи о нем в определенный порядок. Я могу исследовать полученный результат как исторический документ и установить, каковы были мои идеи об этом предмете в тот момент, когда я предпринимал умственную работу. <...> Я могу также совершать новые поступки и затем исследовать их. Все эти изыскания историчны по своему характеру. Они начинаются с исследования свершившихся фактов, идей, которые

я обдумал и выразил, поступков,
которые я совершил.
Оценку же того, что я только начал
делать и все еще делаю,
дать невозможно.

Историческое знание – не роскошь,
не простое развлечение досужего
ума, но его первая обязанность.

Робин Джордж Коллингвуд

Игорь Максимычев

ВРЕМЯ РАЗБРАСЫВАТЬ КАМНИ

**ИЗ ЗАПИСОК СОВЕТНИКА-ПОСЛАННИКА
ПОСОЛЬСТВА СССР В ГДР**

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК
327.8

This year, it will be exactly 20 years since the opening of the border between the German Democratic Republic and the Federal Republic of Germany that took place on 9 November 1989. The world saw in this event mainly the "fall of the Berlin Wall that for 28 years had divided East Berlin, the capital of GDR, from West Berlin that maintained the nature of a territory occupied by the victorious powers of World War II. The legal status of the border between the sectors in Berlin, theoretically considered to be within quadrilateral responsibility, was not equal to the status of the "German-German border, which, from the outset, had been the border between the autonomous zones of occupation, that in 1949 became (with a number of caveats) independent states. The inclusion of the Berlin sector border in the decision taken by the GDR authorities in November 1989 to liberalise the regime of the crossing of the border with FRG by East Germans was an unforgivable international-law mistake that resulted in serious domestic political problems. By midnight 9 November, the situation at the Berlin Wall border-crossing points became explosive: crowds of GDR citizens demanded to be allowed to cross to West Berlin, while the border guards had not yet received any clarifications of the new border regime. Those dramatic events that nearly degenerated into armed violence are described in the journal notes of the then Minister-Counsellor of the USSR Embassy in Berlin that are complemented by the memoirs of other participants and eye-witnesses of this turning point in post-war history of Europe.

Ключевые слова: воссоединение Германии; отношения ФРГ и ГДР; внутриполитический кризис ГДР; Западный Берлин; падение Берлинской стены.

E-mail: igormaxim@mtu-net.ru

Воспоминания Игоря Максимычева заслуживают особого внимания, поскольку представляют собой ценный исторический источник, важный не только с точки зрения фактологии событий, но и с точки зрения личностного, человеческого измерения. Разумеется, историк отдает предпочтение документу перед мемуарами. Горизонты жизненного мира раскрываются в непосредственном опыте, когда эпоха говорит с нами собственным голосом, без посредников. Событие и мемуариста отделяет толща времени. Меняются не только контекст, но и личность автора, подверженному настроениям настоящего. Мемуары – это взгляд со стороны. Любой опыт возвращения в прошлое представляет собой рискованный эксперимент. Однако мемуары не теряют своего значения и в этом случае. Более того, они приобретают двоякую перспективу: в них раскрываются и фрагменты прошлого, и взыскующий взгляд настоящего. Это сплав разных измерений. Мемуары – важное свидетельство того, как образ истории конституируется нами, становится частью нашего актуального опыта, своеобразным Alter Ego современности.

Редакция.

Жанр предлагаемых вниманию читателя заметок не поддается точному определению. Больше всего подошло бы название «хронометраж», но и оно не совсем полно передает характер нижеследующего текста. Этот текст включает мои личные впечатления как заместителя посла, мои дневниковые записи и делавшиеся на скорую руку пометки о беседах и телефонных разговорах, которые велись в решающие часы кризиса, а также некоторые документы и воспоминания немецких участников событий с обеих сторон. Привлеченные свидетельства очевидцев в некоторых деталях противоречат друг другу, но это не должно удивлять: с годами кое-что в памяти стирается, становится менее рельефным. Я не старался подстричь все под одну гребенку. Моей целью было попытаться дать людям, которые не пережили непосредственно важнейшую ночь в послевоенной истории Европы, возможность как бы поприсутствовать при происходившем, причем не только «снаружи», но и «изнутри». Насколько это удалось, судить читателю.

9 ноября 1989 года, четверг

7.00 – Прозрачное и холодное утро в Берлине предвещает отличную погоду – солнечную и сухую. Берлинская осень бывает, как правило, очень приятной. По старой традиции берлинцы называют ясную осеннюю погоду «императорской» («Kaiserwetter»). Несмотря на превосходные метеорологические перспективы, на сердце у меня, что называется, кошки скребут: в «стране пребывания», как именуется ГДР на нашем бюрократическом языке, зашкаливает внутривластическая напряженность, не предвещающая ничего хорошего. Из Москвы на все наши тревоги один ответ: «Не надо драматизировать». Я стараюсь не менять привычного распорядка дня и сразу после подъема и короткой зарядки направляюсь в наш плавательный бассейн, расположенный напротив тыльной стороны дворца советского посольства на красивейшей берлинской аллее Унтер-ден-Линден. Как рассказывают старожилы, здание культурного центра, в котором размещается бассейн, было преподнесено в дар посольству совместным советско-германским предприятием «Висмут» (добыча урана в горах Тюрингии) в те времена, когда послом в ГДР был всемогущий П.А.Абрасимов. Как бы то там ни было, возможность плавать по утрам в нашем бассейне (в утреннее время суток он, как правило, практически пуст) позволяет хоть как-то поддерживать необходимую физическую форму. Все остальное время проходит на заседаниях, совещаниях, в процессе чтения и составления бумаг, изредка встреч и бесед, а также прочей повседневности дипломатического бытия. Безлюдная Беренштрассе, которую надо пересечь, чтобы попасть в бассейн, не может отвлечь от тревожных раздумий. Эта улица, отделяющая основное здание посольства от панельного многоквартирного жилого дома и культурного центра, закрыта по соображениям безопасности с самого начала для движения всякого транспорта, за исключением посольских автомашин, и является по существу внутренней территорией советского дипломатического городка. Городок расположен на расстоянии менее 300 метров от линии секторального разграничения с Западным Берлином, то есть от той самой пресловутой Берлинской стены, название которой стало нарицательным для всего мира. Практически территория нашего посольства является частью приграничной полосы. Вплотную к жилому дому для сотрудников посольства примыкает урюмый комплекс зданий Министерства внутренних дел ГДР, часть которого размещается в тяжеловесной постройке довоенной эпохи, реставрированной после войны.

8.00 – Просмотр утренних телевизионных новостных программ во время непродолжительного завтрака не дает оснований ожидать каких-либо резких перемен в обстановке. Почти миллионный митинг 4 ноября на Александерплац прошел без эксцессов, которых очень опасалось руководство ГДР. Понедельник с его традиционной массовой демонстрацией оппозиции в Лейпциге, лозунги которой задают тон протестного движения на всю последующую неделю, также миновал без крупных неприятностей. От все еще жестко контролируемого телевидения ГДР нельзя ожидать какой-либо будоражащей информации, поэтому надо особенно внимательно следить за телеканалами ФРГ. Их передачи беспрепятственно принимаются на всей территории ГДР, за исключением долины Эльбы у Дрездена, где прием технически затруднен из-за сложного рельефа местности; гедеэровские остряки называют этот район «долиной ни о чем не подозревающих» («das Tal der Ahnungslosen»). Западногерманское телевидение и радио играют огромную роль в формировании внутривнутриполитической обстановки в ГДР. Самые радикальные идеи советской перестройки доносят до граждан ГДР не столько советская пресса или контакты с представителями СССР, сколько средства массовой информации ФРГ. На этот раз на западногерманском телевидении не наблюдается истерических припадков. Не приходится ожидать экстраординарных импульсов и из Москвы – только вчера закончились празднества по случаю очередной годовщины Октябрьской революции, и высокое начальство берет «тайм-аут».

8.30 – Путь от квартиры посланника до рабочего кабинета в здании посольства занимает от силы пять минут – надо только пересечь двор, прилегающий к Унтер-ден-Линден. И квартира (в левом крыле здания), и кабинет (в правом крыле) находятся на одном уровне – второй этаж при довольно высоком цокольном основании. Окнами оба помещения выходят на центральную аллею столицы ГДР. В роде занятий, для которых оба помещения служат, большой разницы нет – и в кабинете, и в квартире наготове стоит бесчисленное множество разнообразных телефонов. Как заместитель посла, я должен постоянно находиться в пределах досягаемости – прежде всего для руководителя учреждения. В этом кроется один из парадоксов моей должности: с одной стороны, мне необходимо иметь свое собственное мнение о происходящем в республике, что предполагает регулярные контакты с представителями всех политических сил ГДР; кроме того, мне поручено поддержание связей с администрациями трех держав в Западном Берлине и западноберлинским магистратом; с другой, – каждый раз, когда я отлучаюсь из посоль-

ства, посол В.И.Кочемасов недоволен, хотя у него под рукой остается полный набор советников.

Кстати, для качественной работы за рубежом очень важна «погода в доме», которая отнюдь не сводится лишь к надежно отрегулированному домашнему хозяйству. В этом ноябре в Берлине у нас гостит внук (его родители находятся в долгосрочной заграничной командировке по линии Спорткомитета СССР). Это в какой-то степени сужает для моей жены возможности полностью выполнять обязанности второй дамы посольства. Но и в урезанном объеме ее участие в контактах с иностранцами важно. В хорошо отлаженном механизме дипломатической деятельности на жен старших сотрудников посольств ложится немалая часть профессиональных забот; нередко информация, полученная на дамских встречах за чашкой чая или кофе, существенно корректирует и дополняет сведения, почерпнутые из официальных бесед или из сообщений средств массовой информации.

9.00 – Огромный Гербовый зал посольства (на стенах размещены гербы всех 16 союзных республик, существовавших на момент завершения строительства здания в 1951 году) набит битком. На традиционную утреннюю «летучку» (на деле она длится 2–2,5 часа) собирается весь дипломатический состав, начинающие референты, руководство торгпредства и корреспонденты ведущих советских органов печати. Традиция столь представительной «летучки» восходит опять-таки к временам П.А.Абрасимова; только тогда она была, говорят, короче. Посол считает своим долгом ежедневно доводить до сведения элиты советской колонии в ГДР последние перестроечные веяния из Москвы (он поддерживает постоянный телефонный контакт с помощниками М.С.Горбачева и Э.А.Шеварднадзе, иногда говорит с ними непосредственно; высокочастотная телефонная сеть «ВЧ» защищена от прослушивания). Одновременно он ставит конкретные задачи, которые предстоит выполнять посольству, а также делится своими оценками ситуации. Поскольку все это излагается лишь один раз и больше не повторяется, я стараюсь как можно подробнее записать указания посла в толстый рекламный ежедневник «Аэрофлота»¹. Ведь указания предстоит выполнять.

---

¹ Этот ежедневник у меня сохранился. Много лет спустя я опубликовал (с некоторыми купюрами) сделанные в нем записи, относившиеся к 1989 – 1990 годам (Максимычев И.Ф. «Народ нам не простит...» Последние месяцы ГДР. Дневник советника-посланника посольства СССР в Берлине. Доклад Института Европы РАН №98. М., 2002. – 186 с.).

Обычно открывает летучку довольно поверхностный обзор печати ГДР и Западного Берлина, который по очереди готовится младшими дипломатическими сотрудниками. Но сегодня посол начинает с того, что оглашает конкретные поручения руководителям групп (отделов) посольства в связи с начавшимся вчера трехдневным пленумом ЦК СЕПГ. Надо ежедневно направлять в Москву информацию о работе пленума, а также сводку о событиях за прошедший день, собирать отклики на пленум из округов, особо уделяя внимание тому, как воспринимается приход к власти нового руководства СЕПГ. Посол поручает составить справку о только что легализованном «Новом форуме», который, судя по всему, призван выполнять роль общей крыши для оппозиционных движений ГДР, а также подготовить информацию о влиянии пропаганды ФРГ (включая сообщения о дебатах в бундестаге по посланию канцлера «О положении нации») на настроения населения восточногерманской республики. Пресс-группа посольства должна отслеживать ежевечерние пресс-конференции члена политбюро ЦК СЕПГ Г.Шабовского, который информирует журналистов о ходе пленума. Следует подумать над предложениями о налаживании совместной работы с администрациями трех держав в Западном Берлине, также обеспокоенными развитием событий в ГДР (это уже прямо касается моего участка работы).

Докладывающий обзоры печати атташе констатирует, что пресса ГДР сосредоточила внимание на следующих моментах: начало работы трехдневного X пленума ЦК СЕПГ; состоявшийся перед зданием ЦК СЕПГ, где проходит пленум, митинг членов берлинской организации партии с требованиями обновления руководства, наказания виновных и созыва партконференции; выступление Шабовского на пресс-конференции по итогам первого дня пленума, в котором упоминается, что за текущий год зарегистрированы 66 тысяч случаев выхода из партии; публикация доклада Э.Кренца на пленуме; созыв заседания президиума Народной палаты². В газетах появились статьи о положении в профсоюзах и в ХДС (ГДР); объявлено о регистрации в МВД ГДР заявки «Нового форума» на допуск в качестве общественной организации; в газетах ЛДПГ и ХДС (ГДР) размещены материалы «Нового форума»³. В

---

² На этом заседании было решено созвать Народную палату 13 ноября для избрания нового председателя Совета министров ГДР взамен ушедшего в отставку Вилли Штофа; по состоянию на 9 ноября республика оставалась без полноценного правительства

³ В обзор прессы ГДР почему-то не попала состоявшаяся 9 ноября публикация в цен-

обзоре западноберлинской печати упоминается о дебатах в бундестаге по посланию канцлера «О положении нации», а также о том, что 645 человек из числа беженцев из ГДР вернулись в республику.

Содержание последующего выступления В.И.Кочемасова сводится к следующему: «Процесс создания нового руководства СЕПГ, а также разработки концепций преодоления трудностей проходил тяжело. Тактически заседание пленума 8 ноября было проведено правильно: сначала состоялись выборы. Это помогло избежать дискуссий по персональным вопросам. В остальном состоялась констатация глубокого политического и экономического кризиса в ГДР. Результаты голосования: Х.Долюс – 12 "за", Мюллер (Эрфурт) – 23 "за", Г.Кляйбер – 39 "за". Г.Зибер будет 1-м секретарем Берлинского окружкома, Г.-Й.Виллердинг возьмет под контроль отдел международных связей ЦК – вместо Г.Аксена. (Вне рамок пленума прошли митинги протеста против того, что в ЦК остались Кемницер и Бёме). Секретариат ЦК: Кренц, Хергер, Ланге, Лоренц (ответственный за кадры, вместо Долюса), Шабовский, Зибер, Виллердинг, Кемницер (сельское хозяйство). Комиссию по культуре возглавит К.Хёпке, комиссию по науке – Г.Ширмер⁴. Накануне

тральном органе ЦК СЕПГ «Нойес Дойчланд» поддержанного деятелями искусства и гражданскими инициативами обращения писательницы Кристи Вольф к гражданам республики с призывом не эмигрировать: «Мы просим вас – оставайтесь на вашей родине, оставайтесь с нами!»

⁴ Хорст Долюс (р.1925) – член ПБ, секретарь ЦК СЕПГ; Герхард Мюллер (р.1928) – кандидат в члены ПБ ЦК, 1-й секретарь Эрфуртского окружкома СЕПГ; Гюнтер Кляйбер (р.1931) – член ПБ ЦК СЕПГ, постоянный представитель ГДР в СЭВ; Гюнтер Зибер (р.1930) – зав. отделом международных связей ЦК СЕПГ, член ЦК СЕПГ; Ханс-Йоахим Виллердинг (р.1952) – секретарь, член Совета ССНМ, член ЦК СЕПГ; Герман Аксен (р.1916) – член ПБ, секретарь ЦК СЕПГ, председатель комитета по международным делам Народной палаты; Йоханнес Кемницер (р.1929) – член ЦК, 1-й секретарь Нойбранденбургского окружкома СЕПГ, на X пленуме ЦК СЕПГ избран кандидатом в члены ПБ и секретарем ЦК СЕПГ; Ханс-Йоахим Бёме (р.1929) – член ПБ ЦК и 1-й секретарь Галльского окружкома СЕПГ; Эгон Кренц (р.1937) – генеральный секретарь ЦК СЕПГ, председатель Государственного совета ГДР; Вольфганг Хергер (р.1935) – зав. отделом безопасности ЦК СЕПГ; Ингебург Ланге (р.1927) – член ЦК, председатель комиссии по делам женщин при ПБ СЕПГ; Зигфрид Лоренц (р.1930) – член ЦК, 1-й секретарь Карл-Маркштадского окружкома СЕПГ; Гюнтер Шабовский (р.1929) – член ПБ, секретарь ЦК, 1-й секретарь Берлинского окружкома СЕПГ; Клаус Хёпке (р.1933) – зам. министра культуры ГДР; Грегор Ширмер (р.1932) – зав. отделом образования ЦК СЕПГ.

плenumа каждый член ЦК получил информацию о беседе М.С.Горбачева с Э.Кренцом⁵. Создана комиссия по подготовке итогового документа пленума – программы действий. Важна ежедневная пресс-конференция Шабовского. Шабовский набирает силу на глазах. Требование о проведении партконференции разумно – она нужна для обновления партии. Появились неприятные нюансы в СМИ – газеты блоксовых партий и окружные газеты СЕПГ стали выступать с резкой критикой партии и ее руководства. Всем сотрудникам советских учреждений необходимо работать, не считаясь со временем! Нужны оценки работы пленума. Заместитель министра иностранных дел СССР Абоимов И.П. даст сегодня ответ по вопросу о "дыре" в границе для беженцев из ГДР»⁶.

9.00 – Одновременно с началом нашей «летучки» два представителя МВД и два представителя МГБ ГДР собираются в здании Министерства внутренних дел на Мауэрштрассе, в рабочем кабинете Г.Лаутера, начальника отдела паспортов и регистрации, и приступают к окончательной доработке либерализирующего условия выезда граждан ГДР текста, которому решено придать форму постановления Совета министров. При этом по не вполне ясным причинам значительно расширяются рамки урегулирования, намеченного в поручении⁷. Подготовленный проект

---

⁵ *Заменивший 18 октября Эриха Хонеккера на посту генерального секретаря ЦК СЕПГ Э.Кренц посетил Москву 1 ноября, где был принят М.С.Горбачевым, обещавшим ему полную поддержку*

⁶ *Вопрос о «дыре» в границе требует некоторых разъяснений. Тогдашний начальник управления по паспортной работе и регистрации МВД ГДР Герхард Лаутер свидетельствует, что 7 ноября 1989 г. политбюро ЦК СЕПГ поручило МВД в срочном порядке, к 9 ноября, совместно с МГБ подготовить проект такого урегулирования порядка выезда граждан ГДР на постоянное место жительства в ФРГ, которое избавляло бы их от необходимости использовать территорию третьих стран. Лаутер получил соответствующее указание от министра внутренних дел утром 8 ноября. Днем раньше министр иностранных дел ГДР Оскар Фишер информировал В.И.Кочемасова о намерении ГДР открыть для желающих переселиться в ФРГ специальный контрольно-пропускной пункт на германо-германской границе близ схождения границ ГДР, ФРГ и Чехословакии. Посол по просьбе Фишера запросил мнение Москвы на этот счет. Вот на этот запрос и должен был дать ответ заместитель министра иностранных дел СССР, курировавший отношения с европейскими социалистическими странами.*

⁷ *Позже они ссылались в свое «оправдание» на два момента: а) желание избежать того, чтобы упрощение условий выезда только для лиц, желающих покинуть ГДР навсегда,*

предписывает свести к минимуму (практически отменить) все формальности при выдаче разрешений на выезд для всех типов поездок и через все контрольно-пропускные пункты границ ГДР. Главные пункты проекта постановления гласят: а) «Заявки на заграничные поездки частных лиц могут подаваться без предпосылок для поездки (повод и степень родства). Разрешения будут выдаваться в сжатые сроки. Основания для отказа будут применяться лишь в исключительных случаях»; б) «Выезд на постоянное место жительства может осуществляться через все КПП ГДР на границах с ФРГ или с Берлином (Западным)». Именно в последнем случае остро сказалась спешка при подготовке текста, из-за которой к работе не были привлечены компетентные сотрудники МИД ГДР. Не проконсультировавшись с коллегами-дипломатами, полковники допускают грубейшую юридическую ошибку: статус секторальной границы в Берлине отнюдь не тождествен статусу границы между ГДР и ФРГ. Лишь последняя находится в сфере компетенции ГДР (с некоторой поправкой на общие интересы Организации Варшавского договора, поскольку эта граница является линией непосредственного соприкосновения обоих военно-политических блоков). Но в отношении секторальной границы между Восточным и Западным Берлином действует Четырехстороннее соглашение от 3 сентября 1971 г., согласно которому все вопросы, касающиеся Берлина в целом, остаются в ведении четырех держав – США, Франции, Англии и Советского Союза. Это означает, что ГДР не обладает здесь решающим голосом. Конечно, официально СССР стоит на той позиции, что четырехстороннее соглашение «не касается» Восточного Берлина, являющегося столицей ГДР. Стену на секторальной границе строила восточногерманская республика, и охраняет ее Национальная народная армия ГДР. Однако на практике любые шаги, затрагивающие в той или иной мере Западный Берлин, допускаются только по согласованию с Москвой, за которой сохраняется «последнее слово». Творческий порыв авторов текста постановления Совета министров ГДР привел к возникновению ситуации, при которой Москва даже не знает о намерении ГДР «открыть» стену.

Дело совсем не в том, что советское руководство стало бы возражать против «ликвидации» стены. В пропагандистском отношении стена в Берлине наносит Советскому Союзу, пожалуй, еще больший ущерб, чем

ставило тех в более привилегированное положение по отношению к людям, собирающимся вернуться; б) имевшиеся сведения из окружения Э.Кренца о том, что «свободу поездок» планируется ввести не позже Рождества (то есть 24 декабря) 1989 г.

самой ГДР. У всех в ушах все еще звенит прозвучавшее в июне 1987 года у Бранденбургских ворот хлесткое обращение американского президента Р.Рейгана: «Мистер Горбачев, откройте эти ворота! Снесите эту стену!» Полгода назад, в середине июня 1989 года, во время визита в Бонн М.С.Горбачев ответил на прямой вопрос журналистов о стене в том духе, что «ничего нет вечного под Луной» и «стена может исчезнуть, когда отпадут предпосылки, которые ее породили». Он закончил свой ответ словами: «Не вижу тут большой проблемы». Большую проблему тут видели Хонеккер и его коллеги, считавшие, что без стены дни ГДР будут сочтены. Но и после отставки Хонеккера остаются элементарные правила межсоюзнических отношений. Нельзя допускать, чтобы СССР «потерял лицо», будучи поставлен перед свершившимися фактами. Следовало бы дать ему возможность заранее предупредить представителей трех западных державы, а также партнеров в Западном Берлине о предстоящей либерализации режима перехода секторальной границы. Ведь такая либерализация неминуемо приведет к резкому росту числа эмигрантов из ГДР, которых необходимо будет перевозить, размещать, снабжать западногерманской валютой и т.д. – все это входит в компетенцию администрации Западного Берлина, в функциях которой причудливо переплелись полномочия оккупационных властей и местных выборных органов.

12.00 – Посол, которого стали одолевать звонками из ЦК СЕПГ с просьбой ускорить информацию о реакции Москвы на проект либерализации порядка пересечения германо-германской границы, связывается по телефону с И.П.Абоимовым, чтобы получить «добро» на положительный ответ друзьям. Абоимов сообщает, что не смог разыскать никого из высокого начальства, но, поскольку никаких возражений против изложенного О.Фишером проекта открытия «дыры» в границе не высказывалось, можно информировать Э.Кренца о том, что у нас возражений нет. Это посол делает немедленно.

12.00 – Правящий бургомистр (Западного) Берлина⁸ социал-демократ Вальтер Момпер председательствует на первом заседании комиссии «Рабочие места для Берлина», проходящем в бывшем здании рейхстага. Свирепствующая в Западном Берлине безработица продолжает оставаться основной социальной проблемой города. Во время за-

---

⁸ *Правящим бургомистром стал именоваться глава западноберлинской администрации после раскола города в 1948 году на западную и восточную части; глава восточноберлинской администрации сохранил традиционный титул обер-бургомистра.*

седания ему сообщают со ссылкой на «знакомого журналиста», что уже сегодня на пленуме ЦК СЕПГ должно быть принято важное решение по проблеме выездов из ГДР: видимо, готовится введение «свободы поездок»⁹. Момпер решает в осторожной форме информировать о такой перспективе управление городского транспорта и полицию. Он говорит сенатору по вопросам труда, транспорта и предприятий: «В ГДР что-то затевается. Возможно, что мы очень скоро получим свободу поездок. Предупреди транспортников, что они должны быть готовыми к чрезвычайным событиям уже сегодня». Чуть позже информация о предстоящем в ГДР «большом событии» в сфере выезда поступает от корреспондентки западногерманского радио в Восточном Берлине.

12.00 – Известный восточноберлинский адвокат Вольфганг Фогель, специализирующийся на германо-германских переговорах по деликатным проблемам, наносит неожиданный визит шефу сенатской канцелярии Западного Берлина (главе администрации правящего бургомистра) Дитеру Шрёдеру и информирует его о том, что в ГДР, судя по всему, будет вот-вот введена «свобода поездок».

16.00 – В огромном здании ЦК СЕПГ близ Дворца Республики на берегу Шпрее продолжает свою работу начавшийся вчера пленум ЦК. Кренц прерывает обсуждение пунктов повестки дня и просит присутствующих утвердить постановление об изменении режима пересечения границ ГДР, прошедшее апробацию членов политбюро несколькими часами раньше¹⁰. Название постановления: «Решение об изменении ситуации с выездами граждан ГДР на постоянное место жительства в ФРГ через территорию ЧССР»¹¹. Короткая дискуссия касается лишь

---

⁹ В принципе В.Момпер был подготовлен к такому повороту событий: еще 29 октября 1-й секретарь Берлинского окружкома, член политбюро ЦК СЕПГ Г.Шабовский доверительно сообщил ему о намерении руководства ГДР до Рождества 1989 г. ввести «свободу поездок» граждан республики. Посольство СССР не располагало информацией об этой беседе.

¹⁰ Предварительно, во время перерыва заседаний пленума на обед, текст постановления был утвержден членами политбюро. Единственный вопрос, который был тогда задан, касался того, знает ли Москва о шаге, который собирается предпринять ГДР. Кренц ответил утвердительно.

¹¹ Поводом для решения политбюро ЦК СЕПГ об открытии «дыры» в границе было действительно обращение руководства чехословацкой компартии, вызванное недовольством населения северных областей ЧССР, где дороги оказались буквально забитыми автомашинами из ГДР, направлявшимися к границе с ФРГ. Дело в том, что наследники

второстепенного вопроса. Надо ли оставлять в сообщении для СМИ¹² формулу о введении «переходного урегулирования временно, впредь до принятия Народной палатой соответствующего закона» или можно убрать слова «временно» и «переходное», которые грозят смазать эффект нововведения? Вызывающие сомнения слова вычеркиваются. Информация для печати начинается теперь так: «Как сообщает пресс-служба министерства внутренних дел, Совет министров ГДР решил, что впредь до введения в силу соответствующего законодательного урегулирования постановлением Народной палаты будет действовать следующий порядок поездок и выезда на постоянное место жительства из ГДР за границу». Далее следуют четыре пункта, излагающие существо новых правил, включая пункт 2¹³ и уже упоминавшийся пункт 3 о «всех КПП ГДР на границах с ФРГ или с Берлином (Западным)». Дата передачи информации о постановлении в печать подтверждается – это должно произойти (как и предлагалось разработчиками) на следующий день, поскольку необходимо время, чтобы дать соответствующие указания пограничникам, которые абсолютно не в курсе дела. В сопроводительном документе уточняется, что публиковать эту информацию можно не ранее 4.00 часов утра 10 ноября.

17.00 – В соответствии с программой начавшегося после полудня пятидневного официального визита канцлера ФРГ в Польшу Гельмут Коль встречается в Варшаве с главой профсоюза «Солидарность» Лехом Валенсой и председателем фракции «Солидарности» в сейме Брониславом Геремеком. Собеседников канцлера волнуют два вопроса: не оттянут ли для Бонна события в ГДР польско-германские отношения на второй план и что будет делать Коль, если ГДР откроет стену – «не придется ли ему тогда самому возводить стену в ответ?» Валенса заявляет: «Удивлен тем, что стена все еще стоит. Она будет устранена через неделю или, самое позднее, через две. Но что дальше? Положение в ГДР очень опасно, и можно ожидать, что там возникнет революционный

Э.Хонеккера отменили с 1 ноября введенный им в начале октября запрет на безвизовый выезд граждан ГДР в соцстраны.

¹² Должно быть опубликовано 10 ноября, что предусматривается специальным пунктом постановления.

¹³ Устанавливающий, что для пересечения границы по-прежнему требуется выездная виза, которая должна отныне выдаваться отделами по паспортной работе и регистрации Народной полиции «незамедлительно» и без требовавшихся до сих пор «предпосылок для поездки».

хаос». Коль пытается рассеять страхи Валенсы в отношении того, что «Польша вновь окажется жертвой истории».

17.30 – Г.Шабовский появляется в зале заседаний ЦК СЕПГ, чтобы получить у Э.Кренца последние инструкции для своей пресс-конференции, которая должна начаться через полчаса. Его не было при обсуждении на политбюро и на пленуме постановления о новом порядке выезда, и он не знаком с его текстом. Вопреки установленному 7 ноября порядку¹⁴, несмотря на то, что решение пленума было формально лишь утверждением проекта постановления правительства, который еще предстоит внести на его рассмотрение; и в нарушение намеченных сроков публикации документа Кренц дает Шабовскому поручение сразу же огласить содержание принятого решения. Со словами: «Это настоящая сенсация!» он вручает ему листок бумаги с текстом постановления. В машине по дороге к месту проведения пресс-конференции в Международном пресс-центре на Моренштрассе (в двух шагах от посольства) Шабовский пробегает глазами переданный ему листок. Времени вникать в детали у него нет.

18.00 – Корреспондент западногерманской «Франкфуртер рундшау» в Восточном Берлине Карл-Хайнц Баум спрашивает заведующего отделом печати постоянного представительства ФРГ в ГДР¹⁵ Эберхарда Грассхофа, с которым он столкнулся в кулуарах Международного пресс-центра за несколько минут до начала пресс-конференции Шабовского:

– Не скажешь ли ты мне, как СЕПГ сможет на этот раз выйти из положения?

– Я не знаю, сможет ли. Знаю только, как это будет происходить. Ты когда-нибудь катался на санках?

– Конечно

– Случалось, что санки выскальзывали из твоих рук?

– Да.

– Вот и здесь такой же случай: они изо всех сил догоняют санки, но всякий раз, когда, выбившись из сил, они решают, что поймали санки,

---

¹⁴ В соответствии с ним обязанность информировать прессу о правительственных постановлениях лежит на представителе правительства по связям с общественностью Вольфганге Майере.

¹⁵ С целью поддержания фикции, что ГДР не является заграницей для ФРГ, Бонн настоял на том, что посольства ГДР в ФРГ и ФРГ в ГДР будут именоваться «постоянными представительствами».

на самом деле они только отталкивают их от себя. Вот сейчас и произойдет такое отталкивание!

18.50 – Пресс-конференция Г.Шабовского, полностью передаваемая телевидением ГДР в прямой эфир, подходит к концу, и он вспоминает про поручение Э.Кренца. Пообещав журналистам сенсацию, он отыскивает в грудe бумаг нужный листок, еще раз пробегает его глазами и оглашает основное содержание документа. Шабовский говорит о будущей быстрой выдаче разрешений и о возможности выезда через «все КПП». Один из ошеломленных иностранных журналистов задает вопрос: «Когда это постановление вступает в силу?» Повертев в руках листок, Шабовский не совсем уверенно отвечает: «Насколько я понимаю – тотчас, немедленно». На него сыпется град вопросов относительно деталей нового урегулирования. Шабовский признается: «Я выражаюсь осторожно, потому что не был постоянно в курсе проблемы. Эту информацию мне сунули в руки перед самым моим приходом к вам». На этом пресс-конференция заканчивается¹⁶.

19.00 – За несколько минут до начала пресс-конференции В.И.Кочемасов сообщил мне, что постановление о выездах будет оглашено Шабовским (посол узнал об этом, видимо, от Кренца). По этой причине я в своем рабочем кабинете в посольстве слежу за пресс-конференцией Шабовского по телевизору – мне интересно, как он обставит свое заявление. Та небрежность, с которой эта важнейшая информация преподнесена публике, буквально потрясает меня. Я не в состоянии понять, почему этот без преувеличения судьбоносный для восточногерманской республики вопрос затронут под занавес и сопровождается такими некачественными комментариями? Почему обговоренный с нами вариант без какого-либо предупреждения заменен на совершенно другой? И самое главное – по какой причине в решение об открытии границ ГДР включена секторальная граница между двумя Берлинами, режим которой на протяжении всех 40 лет существования второго германского государства был его болевой точкой? Все это подводит к убеждению, что новое руководство ГДР действует по-

---

¹⁶ Шабовскому задается также вопрос о дальнейшей судьбе стены, которая в результате принятого ГДР решения превращается, так сказать, в «бесцельную бетонную перегородку». В ответ он, ссылаясь на доклад Кренца, говорит, что в плане урегулирования вопроса о стене ГДР рассматривает на новые инициативы ФРГ в области поддержания мира, а также на новые шаги ФРГ и НАТО в области разоружения.

дилетантски, не способно владеть ситуацией и осуществлять солидную политику. Как вести дела с такими людьми?

Посол сразу по окончании пресс-конференции, за которой он также следил по телевизору, звонит мне, чтобы выяснить мое впечатление от нее. Я не могу скрыть своего смятения. В.И.Кочемасов советует сохранять спокойствие. Он говорит: «Самое главное дело сделано – решение принято и доведено до сведения общественности». Я убираю бумаги в сейф, запираю кабинет и возвращаюсь в квартиру, где продолжаю следить за развитием событий по телевизору – теперь уже по западногерманским каналам, которые находятся в высшей степени возбуждения. (Телевидение ГДР, как всегда, безмятежно.) Меня одолевает предчувствие, что сюрпризы этого вечера еще не закончились.

19.00 – После заявления Шабовского (реакция на него такова: «Он с ума сошел! Что же он делает!?!») генеральный директор АДН (информационного агентства ГДР) Гюнтер Пёчке принимает совместно с В.Майером решение немедленно снять запрет на публикацию до завтрашнего дня сообщения о новом режиме выездов за рубеж для граждан ГДР. Такие сообщения были разосланы в средства массовой информации ГДР (но не в зарубежные СМИ!) еще до начала пресс-конференции Шабовского. Уже через четыре минуты АДН публикует точный текст постановления правительства ГДР, с которым теперь могут ознакомиться все. Поначалу зарубежные информационные агентства опираются на переданный АДН официальный текст, однако затем их интерпретация сдвигается в сторону фразы Шабовского «тотчас, немедленно». Действительно, руководители ГДР в очередной раз оттолкнули от себя санкции.

19.00 – До начала и во время пресс-конференции Шабовского руководитель центральной координационной группы по вопросам переселения министерства госбезопасности ГДР генерал-майор Герхард Ниблинг работает с коллегами над проектом телеграфных указаний персоналу КПП относительно работы в новых условиях. Он знает о предстоящем ускоренном обнародовании постановления о выездах и считает, что в принципе это неплохо, поскольку остающегося времени должно хватить, чтобы оповестить пограничников. Генерал внимательно следит по телевизору за откровениями Шабовского. Фраза насчет «тотчас, немедленно» меняет в его глазах обстановку коренным образом. Ниблинг говорит помощнику: «Кончай трудиться и предупреди своих ребят: люди уже бегут к границе». Позже Ниблинг признается, что его сразу охватило чувство отчаяния, и единственным утешением

была для него мысль: «Пока существует Советский Союз, не может случиться самого плохого».

19.00 – К Момперу, присутствовавшему на приеме в высотном доме издательства «Аксель Шпрингер», расположенном почти на самой секторальной границе между обоими Берлинами, подходит главный редактор газеты «Берлинер моргенпост» со срочным сообщением западно-германского информационного агентства ДПА о заявлении Шабовского. В информации нет речи об открытии стены или о свободе пересечения границы; со ссылкой на АДН говорится лишь о заявлениях на поездки, которые следует подавать в органы Народной полиции, и о возможности выезда на постоянное место жительства через все КПП. Но главный редактор уверенно говорит: «Вот она, наконец, свобода поездок. Начинается!» Момпер подходит к окну на 18-м этаже здания. Позже он вспоминал: «Я смотрю из окна на границу. Внизу все как всегда. Сгустилась туманная дымка. За стеной виден блеклый свет. Эту пустую полосу, бывшую несчастьем для нас, немцев, могут видеть из космоса астронавты. Западный Берлин – единственный город в мире, контур которого точно обозначен освещенным обводом. Сплошным обводом. Стена лежит внизу, беззвучная и мертвая, грозная как смерть. Как это было все минувшие 28 лет. Как будто она поставлена навечно». Момпер дает указание привести в повышенную готовность полицию и отправляется в телестудию канала «Свободный Берлин» (СФБ), чтобы напрямую обратиться к населению обеих частей города.

19.30 – Ведущий новостной программы СФБ повторяет показ сенсационной сцены финала пресс-конференции Шабовского и просит Момпера прокомментировать ее. Момпер говорит: «Этого дня мы ждали, очень ждали 28 лет. Все граждане ГДР могут приехать к нам, посетить нас. Это день радости для Берлина. Нам придется нелегко, и многие в нашем городе обсуждают, что это им принесет. Но мы должны принять у себя с распростертыми объятиями всех посетителей, потому что мы понимаем, что это значит, когда люди на протяжении 28 лет не могли приехать к нам». И далее: «У Берлина вновь будут совершенно нормальные отношения с прилегающей территорией. Берлинцы также смогут легче путешествовать. Укрепится разрядка во взаимоотношениях между Востоком и Западом в целом. Это великий шанс для нас. Берлин стоит на пути к тому, чтобы стать подлинным центром в Европе». Момпер закончил так: «Перед Берлинским управлением городского транспорта стоит сложная задача. Я прошу всех граждан ГДР, которые захотят нас посетить, пользоваться линиями метро и городской железной

дороги. И, конечно, нужно много новых пропускных пунктов. Иначе мы не будем в состоянии справиться со всем этим». Сухой, прагматический тон обращения Момпера оказывает на жителей ГДР более сильное воздействие, чем эмоции, которые через несколько часов захлестнут эфир Западного Берлина и ФРГ. Число людей, собирающихся перед КПП стены, чтобы посетить Западный Берлин, стремительно растет. Д.Шрёдер будет позже вспоминать: «Когда я увидел и услышал это [выступление Момпера], у меня сложилось впечатление, что он подталкивает восприятие путаного выступления Шабовского в нужном нам направлении».

19.30 – В Варшаве вернувшийся в свою резиденцию Коль связывается по прямой телефонной линии с Бонном и узнает о заявлении Шабовского, а также о гражданах ГДР, собирающихся перед КПП стены. Столпившиеся вокруг канцлера члены германской делегации потрясены. Ими овладевают попеременно чувства надежды на скорый конец ГДР и опасения по поводу возможных осложнений. Однако времени для анализа сложившейся ситуации нет – впереди официальный обед с польским руководством. Исподволь члены делегации начинают обсуждать вопрос о возможном досрочном возвращении канцлера в ФРГ.

19.50 – В связи с учащающимися звонками восточноберлинцев, желающих получить разъяснения по поводу заявления Шабовского, заместитель шефа Народной полиции («полицайпрезидента») Восточного Берлина по оперативной работе рассылает циркулярную телефонограмму следующего содержания:

«1. При поступлении запросов от граждан о возможностях реализации объявленного порядка выездов сообщать гражданам, что, начиная с 10 ноября, их заявления будут приниматься отделами паспортов и регистрации в приемные часы.

2. В зависимости от развития обстановки повысить обеспечение безопасности в глубине КПП путем усиленного привлечения нарядов полиции, включая службу патрулирования и радиофицированные машины. Товарищам вежливо и предупредительно влиять на граждан и информировать их о приемных часах отделов паспортов и регистрации.

3. Руководителям отделов паспортов и регистрации подготовиться к участию в совещании по порядку работы, которое состоится в президиуме в течение вечера или ночи. Дорожной полиции обеспечить их доставку в президиум».

20.00 – Легендарный Маркус («Миша») Вольф, бывший шеф восточногерманской разведки (одной из лучших в мире), открыто примк-

нувший после выхода на пенсию к реформаторам, заканчивает дискуссию в Клубе деятелей культуры в Потсдаме на темы текущего развития событий в республике. Внезапно распахивается дверь, кто-то громко объявляет: «Граница открыта!» и сразу же исчезает. Возвращаясь в Берлин, Вольф слушает передачи радио, из которых явствует, что ограничения на выезд в ФРГ и Западный Берлин сняты. По радио часто звучит самое употребительное у граждан ГДР выражение этой ночи и последующих нескольких дней – «Обалдеть!» («Wahnsinn!») Историческое измерение происшедшего станет ясным лишь несколько дней спустя.

20.00 – Полковник Хайнц Гешке, заместитель по охране границы командующего пограничным участком Центр¹⁷, был с 17.00 на совещании, посвященном анализу настроений личного состава, которые вызвали у начальства определенное беспокойство. Он узнал о речи Шабовского уже дома и сразу позвонил командующему участком генералу Вёлльнеру, который был еще в своем рабочем кабинете. На желание Гешке вернуться на работу Вёлльнер отвечает отказом: «Надо еще подождать, у нас нет никаких приказов, никаких указаний. Оставайся дома. Мы тебе позвоним». Вёлльнер непрерывно пытается связаться с начальником штаба погранохраны, с начальником штаба Народной полиции, с другими высокопоставленными лицами. Никто ничего не знает. У Вёлльнера опускаются руки. Он говорит Гешке по телефону: «Если они нас не информируют, то пусть сами вытаскивают телегу из грязи». У КПП Борнхольмерштрассе к этому времени уже собралась толпа людей, требующих, чтобы их пропустили в Западный Берлин в соответствии с заявлением Шабовского.

21.00 – Журналист новостной программы «Темы дня» (первый канал западногерманского телевидения) Робин Лаутенбах стоит перед западным фасадом Бранденбургских ворот и готовит вступление к репортажу

---

¹⁷ Охрана стены была организована следующим образом. Предотвращение нарушения границы извне и изнутри обеспечивалась регулярными частями Национальной народной армии; паспортный и иной контроль на границе осуществлялся сотрудниками Министерства госбезопасности ГДР; они не отличались друг от друга ни униформой, ни знаками отличия, но подчинялись разным ведомствам; и те, и другие вместе именовались пограничниками. Гешке представлял ННА.

Пограничный участок Центр отвечал за всю 156-километровую стену вокруг Западного Берлина и ее КПП; командующему участком подчинялись 7 пограничных полков и 2 учебных пограничных полка общей численностью 12 000 человек.

о либерализации условий выезда граждан ГДР. Он говорит в камеру: «С завтрашнего дня стена открывается и после этого превратится просто в памятник архитектуры». Позже он вспоминал, что в тот момент перед Бранденбургскими воротами ничего особенного не происходило. Там работали еще несколько телевизионных камер, в частности, американской NBC, стояли группы зевак, но в целом все было спокойно. С восточной стороны стены ситуация была более драматической. По рассказам западноберлинцев, возвращавшихся после посещения Восточного Берлина, в 21.20 перед КПП Борнхольмерштрассе толпились около 500 человек, образовалась очередь из приблизительно 100 «трабантов», соседние улицы были полностью забиты людьми и машинами.

21.00 – Повторное телевизионное обращение Момпера к берлинцам по каналу СФБ происходит в перерыв футбольного матча, когда большинство немцев в обеих частях города сидят у телевизоров. Таким образом, это обращение слышат практически все берлинцы. Им еще раз втолковывается, что ГДР приняла решение о немедленном предоставлении своим гражданам «свободы поездок».

21.00 – Шеф ведомства федерального канцлера Рудольф Зайтерс выступает в бундестаге с экстренным сообщением о новостях из ГДР, текст которого он согласовал с Колем по телефону. Депутаты встречают сообщение бурной овацией. Зайтерс говорит о том, что открытие границ ГДР имеет «выдающееся значение»; сегодня впервые реализована свобода передвижения для граждан ГДР; стена и границы ГДР станут отныне более проницаемы. Зайтерс повторяет предложение, сделанное накануне канцлером в его сообщении о положении нации: если в ГДР наступят настоящие перемены, ФРГ будет готова оказать ей широкую помощь. При этом присутствующие имеют в виду, что «настоящие перемены» в их боннской интерпретации означают отказ СЕПГ от монополии на власть, легализацию оппозиционных групп и партий, свободные выборы. (С этими требованиями всегда была связана проводившаяся ФРГ политика «малых шагов», нацеленных на размывание режима ГДР; в качестве конечной цели неизменно рассматривались самоопределение и права человека, ведущие к присоединению ГДР к ФРГ.) После сообщения Зайтерса депутаты дружно встают и поют гимн ФРГ: «Единство, право и свобода для германского отечества». В зале заседаний парламента царит атмосфера одержанной «победы». (Остается неясным – победы над кем? Над руководством ГДР или уже сразу над СССР?)

21.30 – Давление толпы у КПП Борнхольмерштрассе становится все более ощутимым. Похоже, что выведенные из себя люди вот-вот пойдут на штурм. Майор Манфред Зенс, командир охраняющего КПП пограничного отряда, приказывает подчиненным сдать табельное оружие. Оружие сдает также служба паспортного контроля и таможенники. Все это из опасения, что кто-то может потерять самообладание. Служба паспортного контроля получает по своей линии указание оповестить собравшихся граждан о том, что народная полиция прямо сейчас возобновляет работу бюро отделов паспортов и регистрации, где можно получить выездную визу для пересечения границы. Направившиеся к ближайшему бюро люди возвращаются через четверть часа с известием, что оно по-прежнему закрыто. Оказывается, открылось лишь расположенное на Александерплац центральное бюро, принимающее заявки от желающих выехать на постоянное жительство. Очередное указание гласит: заявки от тех, кто желает только посетить Западный Берлин, будут приниматься завтра по месту жительства в приемные часы. Люди в толпе перед КПП приходят к выводу, что их пытаются обмануть. Атмосфера сгущается еще больше.

Дежуривший в этот день подполковник Харальд Егер, заместитель начальника службы паспортного контроля КПП Борнхольмерштрассе, ставит перед руководством вопрос о безвизовом пропуске собравшихся людей через границу: «Мы не сможем дольше выдерживать давления!» Когда Егер слышит по телефону, что высокое начальство выражает сомнение в обоснованности подобных предложений, он выставляет трубку за окно, чтобы начальство само могло убедиться в накале ситуации. Через пять минут Егер получает указание: разрешить выезд «провокаторам», то есть тем, кто особенно настойчиво требует пропустить их в Западный Берлин, поставив при этом штамп на фотографию в удостоверении личности и записав персональные данные, чтобы затем не допустить обратного въезда этих лиц в ГДР. Пограничники начинают пропускать людей через границу. С тем чтобы как-то замаскировать «особое отношение» к наиболее активным демонстрантам, они пропускают и часть тех, кто не выделяется «провокационным поведением»; этим последним штамп ставится на одной из внутренних страниц удостоверения. Однако действия пограничников только усиливают напор толпы: люди видят, что кого-то по непонятным критериям пропускают в Западный Берлин, но большинство остаются стоять перед КПП. Число собравшихся людей продолжает увеличиваться с каждой минутой.

21.30 – У участников начавшегося полчаса назад заседания коллегии Министерства обороны ГДР постепенно складывается общая картина ситуации у стены, которая оказалась совершенно неожиданной для них. Назначенное, собственно, на 18.00 заседание коллегии было отложено из-за опоздания тех его участников, которые были членами ЦК СЕПГ: работа пленума затянулась до 19.30 вместо намеченных 17.00. Члены ЦК добрались из Берлина до Штраусберга¹⁸, не получив никакой информации ни о заявлении Шабовского, ни о толпах у стены – на пленуме эта тема не обсуждалась, а служебные автомашины еще не оборудованы мобильными телефонами. Те же, кто ожидал начала заседания в самом Штраусберге, смотрели не телевизионные новости по западным каналам, а копию нового американского фильма «Загнанных лошадей пристреливают». Министр обороны Хайнц Кесслер дает указание генерал-полковнику Фрицу Штрелцу, секретарю Национального совета обороны, связаться с министром госбезопасности Эрихом Мильке. Дозвониться до Мильке не удастся, поскольку он еще следует на автомашине в Вандлиц, загородный поселок для членов политбюро. Штрелец связывается с заместителем Мильке и с начальником штаба МВД. Однако тем известно лишь то, что Шабовский сказал «что-то не то». Кесслер сам пытается дозвониться до Кренца – безрезультатно. Система политического и военного управления ГДР дала резкий сбой.

21.45 – Вторая программа телевидения ФРГ передает из Варшавы интервью с Колем по поводу решения ГДР либерализовать выезд своих граждан. Канцлер говорит: «К каким последствиям на деле приведет это решение, я не знаю. Меня постоянно информируют. Я считаю правильным, чтобы сразу после моего возвращения мы установили контакт с руководством ГДР. Тем временем там будет избран новый глава правительства¹⁹. После этого я намерен как можно скорее лично встретиться и переговорить с председателем Государственного совета и главой правительства... Вчера в бундестаге я ясно заявил по поводу наших отношений с ГДР, что мы готовы оказывать помощь. В случае действительно всеобъемлющих реформ, которые, на мой взгляд, включают в себя плюрализм общества, свободные профсоюзы, свободные партии и свободные выборы, я готов рассматривать весьма далеко идущие планы. Что

---

¹⁸ *Министерство обороны ГДР было расположено в местечке Штраусберг к северу от Берлина*

¹⁹ *7 ноября долголетний председатель Совета министров ГДР В.Штоф подал в отставку.*

же касается приема беженцев, то сегодня перед отъездом мы обсуждали эту проблему и приняли ряд решений... Но сначала надо подождать и посмотреть, сколько людей к нам приедут. О тех беженцах, число которых можно предвидеть, мы позаботились. Для улучшения положения остальных мы должны принимать меры в самой ГДР. Решение проблемы заключается не в том, чтобы к нам переехало максимальное количество людей из ГДР, а в том, чтобы наши соотечественники в ГДР жили в условиях режима свободы, которые предоставляли бы им шанс остаться на родине. Наши интересы состоят в том, чтобы соотечественники оставались у себя на родине».

22.00 – Гельмут Коль направляется в варшавскую гостиницу «Маритт», где размещены немецкие журналисты, давно добивающиеся встречи с ним. Канцлер старается успокоить пишущую братию и настаивает на том, что необходимо сохранять трезвость мысли и тщательно обдумывать дальнейшие шаги. Он обещает всемерно избегать всего, что могло бы «обидеть» поляков, но одновременно сообщает, что уже начал обсуждать с ними возможность прервать свой визит. Коль признается, что разделяет с журналистами ощущение, что они все «находятся в неверный момент в неверном месте». Он заявляет: «Сегодня творится всемирная история!» и добавляет: «Конечно, никто не может предсказать, когда придет объединение Германии, но колесо истории завертелось быстрее».

22.00 – На чрезвычайное совещание в Шёнебергской ратуше собирается западноберлинский сенат (городское правительство). Момпер говорит: «Мы не знаем, что там [в ГДР] творится и как будут реагировать пограничники. Мы должны по возможности успокаивающе влиять на настроения населения». Собравшиеся высказывают опасение, что на Западный Берлин обрушится волна переселенцев из ГДР. Сенатор по социальным делам Ингрид Штамер заверяет, что может обеспечить достаточное количество мест временного размещения, но для этого придется использовать спортивные залы школ. Сенатор по делам школ Сибилла Фолькхольц дает на это свое согласие и объявляет, что отменит школьные занятия на пятницу 10 ноября. Момпер предлагает шефу сенатской канцелярии Д.Шрёдеру немедленно начать переговоры с властями западных держав о возможной отправке в ФРГ их самолетами²⁰ переселенцев из ГДР. Шеф западноберлинской полиции («полицай-

---

²⁰ Пользоваться берлинскими воздушными коридорами имели право только военные самолеты и гражданские авиакомпании трех западных держав, а также ВВС Группы совет-

президент») Георг Шерц докладывает об обстановке у стены: «КПП Борнхольмерштрассе, 21.18 – скопление «траби»²¹; КПП Зонненаллее, 22.05 – 15 человек в зоне контроля, сто с восточной стороны стены, оформление ускоряется; КПП Борнхольмерштрассе, 22.06 – толпа перед КПП не уменьшается, полторы тысячи человек с восточной стороны, обычная виза. Пока это всё».

После того, как Момпер снова отбыл к телевизионщикам, Шрёдер проверяет вместе с руководителями сенатских служб их готовность к приему посетителей из Восточного Берлина. Управление муниципального транспорта рапортует об увеличении численности поездов метро и автобусов на линиях. Сберегательные кассы подготовились к тому, чтобы в массовом порядке выплачивать «приветственные деньги»²². С издательством «Берлинер Моргенпост» достигнута договоренность о срочной распечатке информационной брошюры с планом города, которая будет бесплатно вручаться у КПП. И все же, когда становится очевидным, что стена действительно перестает функционировать, Шрёдеру становится не по себе: цифры посетителей, взятые за основу при разработке планов интенсификации работы муниципальных служб, оказываются безнадежно устаревшими – реальность значительно их превосходит. В результате грозит возникновение хаоса.

22.42 – Ведущий новостной программы первого канала телевидения ФРГ Ханс-Йоахим Фридерихс заявляет на фоне фотографии Бранденбургских ворот: «Они перестали быть символом раскола Берлина, как и стена, которая 28 лет разделяет Восток и Запад. ГДР уступила напору населения. Сообщение с Западом свободно. Надо осторожно пользоваться словами в превосходной степени, они легко изнашиваются, но сегодня можно сказать: этот день 9 ноября стал историческим днем. ГДР сообщила, что ее границы немедленно и для всех открыты. Ворота в стене распахнуты настежь!» Подобные комментарии поспешны, они «обгоняют» действительность. КПП стены еще не открыты «настежь».

ских войск в Германии

²¹ «Траби» – ласкательное наименование малолитражки «трабант», самой популярной среди жителей ГДР автомашины

²² «Приветственные деньги» выплачивались каждому приезжающему в ФРГ жителю ГДР, включая детей. Их размер составлял с августа 1987 г. 100 немецких марок на человека один раз в год.

23.00 – Момпер вновь в студии СФБ, где он участвует в теледискуссии с участием западноберлинских и западногерманских политиков, а также оппозиционных деятелей из ГДР. Дискуссия постоянно прерывается репортажами с места событий. Пока журналисты сообщают, что все спокойно, но есть слух, что кое-кого пропускают из Восточного Берлина уже без визы. Момперу подают записку: «Несколько сот человек переходят границу у КПП Борнхольмерштрассе. Много народу у других КПП». Минуту спустя у него в руках новая записка: «По нашим наблюдениям, на Борнхольмерштрассе в настоящее время нет пограничников. Число пересекших границу граждан ГДР исчисляется уже тысячами». Момпер показывает записку соседу и шепчет ему на ухо: «Если сейчас вслух зачитать это, то во всем Берлине начнется светопреставление». После 23.00 начинается репортаж с КПП Инвалиденштрассе: корреспондент телевидения беседует с жителем Восточного Берлина, только что бесконтрольно пересекшим границу. Момпер встает и заявляет в камеру: «Все берлинцы должны знать – пропускные пункты повсюду открыты, контроля больше нет, можно беспрепятственно проходить стену. Прошу извинить меня, но я должен быть там». После этого он покидает студию.

23.30 – Толпа у КПП Борнхольмерштрассе непрерывно растет, люди буквально висят на заграждениях. Они протягивают пограничникам свои удостоверения личности и кричат: «Мы вернемся, мы вернемся!» Пограничники в растерянности. За каждым, кого пропускают в Западный Берлин, тотчас устремляются десятки людей. Сдерживать напор толпы все труднее, ситуация становится все более напряженной. Предпринимаются попытки опрокинуть проволочные заборы, ограждающие территорию КПП, и поднять шлагбаум. Пограничники насчитали от 20 до 30 тысяч человек, скопившихся на подходах к КПП. Надо что-то делать. Подполковник Харальд Егер звонит начальству и говорит: «Сдерживать напор дальше невозможно, мы должны открыть КПП» и, не дожидаясь ответа, добавляет: «Я прекращаю контроль и выпускаю людей!» В ответ слышится: «Ну, ладно, давай!» Старший по КПП подходит к солдату, охраняющему ворота и что-то говорит ему. Ворота распахиваются. Радостная толпа устремляется в Западный Берлин. Стены как таковой больше нет.

Только решения контролеров МГБ было бы еще недостаточно для открытия стены. Пограничники ННА располагали возможностями независимо от них наглухо перекрыть сообщение между обеими частями города. Майор М.Зенс вспоминал позже: «Даже в том случае, если

служба паспортного контроля прекращает проверку документов, я мог бы скомандовать: "Поставить блокирующий шлагбаум! Установить противотанковое заграждение! Чтобы никто не прошел! " Но мы этого не сделали. Подполковник Гёрлиц из службы паспортного контроля сказал: "Мы открываем" и, обращаясь ко мне, объяснил: "Народ валом валит!" И, действительно, как будто накатился вал. Солдаты удивленно глядели на толпу, но затем очень радовались, когда их завалили подарками люди, возвращавшиеся из Западного Берлина».

23.30 – Командующий пограничным участком Центр генерал Вёлльнер отдает приказ о введении «полной работоспособности» подчиненных ему войск. Приказ гласит:

«1. Выдвижение резервов и готовность на контрольно-пропускных пунктах границы, с особым вниманием на район Бранденбургских ворот. Подготовить введение в действие офицеров штаба и учебных пограничных полков, а также подчиненных им подразделений.

2. Заместителям и командирам частей обеспечить организованное передвижение людей и автомашин; предотвратить возникновение дорожно-транспортных происшествий; избежать любого рода конфронтации с населением; не предпринимать действий, которые могут быть истолкованы неправильно; оказывать быструю помощь пострадавшим в толчее (транспортировка в госпитали Народной полиции). Особо важно: не применять огнестрельного оружия; сконцентрироваться на охране главнейших объектов (склады оружия, боеприпасов, боевой техники), а также оберегать жизнь военнослужащих пограничных войск. Строжайше запрещен вывод на позиции и формирование маршевых колонн (БМП, артиллерия, боевая техника) или оставление объектов без охраны. Активные действия только по моему указанию».

На основании этого приказа прекращается контроль на всех КПП стены.

23.30 – Момпер подъезжает к КПП Инвалиденштрассе. Из машины он отдает распоряжение всем наличным служащим ратуши немедленно прибыть к пропускным пунктам стены. Дело в том, что не только граждане ГДР устремились в Западный Берлин, но и западноберлинцы бросились к стене, чтобы воспользоваться случаем и без обычной волокиты посетить Восточный Берлин. На Инвалиденштрассе Момпер застаёт хаос – ликующие люди и безнадежно застрявшие в толпе автомашины. Представитель западноберлинской полиции докладывает правящему бургомистру, что у него слишком мало подчиненных, чтобы навести хоть какой-нибудь порядок; что творится с

восточной стороны стены, он не знает. Обеспокоенный возможной реакцией пограничников ГДР на возникшую неразбериху Момпер направляется к гедезровскому капитану, который стоит рядом с контрольной башней и растерянно наблюдает за происходящим. «Стой, дальше нельзя!» – приказывает пограничник, когда Момпер пересекает белую линию, обозначающую границу²³. Но Момпер требует, чтобы его провели к старшему по КПП. Пограничник послушно сопровождает его к баракам, где продолжается проверка бумаг выезжающих в Западный Берлин автомашин (хотя рядом тысячи людей проходят без всякого контроля). Правящего бургомистра усаживают за стол, обычно предназначенный для паспортного контроля. Но вдруг все пограничники, в том числе и тот, который сопровождал Момпера, куда-то исчезают. КПП заполнен торжествующей толпой; к востоку от КПП, насколько хватает глаз, также бесконечное множество людей. Момпер встает на стол и говорит в неизвестно откуда взявшийся мегафон: «Дорогие берлинцы, мы все рады тому, что граница открыта. Это счастливый момент для нас. Но я прошу вас – при всей радости, которую вы испытываете, – освободите территорию КПП. Пропустите "траби". Пожалуйста, очистите проезжую часть дороги, чтобы все смогли беспрепятственно пересечь границу». Если кто и слышит его, то не подает вида. Все шумно приветствуют каждую фразу, но не двигаются с места. В пластиковые стаканчики разливается гедезровское шампанское «Rotkäppchen» («Красная шапочка»), со всех сторон эти стаканчики протягивают Момперу, чтобы чокнуться с ним.

К этому времени свободный выход в Западный Берлин осуществляется через все КПП стены, за исключением КПП Драйлинден на автострате, связывающей город с территорией ФРГ – этот пропускной пункт расположен в чистом поле, и людей рядом с ним нет. Также нет людей и машин на собственно границе между ГДР и ФРГ, которая проходит вдали от населенных пунктов.

24.00 – Правящий бургомистр протискивается к своей машине и звонит Шерцу, который докладывает, что мобилизованы и направлены к стене все полицейские силы Западного Берлина. К Инвалиденштрассе подъехали два полицейских автобуса с громкоговорителями. Начальник

---

²³ Пограничник был прав в том смысле, что объявленная Шабовским либерализация режима перехода границы относилась лишь к направлению с Востока на Запад, но не наоборот.

группы просит Момпера помочь освободить проход через КПП. Тот вновь берет в руки микрофон и непрерывно повторяет в него: «Дорогие берлинцы! Говорит Вальтер Момпер. Мы все очень рады этому мгновению. Я прошу вас отойти в сторону и освободить проезд. Расступитесь, чтобы восточноберлинцы смогли прийти к нам». Постепенно эти призывы начинают оказывать воздействие. Освобождается узкий проход, по которому поехали «трабанты». Находящиеся рядом люди дружески похлопывают их по крыше (этот многократно повторяющийся ночью 9 ноября приветственный жест получил особое название: «Trabiklopfen»). Прибывший к КПП Шерц застаёт удивительную сцену: капитан-пограничник ГДР и полицейский из Западного Берлина стоят на гребне стены и регулируют движение автомашин в обоих направлениях. Шерц просит своего помощника указать коллеге, что тот находится на территории ГДР²⁴, на что капитан ННА реагирует следующим образом: «Все в порядке, мы здесь действуем сообща».

24.00 – Д.Шрёдер постоянно информирует о развитии ситуации американские и британские власти в Западном Берлине²⁵. Около полуночи он приглашает высших представителей союзных властей прервать ночной отдых и прибыть к стене, чтобы лично убедиться в «состоявшемся чуде». Но получает отказ. Позже Шрёдер будет вспоминать: «В эту ночь впервые за последнее полувековье немцы вновь самостоятельно несли ответственность за Берлин и отлично справились с задачей – посетители, полицейские, машинисты поездов метро и водители автобусов оказались на высоте. Эта ночь без пролития крови превратилась в импровизированный исторический праздник».

24.00 – Коль снова связывается по телефону с Бонном и получает последние известия о развитии событий у стены. В то время как жители обоих германских государств смотрят телевизионные передачи (если не толпятся у КПП стены), канцлер в Варшаве отрезан от источников информации. В делегации опять обсуждается возможность прервать визит.

---

²⁴ Стена стояла не на самой секторальной границе, а немного отступив от нее в глубь восточноберлинской территории. ГДР и СССР всегда настаивали на том, чтобы эта полоса вдоль границы оставалась неприкосновенной. Власти трех держав в Западном Берлине требовали, чтобы официальные западноберлинские лица строго соблюдали запрет вступать на территорию ГДР.

²⁵ В ноябре США председательствуют в трехсторонних органах, а с британским сектором граничит территория Бранденбургских ворот, которые всегда оставались невралгическим центром обстановки в Берлине.

Коль колеблется. Его советники вспоминают эпизод, когда в момент возведения стены 13 августа 1961 г. канцлер Конрад Аденауэр (по настоятельному совету западных союзников ФРГ) не поехал в Берлин, что обернулось впоследствии серьезными политическими потерями для него. Коль склоняется к тому, чтобы досрочно вернуться в ФРГ, но откладывает окончательное решение до утра.

24.00 – Участник пленума ЦК СЕПГ, 1-й секретарь Дрезденского окружного комитета партии Ханс Модров сидит в номере берлинской гостиницы перед экраном телевизора и пытается разобраться в происходящем на секторальной границе между двумя Берлинами, чтобы определить его значение для дальнейшей судьбы ГДР. Он только что вернулся с заседания редакционной комиссии пленума, которой поручено разработать текст программы действий для утверждения в последний день его работы. Заседание было бурным. Статс-секретарь Министерства внешней торговли ГДР (и одновременно полковник госбезопасности) Александр Шальк-Голодковский внес предложение включить в программу действий СЕПГ пункт о конфедерации ГДР и ФРГ. Когда данное предложение было отклонено членами комиссии («Это предательство!»), он стал настаивать на том, чтобы программа действий служила выполнению требований Гельмута Коля (отказ от руководящей роли СЕПГ, легализация оппозиционных групп и свободные выборы). Шальк-Голодковский мотивировал свою линию экономическим кризисом в республике и необходимостью получить дополнительные кредиты из ФРГ. Его обвиняют в том, что он выступает в роли «почтальона» ультиматума Коля.

На сегодняшнем заседании пленума ЦК СЕПГ принято решение предложить Народной палате кандидатуру Модрова на пост председателя Совета министров ГДР. Об этом решении не объявлено публично, и поэтому огромный авторитет Модрова среди населения не может быть сразу использован в целях стабилизации обстановки. Перспективы на будущее представляются довольно туманными: к чрезвычайно тяжелому экономическому положению республики сегодня добавилось нечто вроде «стихийного воссоединения Германии». Однако Модров не собирается впадать в отчаянье. Он приступает к подготовке своей программной речи на пленуме. Никаких звонков от Кренца или кого-нибудь другого не поступает. Во избежание еще большей путаницы Модров решает пока не вмешиваться в процессы, начатые без консультации с ним. Формально он еще не глава правительства.

10 ноября 1989 года, пятница

0.20 – Командующий пограничным участком Центр генерал Вёлльнер отдает приказ о приведении подчиненных ему войск в «повышенную боевую готовность». По существу, однако, ничего не меняется – задачи, поставленные предыдущим приказом Вёлльнера о «полной работоспособности», сохраняются. Никаких указаний или приказов из Министерства обороны ГДР по-прежнему не поступает.

0.50 – Заместитель Вёлльнера полковник Хайнц Гешке прибывает в расположение 36-го пограничного полка у Бранденбургских ворот. Там уже сформирован штаб по чрезвычайным ситуациям. Положение остается неясным, все КПП открыты, но резервы созданы и внимание сосредоточено на Бранденбургских воротах. Атмосфера напряженная, однако, управление полком обеспечено.

1.00 – Я продолжаю следить за развитием событий глазами западных тележурналистов. Первоначальные опасения осложнений на границе уступают место чувству облегчения: стрельбы нет. Однако нет и границы. Само по себе позитивное событие – восстановление сообщения между обеими половинами Берлина – сопровождается настолько бездарными действиями высших властей республики, что складывается впечатление: отныне политику ГДР окончательно определяет улица. Особую тревогу вызывает отсутствие всяких признаков жизни со стороны руководства ГДР. Кто управляет сейчас республикой? Ни до кого дозвониться невозможно.

Встает вопрос о том, как и когда информировать Москву. Посол спит – после пресс-конференции Шабовского он принял снотворное. Меня от поспешного доклада в Центр удерживают три соображения. Во-первых, посольству нечего добавить по существу к сообщениям западных информационных агентств, которые, конечно же, поступают и в Москву; мы сами знаем о событиях у стены только из западных новостных телепрограмм; никаких объяснений со стороны наших коллег из ГДР к нам не поступает. Во-вторых, у нас нет предложений относительно того, что Москва может и должна предпринять в сложившейся ситуации, кроме как принять ее такой, какая она есть; никаких способов «исправить» положение нет; любая попытка применить силу не даст результатов и только в корне подорвет всю политику разрядки, являющуюся стержнем международной программы Горбачева. В-третьих, срочное сообщение из Берлина о падении стены под напором демонстрантов может переполюшить среднее звено наших чиновников, которое

заступило на ночное дежурство, в то время как «верхи» мирно почивают; совершенно неизвестно, какую реакцию вызовет на среднем уровне наше сообщение; простой телефонный запрос из Москвы в неверной тональности может подтолкнуть к действию гедезровских сторонников «китайского варианта» (после сурового подавления студенческих волнений на площади Тяньаньмынь в Пекине прошло всего четыре месяца).

Итог моих ночных размышлений состоит в том, что я решаю действовать в соответствии с указанием М.С.Горбачева, которое нам часто цитирует посол: «Не драматизировать!» И отправляюсь спать: утро вечера мудренее.

2.00 – Шрёдер вновь у КПП Инвалиденштрассе. Ситуация у стены успокоилась, движение упорядочено, хотя машины двигаются все еще только шагом. Шеф сенатской канцелярии становится свидетелем, по его выражению, «невероятной сцены». На стене, по обе стороны от открытого проезда, стоят британский военный полицейский в форменной красной фуражке и офицер западноберлинской полиции, которые дают советы стоящему внизу служащему Народной полиции ГДР, как лучше организовать устремляющийся в Западный Берлин поток людей и автомобилей.

3.00 – Момпер возвращается в шёнебергскую ратушу. Атмосфера праздника распространилась теперь на весь Западный Берлин. Город заполнен непрерывно сигналящими «трабантами» и «вартбургам». Ночь превратилась в день. Везде радостно возбужденные толпы народа. Таксисты не берут денег с пассажиров из ГДР (да у тех, как правило, и нет марок ФРГ). Автобусы, метро и городская электричка работают всю ночь. В ресторанах и пивных заведениях восточноберлинцев угощают бесплатным пивом. Правящий бургомистр обсуждает с шефом сенатской канцелярии программу переговоров с властями Восточного Берлина, которые следует начать сегодня. Д.Шрёдер должен уже в первой половине дня настоять на немедленном расширении существующих переходов (они намеренно сделаны столь узкими, что через них может проехать только одна автомашина в том или другом направлении) и на открытии новых переходов до следующего понедельника. Он уполномочен предложить финансовую и техническую поддержку со стороны Западного Берлина для выполнения этих задач, а также для открытия новых пересадочных станций метро, соединяющих транспортную сеть обеих частей города, чтобы разгрузить станцию Фридрихштрассе – единственную, где железнодорожное сообщение между Востоком и Западом функционирует. Эти переговоры принесут быстрые результа-

ты. ГДР даст согласие на открытие в ближайшие дни дополнительно девяти КПП (это означает удвоение их общего числа), включая Потсдам-мерплац. Министр внутренних дел ГДР Фридрих Диккель подтвердит скорое открытие станции метро Янновитцбрюкке для связи с Западным Берлином и трансграничных автобусных маршрутов.

3.00 – Ни мне, ни жене не спится в эту ночь. Мешает шаркающий звук, доносящийся с обычно совершенно тихой Унтер-ден-Линден. В окно мы видим сотни людей, молча идущих по аллее в направлении Бранденбургских ворот. Ворота остаются закрытыми – там никогда не было никаких КПП. Здесь людской поток разделяется: часть идет на лево к КПП Фридрихштрассе («Чек-пойнт Чарли»), часть направо – к КПП Инвалиденштрассе. Движения в обратную сторону не наблюдаются.

4.00 – Начальник информационно-аналитического отдела представительства КГБ СССР при МГБ ГДР И.Н.Кузьмин подписывает информацию для Центра с изложением событий ночи, насколько их возможно подытожить на тот момент. От наших коллег (и «дублеров») из Карлсхорста²⁶ не требуется вносить каких-либо предложений, достаточно изложения фактов. Реакции на эту информацию долгое время нет. Лишь наутро поднимется шквал запросов об изменениях в обстановке чуть ли не по минутам. Этот шквал будет продолжаться весь день 10 ноября.

6.30 – К утру осложняется обстановка у Бранденбургских ворот. Здесь праздничная атмосфера ночи подпорчена поведением довольно многочисленной подвыпившей толпы. Это не граждане ГДР, которые точно знают, где расположены КПП, и идут к ним, а западноберлинцы, воспользовавшиеся общей сумятицей, чтобы перейти на территорию Восточного Берлина. Они сгруппировались с восточной стороны ворот и требуют их открытия для прохода в обоих направлениях. Эту группу сопровождают западногерманские телевизионщики, благодаря которым данный эпизод запечатлен для грядущих поколений. Пограничники ГДР, выстроившиеся сомкнутой шеренгой (без оружия и дубинок), вытесняют нарушителей за пределы приграничной зоны. Они не реагиру-

---

²⁶ Карлсхорст – район Берлина, где 9 мая 1945 г. был подписан Акт о капитуляции фашистской Германии, а затем традиционно располагались советские учреждения – штаб-квартира Советской военной администрации в Германии, Советской контрольной комиссии и т.д. В здании, в котором подписывался Акт о капитуляции, ныне находится работающий на паритетных началах Российско-Германский музей Берлин-Карлсхорст.

ют ни на брань, ни на полетевшие в них пивные бутылки. Инцидентов удастся избежать и в этом случае.

7.00 – Момпер вылетает в Бонн на военном самолете, который по его просьбе предоставлен американской администрацией в Западном Берлине. В качестве вновь избранного президента бундесрата он должен открыть его заседание, но времени у него в обрез. Прибыв в столицу ФРГ, он констатирует, что там совершенно не чувствуется того фундаментального сдвига в германской истории, который произошел минувшей ночью. Нет «траби», нет восторженной толпы, будничная нормальность – почти невероятно! Правительственный квартал спокоен и пуст. Верхушка правительства во главе с канцлером находится с визитом в Польшу. Премьер-министры земель ФРГ, коллеги Момпера по бундесрату, расспрашивают его о подробностях событий у стены. Но он и сам не знает, надолго ли сохранится режим перехода границы, установившийся прошлой ночью. Радио ГДР объявило, что с 8.00 часов начавшегося дня контроль на КПП стены восстановлен, но никаких изменений пока не наблюдается. Более того, когда у жителей ГДР не оказывается с собой удостоверения личности там, где контроль еще сохраняется, им достаточно предъявить водительские права или какой-либо иной официальный документ, чтобы быть пропущенными в Западный Берлин. Правда, пограничники стали проверять документы у въезжающих граждан ФРГ, а на КПП Фридрихштрассе и Генрих-Гейне-штрассе – требовать у западноберлинцев разрешение на въезд в ГДР.

7.30 – Находящийся в Варшаве Г.Коль принимает решение прервать в 16.00 часов выполнение программы визита и возвратиться в Бонн. На завтрашнее утро он назначает чрезвычайное заседание правительства. Уже сегодня вечером, а также завтра утром он намерен провести переговоры по телефону с президентом США Дж.Бушем, президентом Франции Фр.Миттераном, премьером Великобритании М.Тэтчер и генеральным секретарем ЦК КПСС М.С.Горбачевым. Коль считает необходимым обговорить свои дальнейшие действия в сложившейся обстановке с главами четырех держав, ответственных за Берлин и Германию в целом, а сделать это проще из Бонна.

7.50 – У меня раздается звонок из МИД СССР (в Москве уже 9.50). Звонит В.В.Свирин, заведующий отделом Польши и ГДР Управления социалистических стран Европы. Он спрашивает: «Что у вас там творится? Все информационные агентства как с ума посходили: стены-де больше нет». Подтверждаю правильность сообщений агентств, кратко обрисовываю создавшееся положение и добавляю, что ничего другого и

нельзя было ожидать при избранной ГДР манере вести дела. Следует вопрос: «А с нами это было согласовано?» Отвечая: «Посольство ни о чем не информировали. Может быть, они напрямую с Москвой договорились? Но это уже вам перепроверять надо». Четверть часа спустя послу звонит Абоимов и предлагает запросить объяснения у Фишера. Посол немедленно связывается с министром иностранных дел ГДР, застав его в последнюю минуту – тот торопится на продолжающийся пленум ЦК СЕПГ. Фишер в замешательстве: «Ну, что еще можно сказать по этому поводу?» Но обещает, что вскоре посольство получит официальный ответ на свой запрос.

8.30 – Мне звонит Вальтер Мюллер, заведующий отделом Западного Берлина МИД ГДР, и диктует следующий текст для передачи послу: «Мы просим понять, что решение о безвизовом выезде в Западный Берлин и ФРГ прошлой ночью было вынужденным. Иначе возникли бы очень опасные последствия. Времени на консультации не было. С сегодняшнего утра порядок на пограничных КПП восстановлен. Сегодня мы информируем и М.С.Горбачева. Одновременно мы просим воздействовать на власти западных держав в Западном Берлине для прекращения нарушения порядка с западной стороны стены». Немедленно вручаю послу написанный от руки текст перевода сообщения Мюллера.

9.00 – Свою речь в бундсрате Момпер начинает признанием, что он не спал всю эту ночь. «Тот, кто пережил эту ночь в Берлине или следил за нею по передачам телевидения, – продолжает он, – никогда не забудет 9 ноября 1989 года. Простой ночью немецкий народ был самым счастливым народом на свете. Это был день свидания людей из обеих частей Берлина. Это была ночь, когда стена утратила свой разделяющий характер. Народ ГДР на улицах добыл себе эту свободу и вчера впервые отпраздновал ее». Момпер предупреждает, что начавшееся развитие принесет большие тяготы и серьезные проблемы для ФРГ и справляться с ними придется всем вместе. Он заканчивает речь так: «Если мы хотим оказаться на высоте происходящих в Европе изменений, то нам придется мыслить более гибко. Мы должны устранить стену в наших головах. Мы не можем застыть в системе старых конфронтаций и блокового мышления. Ничто в Европе не останется таким, каким было».

9.00 – «Летучка» в посольстве открывается обзором печати ГДР, которая освещает следующие темы: работа X пленума ЦК СЕПГ; решение о созыве партконференции СЕПГ 14 – 17 декабря; предстоящая 17 ноября сессия Народной палаты; выдвижение кандидатуры председателя Демократической крестьянской партии Германии Г.Малойды на пост

председателя Народной палаты; публикация новых правил выезда из ГДР; встреча Э.Кренца и премьер-министра земли Северный Рейн-Вестфалия Й.Рау (СДПГ); обращение окружного комитета СЕПГ Нойбранденбурга с просьбой пересмотреть решение об оставлении Кемницера членом политбюро ЦК; постановления окружкома СЕПГ Галле о снятии Бёме и окружкома СЕПГ Котбуса о снятии Вальде с постов 1-х секретарей ОК; объявление о митинге членов СЕПГ в берлинском Люстгартене, назначенном на сегодня в 17.30 часов. Обзор западноберлинской печати: открытие границ ГДР с ФРГ и Западным Берлином; заявление председателя ХДС Западного Берлина, бывшего правящего бургомистра Э.Дипгена – «Берлин вновь становится открытым городом»; заявление шефа ведомства федерального канцлера Р.Зайтерса – «Мы будем помогать ГДР»; ход визита Коля в Польшу; заявление президента США Дж.Буша – «Мы готовы помочь ФРГ».

Посол В.И.Кочемасов сообщает: «Работа пленума проходит остро. От него ждут убедительных решений. Возникли осложнения с Бёме, Кемницером, Вальде, Инге Ланге. В Галле пригрозили забастовкой, если Бёме не удалят из политбюро. Бёме, Кемницер, Вальде попросили об отставке. Пленумы окружкомов состоялись в ночь на 10 ноября. Была критика в адрес Э.Хонеккера, Г.Миттага и других соратников бывшего генсекретаря. В адрес Э.Кренца критики нет. Х.Модров пошел дальше в своих предложениях об экономической реформе, чем доклад ЦК. Однако события в первичных парторганизациях опережают события в ЦК. Крепнет поддержка требования о созыве партконференции. Э.Кренц выступит на митинге сегодня в 17.30. Экономисты ГДР утверждают: надо или снижать на 30% жизненный уровень населения, или идти на займы. Коль готов прямо из ПНР приехать в Берлин для переговоров об экономической помощи ГДР. Байль²⁷ говорит: "При нынешних условиях ГДР продержится до 1991 года, затем наступит банкротство". Друзья намерены признать "Новый форум"; мы это не будем драматизировать».

Посол зачитывает сообщение из МИД ГДР об обстоятельствах открытия стены и комментирует его следующим образом: «После объяв-

---

²⁷ Вернер Вальде (р.1926) – 1-й секретарь окружкома СЕПГ Котбус, кандидат в члены политбюро ЦК СЕПГ; Гюнтер Миттаг (р.1926) – член политбюро, секретарь ЦК СЕПГ по экономике; Ханс Модров (р.1928) – 1-й секретарь Дрезденского окружкома СЕПГ, с 13.11.1989 председатель Совета министров ГДР; Герхард Байль (р.1926) – член ЦК СЕПГ, министр внешней торговли ГДР.

ления Шабовского у КПП Инвалиденштрассе собралось несколько тысяч людей, которые вели себя очень агрессивно. Власти были вынуждены открыть выход в Западный Берлин по "упрощенной процедуре". За ночь ушли 60 тысяч человек, вернулись 45 тысяч. С 8.00 часов введен обычный режим на КПП²⁸. Ночью вводились войска²⁹ (у Бранденбургских ворот)».

10.00 – Несколько иностранных информационных агентств попросили М.Вольфа дать интервью с оценкой ночных событий. Интервью происходят в том же Международном пресс-центре, в котором накануне вечером встречался с журналистами Шабовский. Вольф говорит: «Общий ход событий после начала исхода [граждан ГДР] через Венгрию этим летом показывает, какими гигантскими возможностями целый год пренебрегало прежнее руководство страны. Если бы своевременно были предприняты шаги по реализации давно и повсеместно заявленных требований об обеспечении возможностей для поездок для всех граждан при точно сформулированной задаче найти исчерпывающее решение проблемы, какой эффект это могло бы вызвать и какое воздействие оказало бы это на наших людей! Можно уверенно исходить из того, что тогда можно было бы считаться с всеобщим пониманием в отношении необходимых мер по ограждению нашей экономики, прежде всего нашей валюты. По поводу того, что произошло вчера, даже представители "Нового форума", деятели искусства и писатели, всегда выступавшие за неограниченную свободу поездок, высказывают свои оговорки».

10.00 – Через час после начала работы третьего и последнего дня пленума ЦК СЕПГ председательствующий Э.Кренц затрагивает вопрос

---

²⁸ Информация была не совсем точной: порядок на КПП стены удалось в общих чертах навести лишь к понедельнику 13 ноября. За эти четыре дня в Западном Берлине побывали более 3-х миллионов граждан ГДР – в некоторые моменты его «населенность» возрастала более, чем в два раза.

²⁹ Имелась в виду Национальная народная армия ГДР. И эта информация, сообщенная послом, не соответствовала действительности. Позже выяснилось, что ночью действительно был момент, когда в военных верхах ГДР обсуждалась возможность введения дополнительных войск в приграничную полосу, но от этой идеи быстро отказались. Неточности в информации были вызваны, возможно, тем, что посол практически не говорил по-немецки, а его собеседники из ГДР не всегда в достаточной степени владели русским языком. Во всяком случае, в течение дня 10 ноября изложенные послом сведения попали в Москву (кто только не звонил в этот день в посольство!) – причем без уточнения, что речь могла идти лишь о войсках ГДР.

о режиме перехода границ. Он говорит: «Я не знаю, все ли товарищи осознали серьезность положения. Давление, которое до вчерашнего дня оказывалось на чехословацкую границу, перенесено с сегодняшней ночи на наши границы. Велика опасность, что много людей покинет нас, хотя позитивным сигналом является то, что три четверти тех, кто прошлой ночью посетил Западный Берлин, вернулись и находятся сейчас на своих рабочих местах. Прошлой ночью давление на границе стало нестерпимым, возможно было бы лишь военное решение, но благодаря осмотрительным действиям наших товарищей из МВД и МГБ удалось справиться с ситуацией и сохранить мирную обстановку. Однако давление усиливается. Товарищи из округов сообщают, что ситуация не улучшается. Я за то, чтобы мы сейчас не спорили, а поручили комиссии ЦК, которую мы должны создать, изучить данный вопрос и доложить о результатах на следующем пленуме ЦК или, если необходимо, на партконференции. Нужно только действовать так, чтобы вовне не просочились данные, которые могли бы побудить международные банки использовать их против нас. Я думаю, что это чрезвычайно важно».

На этом обсуждение провальных событий прошлой ночи заканчивается, и Кренц переходит к другим вопросам. В частности, он говорит о звонке Хонеккера с просьбой информировать его об обстоятельствах ночных событий и высказывается за то, чтобы результаты работы комиссии были доступными для всех членов ЦК, в число которых входит и Хонеккер. Оглашается внесенное членами ЦК предложение об исключении Г.Миттага, ближайшего сотрудника Хонеккера, из состава ЦК СЕПГ. В связи с решениями ряда окружных парторганизаций поднимается вопрос о доверии новому составу политбюро.

11.00 – У Бранденбургских ворот обстановка снова осложняется – на этот раз с западной стороны. В этом месте гребень стены очень широк, достигая полутора–двух метров (двойная стена покрыта своеобразной «крышей»). Западноберлинцы, прежде всего молодые люди, вскарабкались на гребень и не собираются спускаться. Между тем руководство ГДР требует восстановить порядок на границе – существует опасность, что люди со стены попытаются перейти на территорию Восточного Берлина. Министр обороны Х.Кесслер непрерывно звонит послу и настоятельно просит воздействовать в этом смысле на союзнические власти в Западном Берлине. Посол поручает мне заняться этой проблемой. Позже выяснилось, что и правящего бургомистра В.Момпера одолевали опасения по поводу возможных инцидентов у Бранденбургских ворот и на Потсдамской площади, где гребень стены также достаточно широк,

чтобы на нем стояли люди. Он еще ночью обратился к посланнику США в Западном Берлине Гарри Гилмору с просьбой разрешить западноберлинской полиции подойти вплотную к стене, то есть пересечь фактическую секторальную границу – иначе-де утихомирить разбушевавшуюся стихию представляется затруднительным. Поэтому мой звонок Гилмору падает на хорошо подготовленную почву (звоню я по дотопной прямой телефонной линии, соединявшей посольство непосредственно с союзническим узлом связи в британском секторе еще с конца 40-х годов; обычная телефонная связь между Восточным и Западным Берлином парализована обилием звонков или попросту отключена). Гилмор проявляет полное понимание и только спрашивает, не будет ли ГДР против того, чтобы полиция Западного Берлина в целях наведения порядка перешла белую линию³⁰. Я сразу отвечаю, что не будет. Через несколько дней один из заместителей министра иностранных дел ГДР дружески попеняет мне, что я не провел консультации с его ведомством по этому вопросу. Однако напряженность обстановки не допускала потерь времени.

Последовавшие за нашим с Гилмором телефонатом действия западноберлинской полиции просты, но эффективны. Служебные полицейские автобусы выстраиваются вдоль стены сплошной цепочкой, бампер к бамперу, в обеих невралгических точках, перекрыв доступ к стене для пополнения «стояльцев». Этим последних вежливо и даже где-то нежно уговаривают спуститься на землю и отойти за белую линию. В последние дни ситуация стояния на стене периодически повторяется, но уже в значительно меньших масштабах и сразу же пресекается заботами западноберлинской полиции. В целях отвлечения внимания от опасных точек англичане направляют в места скопления народа вблизи стены полевые кухни с бесплатной раздачей солдатского гуляша. Окончательно напряжение спадет лишь в воскресенье 12 ноября, к утру которого саперы ННА ГДР проделают на Потсдамской площади широкий пролом в стене, заасфальтировав подходы к нему с обеих сторон. Этот новый КПП (точнее, пункт бесконтрольного перехода границы) начнет функционировать в присутствии обер-бургомистра (Восточного) Берлина Эрхарда Крака, который будет первым официальным лицом ГДР, вышедшим «на люди» в эти беспокойные дни.

---

³⁰ Как выяснилось позже, Гилмор уже ночью дал согласие на переход белой линии западноберлинской полицией; его вопрос был своего рода «перестраховкой».

12.00 – Делегации ФРГ в Варшаве поступает информация о том, что В.Момпер назначил на 16.30 текущего дня митинг перед шёнебергской ратушей, на котором якобы должен выступать и канцлер. Коль взбешен: с ним никто не консультировался. Даже в Бонне ничего не знают об этом решении Момпера. Канцлер считает, что столь раннее начало митинга должно, по мысли организаторов, помешать Колю принять участие в нем – остается слишком мало времени, чтобы вовремя прибыть в Берлин. Отсутствие же главы правительства на митинге по такому поводу имело бы катастрофические последствия для него во внутривнутриполитическом плане. Ситуация осложняется тем, что Коль не может лететь прямо из Варшавы, поскольку авиация ФРГ не имеет права пользоваться берлинскими воздушными коридорами, тем более что канцлер по своему статусу использует для полетов только самолеты бундесвера. Начинаются лихорадочные переговоры с послом США в Бонне Верноном Уолтерсом по телефону, в результате которых утверждается следующая маршрут: Коль летит своим самолетом до Гамбурга, там он пересаживается на военную американскую машину, которая и доставляет его в Берлин.

12.20 (14.20 по московскому времени) – ТАСС распространяет комментарий к событиям прошлой ночи в Берлине. Это первая публичная реакция официального характера с советской стороны. В комментарии содержится согласие с позитивными зарубежными откликами на открытие КПП стены и подчеркивается, что Советский Союз, разумеется, поддерживает принятые правительством ГДР меры: Берлинская стена была «символом раскола Европы»; ее устранение «облегчит строительство общего европейского дома». Час спустя с прессой встречается заведующий отделом печати МИД СССР Г.И.Герасимов, который подтверждает оценки, данные ТАСС. Он говорит, что решение об открытии границ было суверенным актом ГДР и что новые правила носят разумный характер. Они не означают исчезновения границ, а являются частью принимаемых мер по стабилизации обстановки.

Возможно, что у кого-то в Москве и были какие-то сомнения по поводу событий ночи с 9 на 10 ноября, но верх одержала позиция одобрения действий руководства СЕПГ. Наиболее выпукло эту позицию формулирует помощник генерального секретаря ЦК КПСС по внешней политике А.С.Черняев в дневниковой записи от 10 ноября: «Рухнула Берлинская стена. Закончилась целая эпоха в истории "социалистиче-

ской системы". За ПОРП и ВСРП пал Хонеккер³¹. Сегодня пришло сообщение об "уходе" Дэн Сяопина и Живкова. Остались наши "лучшие друзья": Кастро, Чаушеску, Ким Ир Сен, ненавидящие нас яро. Но ГДР, Берлинская стена – это главное. Ибо тут уже не о "социализме" идет речь, а об изменении мирового соотношения сил, здесь конец Ялты, финал сталинского наследия и разгрома гитлеровской Германии... Вот что "наделал" Горбачев. Действительно, оказался велик, потому что учуял поступь истории и помог ей войти в "естественное русло"³².

12.30 – Кренц прерывает дискуссию на пленуме ЦК СЕПГ экстренным сообщением: «Товарищи, неожиданно возникло очень сложное положение. Ситуация в столице, в Зуле и других городах чрезвычайно обострилась. Распространяются паника и хаос. Рабочие покидают предприятия. Сотня трудящихся на заводе электромеханики в Каульсдорфе прекратила работу. На берлинском электроламповом заводе стоят несколько конвейерных линий в цехе ламп высокого давления. Рабочий режим городского хозяйства удастся поддерживать ценой больших усилий. В Потсдаме многие трудящиеся также временно или на длительный период покидают предприятия, чтобы оформить в районных отделах Народной полиции разрешение на поездку в ФРГ или Западный Берлин. Обращает на себя внимание усиленная скупка дорогостоящих товаров народного потребления. Среди партийного актива господствует непонимание в отношении решений о возможности поездок. Из Эрфурта сообщают о большом скоплении народа на КПП Варта. Товарищи сильно обеспокоены, поскольку никто не в состоянии предвидеть экономических последствий и результатов. Преобладает мнение о том, что начинается распродажа республики. Граждане, имеющие "форумчеки"³³, требуют их обратного обмена в марки ФРГ. В округе Шверин усиленно снимаются средства со сберегательных счетов. В сберкассах округа Дрезден наблюдается большое скопление вкладчиков. С КПП Ляйстунген в округе Эрфурт только что сообщили, что легковые автомашины образовали трехкилометровую пробку. Западнберлинская радиостанция "100,6" призвала к участию в общеберлинском митинге в

---

³¹ Неясно, почему «падение» Хонеккера датируется здесь 9 ноября: на самом деле он лишился поста генерального секретаря ЦК СЕПГ 18 октября 1989 г.

³² Мне и сегодня непонятно, чем можно было восхищаться в тот драматический момент.

³³ Приобретавшиеся на конвертируемую валюту чеки, дававшие возможность закупать западные товары в специальных магазинах.

19.30 на Брайтшайдплац в Западном Берлине. Товарищ Модров и товарищ Шабовский немедленно установят контакт с председателями блоковых партий³⁴, чтобы незамедлительно сформировать правительство. Необходимо найти способ, чтобы это правительство могло начать действовать еще до того, как будет избрано. Это должно быть дееспособное правительство³⁵».

С места вносится предложение ввиду остроты положения завершить обсуждение заключительного документа пленума, чтобы каждый мог вернуться на свое рабочее место. Но дебаты продолжаются.

14.30 – Коль вылетает из Варшавы в Гамбург. Тем временем удалось сдвинуть начало митинга у шёнебергской ратуши на полчаса – он начнется в 17.00. Американский военный самолет оказывается неожиданно маленьким, в нем едва-едва умещаются самые доверенные лица из команды канцлера. Напротив Коля, почти соприкасаясь с ним коленями, сидит его помощник по внешней политике Хорст Тельчик. Канцлер работает над проектом речи, которую он собирается произносить на митинге.

17.00 – Прибывшего к шёнебергской ратуше Коля собравшиеся на митинг (около 50 тысяч человек из обеих частей Берлина) встречают оглушительным свистом. Выясняется, что парторганизация ХДС Западного Берлина назначила на этот же вечер отдельный митинг своих сторонников на Брайтшайдплац (у Церкви поминовения по соседству с Курфюрстендамм, самой фешенебельной из западноберлинских улиц). Это явный просчет, и вышедший из себя Коль не скрывает своего гнева.

Открывающий митинг Момпер вновь говорит о немцах, как о «самом счастливом народе в мире» и о «дне свидания» немцев с Востока и Запада. Он подчеркивает, что «сейчас в ГДР пишется захватывающая глава германской истории. Эту главу пишет сам народ ГДР» (канцлер и

---

³⁴ В основе политической системы ГДР лежал Демократический блок, в который входили четыре дружественные СЕПГ партии (Христианско-демократический союз, Либерально-демократическая партия, Национально-демократическая партия, Демократическая крестьянская партия), а также около 80 общественных организаций. Дружественные партии были представлены в органах государственной власти на всех уровнях. Они рассматривали себя в качестве союзников СЕПГ; в их уставах было включено положение о ее руководящей роли.

³⁵ Х.Модров был избран председателем Совета министров ГДР на сессии Народной палаты 13 ноября. Состав правительства и правительственную программу палата утвердила 18 ноября.

его окружение очень недовольны тем, что Момпер говорит о «народе ГДР»). Выступающий вслед за ним Вилли Брандт расценивает события минувшей ночи как подтверждение того, что «противоестественное разделение Германии не сохранится», что «ныне срастается то, что составляет единое целое», и что «Берлин будет жить, а стена падет». Министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер тщательно избегает в своей речи всяких ссылок на объединение Германии и заверяет всех ее соседей в том, что они и в дальнейшем не должны опасаться немцев. Появление Коля перед микрофоном вновь вызывает громовой свист митингующих, но канцлер продолжает говорить. Он призывает к спокойствию и обдуманному действию, к «отказу следовать радикальным лозунгам и призывам» и «осторожному нащупыванию шаг за шагом пути в совместное будущее». Он единственным из ораторов благодарит «наших американских, британских и французских друзей за поддержку и солидарность, которые в последние десятилетия были необходимы для обеспечения свободы свободной части Берлина». При этом Коля не забывает и М.С.Горбачева, которого он заверяет в «своем уважении». Слова «воссоединение» он не произносит, но говорит о «моральном долге работать ради единства нашей германской нации».

Трудно сказать, как выглядела бы речь Коля, если бы не следующий эпизод. Еще во время выступления Брандта Тельчик был срочно вызван к телефону для разговора с послом СССР в ФРГ Ю.А.Квицинским. По поручению Горбачева посол просил немедленно, еще во время митинга, передать канцлеру устное послание советского руководителя следующего содержания: в сложившейся деликатной обстановке следует сделать все, чтобы предотвратить возникновение хаоса, и поэтому Горбачев просит Коля успокаивающе воздействовать на людей. Тельчик сумел передать послание по назначению до того, как канцлер начал свою речь.

20.00 – В.И.Кочемасов созывает совещание старших советников и информирует их о состоявшихся у него контактах с руководством МИД СССР. Самое главное состоит в том, что у Москвы нет замечаний по поводу линии поведения посольства за истекшие сутки. Посол сообщает, что днем Горбачев направил устное послание Брандту со своей оценкой ситуации в Берлине. Генеральный секретарь ЦК КПСС поручил послу также передать Кренцу следующее: «Все сделано совершенно правильно. Так держать – энергично и уверенно!» На что Кренц ответил: «Надо жить, наконец, в цивилизованном мире». Посол отмечает, что дал указание Западной группе войск «замереть и уйти в себя». Дело

в том, что ранее Шеварднадзе информировал Кочемасова: «У нас есть сведения, что военные что-то шевелятся. Никаких действий не предпринимать!»³⁶ В ходе беседы с послом по телефону Шеварднадзе рассказал также, что Тэтчер ругала Миттерана за поддержку воссоединения Германии. Она будет сокращать британские войска в Западном Берлине и ФРГ, если что будет «не так». Тэтчер звонила Колю и советовала встретиться с Кренцем.

20.00 – Коль вылетает американским самолетом из Берлина в Бонн. До этого он успел выступить на митинге ХДС у Церкви поминовения (около 2 тысяч участников), где ему почти не мешали говорить, и посетить КПП Фридрихштрассе с его бесконечной колонной «траби», въезжающих на территорию Западного Берлина. Присоединившийся к сопровождающей канцлера группе Рудольф Зайтерс информирует о пожеланиях ГДР в отношении возможной экономической помощи и о готовности Эгона Кренца уже завтра встретиться с Кодем. Коль отвечает, что лучше он переговорит с Кренцем по телефону, а речь о встрече пойдет лишь после того, как в ГДР будет сформировано правительство, опубликована его программа и подготовлена конкретная повестка дня переговоров. Что же касается экономической помощи для ГДР, то она не должна помогать укреплению «системы» и начнется лишь после того, как будет ясность с намечающимися в ГДР реформами.

22.00 – Коль разговаривает по телефону с М.Тэтчер. Она интересуется, какие шаги намеревается предпринять канцлер, и предлагает провести экстренную встречу в верхах Европейского сообщества, так как сейчас необходимы тесный контакт и обмен мнениями. Она спрашивает также, собирается ли Коль позвонить Горбачеву. На последний вопрос Коль отвечает утвердительно; идея о чрезвычайной встрече ЕС остается висеть в воздухе. Через несколько минут начинается телефонный разговор канцлера с президентом США Дж.Бушем, который хочет узнать западногерманскую оценку ситуации. Канцлер подчеркивает, что население ГДР ведет себя сдержанно и все зависит от того, готово ли новое

---

³⁶ С 7 ноября 1989 г. Западная группа войск (прежнее наименование «Группа советских войск в Германии») было изменено летом 1989 года по настоянию Хонеккера) находилась на казарменном положении: был запрещен всякий выход в город для всех военнослужащих. Такой порядок действовал по соображениям предосторожности во время всех крупных праздников СССР и ГДР («как бы чего не вышло»). Таким образом, в ЗГВ никаких «шевелений» не происходило. Командование группы, как и все представители СССР, пыталось лишь разобраться в том, что же происходит в «стране пребывания».

руководство Восточной Германии пойти на коренные реформы. Президент похвально отзываясь о позиции правительства ФРГ и делает акцент на важности своей предстоящей встречи с Горбачевым.

23.00 – Во время совещания Коля со своими министрами по основным проблемам складывающейся ситуации (обеспечение приема потока переселенцев из Восточной Германии³⁷; выплата «приветственных денег» посетителям из ГДР; условия, на которых может оказываться экономическая помощь ГДР, и т.д.) раздается звонок из Вашингтона. Советник президента США по национальной безопасности Brent Скоукрофт сообщает, что Горбачев информировал Буша о своем устном послании канцлеру (по-видимому, имеется в виду информация, которая была передана Колю во время митинга у шёнебергской ратуши). Горбачев охарактеризовал положение в Берлине как «очень неустойчивое» и рассказал, что поручил советскому послу в ГДР вступить по этому поводу в контакт с послами трех западных держав в ФРГ³⁸. Канцлер неодобрительно молчит. Как раз вчера, перед отлетом в Варшаву, он получил поддержку кабинета для своей линии, отвергающей любые контакты четырех держав «через голову немцев». Настроение Коля улучшается, когда ему докладывают, что по полученным в доверительном порядке сведениям Горбачев призвал руководство СЕПГ обеспечить в ГДР «мирный переход». Это сообщение подкрепляет убежденность канцлера в том, что СССР не хочет «китайского варианта». Он торжествует: «Повторения 17 июня³⁹ не будет!» Значит, решает он, сегодняшнее

---

³⁷ В частности, участники совещания докладывали, что число беженцев из ГДР заметно сокращается, и появилась надежда справиться с этой проблемой, причем ее решение представляется для ФРГ «более легким делом, чем для ГДР». Они говорили далее, что в ФРГ переселенцы из ГДР принимаются еще с симпатией, иногда даже с энтузиазмом, но если их количество будет расти, то из-за недостатка квартир возможен перелом в настроениях: «От западных немцев сейчас требуется такая готовность идти на жертвы, какой уже давно не наблюдается».

³⁸ По сложившейся традиции, обсуждение вопросов, касающихся Берлина и Германии в целом, входило в компетенцию посольства СССР в ГДР и посольств США, Великобритании и Франции в ФРГ. Однако упомянутого Скоукрофтом указания советское посольство в Берлине не получало. Возможно, американцы хотели этой «неточной» информацией оправдать визит к В.И.Кочемасову посла США в Бонне Вернона Уолтерса, состоявшийся в воскресенье 12 ноября по инициативе американцев.

³⁹ Волнения в ГДР, начавшиеся 17 июня 1953 года в основном как протест против экономической политики ускоренного строительства социализма, заставили вывести на улицы

устное послание Горбачева означало лишь просьбу совместно позаботиться о том, чтобы политика не утратила контроля над происходящими событиями.

24.00 – Смертельно усталый, я снова сижу перед экраном телевизора, где разворачиваются сцены ликования – ФРГ наслаждается столь неожиданно свалившейся на нее возможностью прибрать к рукам ГДР, свою неизмеримо более бедную и более слабую соперницу в деле формирования будущего Германии. Заканчиваются «длинная ночь» 9-го и «длинный день» 10-го ноября 1989 года. К облегчению по поводу того, что удалось избежать худшего и острейший кризис, вызванный неловкими действиями нового руководства СЕПГ, не привел к кровопролитию, примешиваются озабоченность и тревога за последствия. За истекшие тридцать шесть часов явственно проступили контуры ближайшего германского и с ним европейского будущего. До объединения Германии остается еще почти год, но уже ощущается его неизбежность. После состоявшегося 9 ноября «политического самоубийства» ГДР сроки и условия исчезновения республики зависят от политической воли Москвы – от ее решимости отстаивать свои (и населения ГДР) интересы, от осознания связи между судьбой ГДР и европейским будущим СССР, от умения использовать те немногие козыри, которые все еще остаются на руках у советского руководства. Что-то в нашей реакции на падение стены подсказывает мне пессимистическую оценку перспектив нашей европейской политики, хотя, конечно, представить себе, что мы по своей воле просто «подарим» ГДР, отвернемся от нашего ближайшего союзника и бросим на произвол наших друзей, я еще не могу. Я убежден, что предстоит трудная и упорная борьба за то, чтобы не растерять наследие великой Победы, доставшейся нашему народу такой дорогой ценой. За то, чтобы нас не вычеркнули походя из списка держав, формирующих европейские и мировые реальности. Для меня ясно лишь одно: нельзя заранее сдаваться, пусть даже шансов на успех остается не так уж много.

восточногерманских городов танки дислоцированной в ГДР Группы советских войск в Германии.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр»,
главный редактор журнала «Россия XXI»,
главный режиссер театра «На досках»

Мальков Виктор Леонидович

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
руководитель научного Центра
историко-теоретических исследований
Института всеобщей истории РАН

Павлов Дмитрий Борисович

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России и права
Московского государственного института радиотехники,
электроники и автоматики (МИРЭА)

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор кафедры
отечественной истории древнего мира и средних веков
Российского государственного гуманитарного университета

Белова Ольга Владиславовна

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН

Максимычев Игорь Федорович

посланник в отставке, доктор политических наук,
главный научный сотрудник Института Европы РАН

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
«Experimental Creative Center»,
Editor-in-chief of «Russia XXI»,
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Mal'kov Victor Leonidovich

D. Sci., historian, Professor,
Merited Science Worker of Russia,
Head of Scientific Centre of theoretical research
of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences

Pavlov Dmitriy Borisovich

D. Sci., historian, Professor, the Head of Chair
for Russian history and Law of the Moscow State Institute
of Radio Engineering, Electronics and Automatics

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci., historian, Professor,
Chair of Early and Early Modern Russian History,
Russian State University for Humanities

Belova Ol'ga Alexandrovna

D. Sci., philologist, leading specialist,
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

Maximychev Igor' Fedorovich

Minister extraordinary and plenipotentiary (ret.),
Doctor rer. pol., Chief researcher of the Institute of Europe,
Russian Academy of Sciences

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ

в Москве

МДК ул. Новый Арбат, д.8;

«Гелея», Нахимовский просп., д.51/21;

«Наталис», Б.Левшинский пер., д.8/1, стр.2;

«Фаланстер», М.Гнездниковский пер., д.12/27, стр.3;

магазины издательства «РОССПЭН»:

Нахимовский пр-т, д.51/21; ул. Дм. Ульянова, д.19;

магазин ОГИ: Потаповский пер., д.8/12;

киоск МГИМО, просп. Вернадского, д.76;

киоск РУДН ул. Миклухо-Маклая, д.6;

киоски I и II гуманитарных корпусов МГУ Воробьевы горы;

киоск Института востоковедения РАН, ул. Рождественка, д.12;

киоск Института Африки РАН, ул. Спиридоновка, д.30/1;

киоск в РГБ ул. Воздвиженка, д.3/5, 1-ый читательский подъезд;

в интернет-магазине «Политкнига.ru»

www.politkniga.ru

в интернет-магазине «Агентство научных изданий»

www.ani-books.ru

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:

**39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
82118 – по каталогу Агентства «Роспечать»**

Альтернативная подписка:

**ООО «Интерпочта» тел. (495)500-00-60,
(495)580-95-80,
(495)795-23-00**

ООО «АльтПресса» тел. (495)974-30-79

**ООО Агентство «Артос–Гал» тел. (495)603-27-33,
(495)603-27-34**

**ООО «Вся пресса» –
справки о вашем региональном агентстве
по тел. (495)906-07-26, (495)906-07-35**

**В редакции подписка и продажа льготные.
Тел. (495)691-74-79**

**Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 681-91-37, (495)681-57-15
e-mail: export@periodicals.ru**

**Открыта подписка на электронную версию журнала,
начиная с 1 номера 2008 года. Подписка оформляется
через Научную электронную библиотеку: www.elibrary.ru**

Учредитель
Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Главный редактор
С.Е.Кургинян
Редколлегия:
Бялый Ю.В. (зам. гл. ред.),
Мамиконян Е.Р. (зам. гл. ред.),
Каравашкин А.В.,
Куриленкова А.А.,
Петрова И.Н.

Перепечатка допускается
по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна

Позиция редакции не всегда совпадает с мнением авторов

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года
Регистрационное свидетельство 011074

Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
телефон (495)691-74-79
факс (495)694-17-54
E-mail russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>

© «Россия XXI» 2009
Цена свободная

ISSN 0869—8503

**Подписка на газеты и журналы по Москве
через Интернет: www.GAZETY.ru**

Подписано в печать 17.06.2009. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная 1. Объем 12.25 печ. л.
Тираж 1500 экз. Заказ 5368
Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».
140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.
Тел. 554-21-86

3. 2009 may-june

Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Zealots of the White Truth: on Political Price
for Repentance _____ **4**

Geopolitics and International Policy Issues

Victor Mal'kov

America: Reiteration of the Past? _____ **34**

Pages of History

Dmitriy Pavlov

Meiji Japan in the Western Perception _____ **58**

Andrey Yurganov

Stalin and Eisenstein (the Discussion about the Film
«Ivan the Terrible») _____ **92**

Labels and Myths

Ol'ga Belova

Figure of a Minister in the Popular
Perceptions _____ 132

Topical Archive

Igor' Maximychev

A Time to Throw Stones.
The Fall of the Berlin Wall 1989,
November 9–10 _____ 146

РОССИЯ XXI